

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

27
ФЕВРАЛЯ
1917

В. Старцев

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

27
ФЕВРАЛЯ
1917

В. Старцев

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

63.3(2)524
С 77

Рецензенты:

*доктор исторических наук А. Я. ГРУНТ,
доктор исторических наук Г. З. ИОФФЕ*

С $\frac{0505030101-326}{078(02) - 84}$ 013—84

Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону...

Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским.

*Из письма В. И. Ленина А. М. Коллонтай
от 3(16) марта 1917 года*

Э

та книга рассказывает об одной из значительных страниц мировой и отечественной истории — о крушении российского самодержавия, свергнутого Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 года, которая стала прологом Великого Октября. Кульминация развернувшихся революционных выступлений против царизма приходится на 27 февраля.

Почему именно 27-го? Если читатель помнит школьный курс истории, то, возможно, знает, что события Февральской революции начались с мощной забастовки питерских работниц и рабочих 23 февраля (по новому стилю 8 марта). Это — начало. Николай II отрекся от престола поздно вечером 2(15) марта. Тогда же в Петрограде образовалось и буржуазное Временное правительство. Именно 27 февраля сделало Февральскую революцию революцией, наиболее ярко выявило ее движущие силы, предопределило отречение, создание нового правительства и образование двоевластия. Ведь именно в этот день произошло восстание солдат петроградского гарнизона, присоединившегося к бастовавшим уже четыре дня рабочим столицы. События дня вылились в могучее вооруженное народное восстание против царской власти, сокрушившее одну из сильнейших монархий в мире. Недаром на печати Петергофского районного Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда в центре было начертано: «27 февраля 1917 г.». Красная гвардия Василеостровского района поместила такую же надпись на алую повязку красногвардейца.

Борьба с самодержавием была главной задачей русских революционеров на протяжении целого столетия. Против царского строя боролись декабристы, Герцен и Чернышевский, герои «Народной воли», Александр Ульянов и его соратники. Свержение самодержавия стало ближайшей целью и для пролетарских революционеров во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Прежде чем думать о борьбе за социализм, нужно было свергнуть царизм, являвшийся тормозом на пути общественного развития России.

Сегодня трудно поверить, что до 27 февраля 1917 года во всей Европе было всего две республики: Франция да Швейцария! А все прочие большие и малые европейские государства были монархия-

ми. Конечно, монархия монархии рознь, все дело, как знает читатель, в господствующем классе. В Англии был король, но еще с конца XVII века к власти пришла буржуазия и правила страной с тех пор, не стесняясь королевского дома. Нынешние короли немногих еще оставшихся конституционных монархий эпюлеты надевают лишь в дни своего рождения. Иной президент буржуазной республики имеет сейчас в своих руках реальной власти больше, чем все нынешние короли, вместе взятые. В 1917 году картина была еще иная. В некоторых государствах даже при наличии парламентов короли и императоры не упускали из рук бразды правления. Скажем, в Австро-Венгрии или в кайзеровской Германии. И уж тем более в Российской империи.

Под натиском первой русской революции самодержавие вынуждено было пойти на некоторые уступки. Всероссийская политическая стачка вырвала у царя манифест 17 октября 1905 года, по которому формально провозглашались демократические свободы, законодательные права Государственной думы, вводилось общее избирательное право с рядом ограничений и только для мужчин в возрасте старше 25 лет. Но царское правительство и другие «поставленные от Нас власти» от контроля Государственной думы были полностью ограждены. Самодержавие жестоко подавляло революционное, любое демократическое и национальное движения. Даже буржуазной партии конституционалистов-демократов (кадетов) власть отказывала в законной регистрации. После же того как революционная волна пошла на убыль, с одобрения Николая II правительство П. А. Столыпина изменило избирательный закон и с 3 июня 1907 года резко сократило представительство в Думе крестьян, рабочих и даже буржуазии. Российский парламент окончательно превратился в бесправную говорильню, служившую лишь «выхлопной трубой» для буржуазного общественного мнения. Поэтому важнейшая задача участия народа в управлении страной не была решена в ходе первой русской революции и автоматически становилась целью новой, неизбежно назревавшей революции.

Точно так же в 1905—1907 годах не был решен и другой важнейший социально-экономический вопрос — уничтожение феодального помещичьего землевладения и передача всей земли в руки тех, кто ее обрабатывал, — в руки крестьян. Малоземелье, полнейшее бесправие, круговая порука крестьянской общины, постоянная необходимость аренды помещичьей земли по высоким ценам, множество других феодальных пережитков давили крестьян. Вместе с тем они создавали огромный резервуар революционной энергии, превращали крестьянство в надежного союзника рабочего класса в грядущей борьбе. Эта энергия стихийно вырывалась наружу в годы первой русской революции. Крестьяне жгли и уничтожали в 1905—1907 годах «дворянские гнезда», помещичьи усадьбы. Но достичь полного слияния крестьянского движения за землю и революционной борьбы рабочих в то время не удалось. Правительство жесточайшими мерами усмирляло крестьянское движение.

Преданный самодержавию, умный и ловкий государственный деятель П. А. Столыпин добился согласия царя на издание законов, разрешавших выход крестьян из общины, передачу земли крестьянам в частную собственность, выделение земли на хутора и отруба. Он хотел создать обширный класс крестьян-собственников, по сути, кулаков, которые бы из благодарности правительству составили наряду с классом дворян новую опору для царского трона. Но эта попытка не удалась. Столыпинскими законами смогла вос-

пользоваться до 1917 года лишь незначительная часть крестьянства. Антагонизмы в деревне еще более обострились (сам Столыпин в 1911 году был застрелен террористом, служившим и в охранке, и в тайной эсеровской боевой организации). Царизм потерял своего последнего талантливое защитника.

Устояв под натиском первой русской революции, царское самодержавие лишь немного подкрасило свой фасад в «конституционный цвет». Господствующим классом по-прежнему оставался класс помещиков-дворян, насчитывавший около 130 тысяч человек. Дворянским интересам служило чиновничество и офицерская каста, многие из которых также состояли из дворян. Николай II и его правительство полностью сохранили в своих руках всю исполнительную и распорядительную власть, а по существу, и законодательную, поскольку всякий принятый Государственной думой и Государственным советом закон получал свою силу лишь после утверждения его лично царем. С каждым годом в стране подымалось и росло новое недовольство существующим строем, экономической и внутренней политикой царизма. Недовольство охватывало большинство социальных слоев российского общества. Борьба против самодержавия оставалась к 1917 году главной задачей революционных партий. Даже буржуазия (очень напуганная еще первой русской революцией и желавшая избежать революции новой) чувствовала себя постоянно уязвленной, так как ее политический вес в стране далеко не соответствовал экономическому могуществу капитала, ставшего к началу XX века ведущим хозяйственным укладом в стране.

На всех более или менее значительных местах в центральном и местном государственном аппарате сидели дворяне. Более того, получение чина VII класса в знаменитой, еще Петром I введенной «Табели о рангах» вело автоматически и введение в дворянство, а следовательно, причисление к правящему классу и его привилегиям. Огромным гнездом паразитов висела на теле Российского государства царская семья и многочисленные члены романовской фамилии, великие князья и пр. Укрывшись за царской короной, правящая клика с настойчивостью маньяка обогащалась за счет народа, экономически и политически угнетала трудящийся люд, национальные окраины, подавляла любое проявление демократических устремлений, общественного протеста. Но время работало против самодержавия. «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты»...¹

Итак, сложнейшее переплетение классовых, социальных, экономических и политических противоречий, разъедавших романовскую империю, было разворочено «хирургическим вмешательством» событий 1905—1907 годов. Несмотря на поражение революции, уже с конца 1910 года стали обозначаться признаки нового общественного подъема, оживления революционного движения. Оно ускорялось и в последующие годы, а в середине 1914 года страна вновь оказалась в преддверии революционной ситуации.

И тут началась первая мировая война... Царская власть надеялась, что необходимость борьбы с внешним врагом должна сплотить

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 12. (В дальнейшем ссылки на Полное собрание сочинений В. И. Ленина будут даваться в тексте с указанием тома и страницы.)

российское общество воедино. Буржуазия сразу же поспешила заверить правительство в своей поддержке. Лишь большевики во главе с Лениным смело и открыто выступили против войны, объявили ее империалистической с обеих сторон и заявили, что поражение царской России в войне облегчит будущую победу революции. Их осуждали даже многие вчерашние единомышленники и попутчики. Большевики на время остались в меньшинстве. Но с каждым днем правота Ленина становилась все яснее большому числу людей. Война, как говорил Владимир Ильич, стала великим, могучим, всемогущим «режиссером» всемирной истории, ускорителем революции, стократно приблизила ее начало.

Сначала военные поражения, потери сотен тысяч людей, нехватка снарядов и снаряжения. Потом расстройство транспорта, падение сельскохозяйственного производства в результате обезлюдения деревни. Затем продовольственные трудности, недостаток мяса и хлеба... Все это усиливало общественное недовольство, рождало брожение во всех классах общества. И прежде всего среди трудящихся и рабочих, на долю которых выпадало большинство тягот военного времени. Роптала армия, офицерский корпус, который пополнился десятками тысяч интеллигентов. А суетная царская власть видела свою единственную и главную задачу в сохранении неизблемости русского самодержавия, романовской монархии и царской фамилии, господствующего положения класса дворян. Ни предложения мировой сделки со стороны буржуазных лидеров — в августе 1915 года они создали в IV Государственной думе Прогрессивный блок, куда вошло большинство членов Думы, и предложили царской власти создать «правительство доверия страны» из главварей партий буржуазии, — ни гневные нападки на министров и обвинения в измене царицы с трибуны Государственной думы не могли заставить Николая II пойти на уступки и заключить временный союз хотя бы с буржуазией. Отчаявшись в легальных способах получения власти, наиболее нетерпеливые буржуазные лидеры стали готовить дворцовый переворот...

Но он был сорван могучей народной революцией. Всего за неделю уничтожила она бастионы романовской монархии. Но в том, что это произошло так стремительно, в том, что всего за сутки 27 февраля 1917 года стала возможной победа революции, сказалась работа всех поколений русских революционеров, и прежде всего деятельность российских большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Обо всем этом будет рассказано в данной книге. Но автор хотел бы предупредить читателя, что в книге небольшого объема он никак не мог отразить все происходившие события, их многообразие и сложность. Я родился через четырнадцать лет после этих событий и свои первые знания о них вынес из воспоминаний старших, из старых журналов и газет, все еще хранившихся тогда во многих семьях, из такой замечательной книги, как первый том «Истории гражданской войны в СССР», изданной при участии академика И. И. Минца. Лишь потом я узнал, что и эта книга опиралась на большую литературу, вышедшую еще в двадцатые и в начале тридцатых годов, тогда было издано и много мемуаров, и разного рода документальных публикаций. Эти материалы обобщил первый том «Истории гражданской войны». Новый этап в изучении этих событий начался с конца пятидесятых годов и длится до сего времени. Мне хотелось бы упомянуть наиболее значительные книги советских историков и по этому вопросу (более полный список ли-

тературы и источников приложен в конце книги). Назову среди них монографию Э. Н. Бурджалова «Вторая русская революция. Восстание в Петрограде», первый том коллективной монографии ленинградских историков «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», имеющий подзаголовок «На путях к социалистической революции. Двоевластие». Отношениям между царизмом и буржуазией была посвящена книга В. С. Дякина¹. Тогда же, в 1967 году, вышел первый том трехтомного труда академика И. И. Минца «История Великого Октября»². Разоблачению мифа о «руководящей роли» IV Государственной думы в событиях Февральской революции посвятил свое исследование Е. Д. Черменский³.

Интересные сведения об участии рабочих как ведущей силы революции в свержении царизма содержатся в монографии И. П. Лейберова⁴. Популярный очерк событий революции и ее политического значения напечатала И. М. Пушкарева⁵.

Нет никакой возможности перечислить здесь сотни разнообразных исторических источников, которыми пользовался автор. Это и публикации делопроизводственных материалов царского правительства, полиции и других государственных учреждений, листовки и призывы революционных организаций, материалы прессы революционных дней, показания бывших царских министров и чиновников, привлеченных к ответственности после свержения царизма, многочисленные мемуары участников и свидетелей событий из всех слоев русского общества. Методологической основой этой книги являются произведения Владимира Ильича Ленина, особенно периода первой мировой войны и марта — апреля 1917 года, в которых вскрыты причины и предпосылки, движущие силы и классовое значение событий Февральской буржуазно-демократической революции как «первого этапа» первой из революций, порожденных мировой войной.

Необходимо также отметить, что история Февральской революции является сегодня одной из «горячих точек» современной идеологической борьбы. Буржуазные фальсификаторы истории стремятся всячески извратить действительный смысл и ход событий, происшедших в России в феврале — марте 1917 года и имевших своим неотвратимым следствием победу Великой Октябрьской социалистической революции. И даже труды буржуазных ученых, которые пре-

---

¹ См.: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Книга первая. Л., 1967; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914—1917. Л., 1967.

² Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967.

³ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

⁴ Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979.

⁵ Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года в России. М., 1982.

тендуют на объективность, содержат немало ошибок, искажений и неверных оценок.

Вокруг каких же вопросов идет особенно ожесточенная полемика? Часть буржуазных историков пытается представить крушение царизма результатом исключительно ошибок Николая II и его недальновидной политики. При этом отрицается активная роль революционного лагеря во главе с большевиками. Другие утверждают, что царская власть настолько развалилась, что, в сущности, и революции никакой не было.

Целью здесь опять-таки является умаление роли народных масс. Широко распространенной, но столь же очевидно и несостоятельной является версия буржуазных историков о «руководящей роли» Государственной думы в событиях Февральской революции, о решающем вкладе лидеров русских буржуазных партий в свержение царизма. Эта версия восходит к «трусам» белоземigrants, пытавшихся оправдаться перед судом истории за свое поражение в октябре 1917 года.

Читатель сам увидит из содержания этой книги, что буржуазные лидеры, смертельно боявшиеся революции, делали все, чтобы ее не допустить.

Еще одна «конструкция» основывается на попытке представить Февральскую революцию исключительно как стихийный взрыв, который не предвидели ни царь, ни буржуазные лидеры, ни революционные партии.

Задача подобной схемы — «отлучить» большевиков от Февральской революции. Надо прямо сказать, что элемент стихийности событий, особенно в первые дни революции, не отрицают и советские историки. Но ведь сами события 23 февраля, явившиеся толчком ко всем дальнейшим этапам развертывания революционного движения, начались по призыву большевистской партии! Большевики играли важную роль и во всех последующих событиях Февральской революции.

Наконец, еще одна попытка с негодными средствами предпринимается, чтобы противопоставить Февральскую революцию Октябрьской. Первая изображается подлинно народной, вторая же — заговором узкой группы большевиков. Каждая революция имеет свое лицо. Народный характер Февральской революции выражался прежде всего в прямых уличных действиях десятков и сотен тысяч рабочих и солдат, а народный характер Великой Октябрьской социалистической революции — в полном соответствии ее лозунгов чаяниям самых широких масс народа, в поддержке взятия власти Советами и первых декретов Советской власти многомиллионными массами солдат, рабочих и крестьян. Если же подсчитать количество красногвардейцев, солдат и матросов, принявших участие в свержении под руководством большевистской партии власти буржуазного Временного правительства и в разгроме контрреволюционного похода Керенского на Петроград, то это будут те же десятки и сотни тысяч людей, которые обеспечили и свержение царской власти в дни 27 февраля — 2 марта 1917 года. Домыслы буржуазных фальсификаторов истории лучше всего опровергаются правдивым, строго объективным, партийным изложением действительных фактов Февральской революции. Именно в этом автор видел свою главную задачу. Тем же, кто хочет более углубленно познаться с итогами работы советских историков по разоблачению антинаучных концепций буржуазной науки, можно порекомендовать

обратиться к обстоятельным и интересным исследованиям советских историков, специалистов в данной области¹.

И последнее. В данном научно-художественном очерке автор не может себе позволить поместить рядом с действительно существовавшими людьми вымышленных героев, сочинять «исторические документы» или сводить вместе людей, никогда и нигде не встречавшихся, смещать во времени и пространстве факты и события. Максимум, что разрешил себе в этом отношении автор, — реконструировать на основе документальных материалов и воспоминаний диалоги, действительно имевшие место², дать описание города, внешности героев, рассказать о характерных этапах и чертах их жизненного пути.

---

¹ См.: Салов В. И. Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1960; он же. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968; Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970 годы. Л., 1979.

² Редакция всех диалогов в книге принадлежит автору, поэтому он просит не рассматривать их как цитаты из исторических документов или мемуаров. В ряде случаев автор располагал только упоминанием о встрече тех или иных лиц и самим фактом наличия беседы между ними. Тогда диалог полностью относится к художественной форме передачи исторического материала, а мнение и политическая позиция его участников переданы с учетом взглядов данного политического деятеля в описываемое время.

Последние дни империи

ПОЕЗД В МОГИЛЕВ

На календаре стояло: «22 февраля, среда». День заметно прибавился, и, когда садились в поезд, было еще совсем светло, даже солнце проглядывало. Решив вчера отложить все дела и съездить в ставку, чтобы дать себе передышку, он наметил отъезд на вторую половину дня. Как всегда, все было исполнено быстро и точно. Паровоз стоял уже под парами. Поодаль грузилась свита во второй литерный поезд. Глубоко вздохнув, он поднялся по ступенькам в свой вагон. Царь еще снимал шинель, когда поезд мягко, без гудка тронулся.

На столе он нашел конверт. В нем было письмо от Александры Федоровны. Он улыбнулся ее всегдашним хитростям. Ничем не выдав себя, она писала перед отъездом письма и загодя приказывала положить их на стол, чтобы они сразу попались ему на глаза в купе. Но улыбка быстро сошла с его лица, когда он начал читать письмо. Опять о делах! Он и так устал от них в двухмесячном сидении в Царском Селе. С тех пор как убили 17 декабря бедного Григория — царство ему

небесное! — Александра Федоровна места себе не находит, а ему как-то даже и спокойнее.

Пишет об ужасном времени, которое мы теперь переживаем. Но знай, что «наш Друг» «в ином мире молится за тебя!». Да-а. Николай почувствовал, что устал за эти два месяца. Ей-богу, все вокруг сошли с ума. Все терзают его. И родственники, и великие князья. Они все боятся. И Родзянко, председатель Государственной думы. Смешной огромный толстяк! Этот все пугает революциями! Какие сейчас могут быть революции? Тем более во время войны. Вот Дума подраспустилась — это верно. Хорошо, что заткнули им глотку хотя бы на два месяца. Жаль, что 14 февраля открыли Думу. Но иначе нельзя! Что-то надо и разрешать... Главное, не делать резких шагов ни в какую сторону. А вот Николай Маклаков перегибал палку, пришлось его уволить, а жаль, каким хорошим министром внутренних дел он был! Он и теперь пишет ему одну записку за другой. «Распустите, Государь, Думу до конца войны. Лишите ее законодательных прав. Спасение России — в полном и неограниченном самодержавии! Вот завет Ваших предков». Это было бы хорошо. Но нельзя. Никак сейчас нельзя. И союзники будут недовольны!

«...Кажется, дела поправляются, — читал он дальше письмо императрицы Александры Федоровны. — Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту, — дай им теперь почувствовать порой твой кулак. Они сами просят об этом — сколь многие недавно говорили мне: «Нам нужен кнут!» Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже — и горячая любовь!» Он усмехнулся: тоже знаток славянской души! А письма мы пишем по-английски. Алис в России уже 23 года, но русскому языку, по сути дела, так и не выучилась: говорит и пишет с трудом.

Он в задумчивости посмотрел в окно, за которым пробегали заснеженные поля, редкие деревеньки. Вот станция. На перроне навывтяжку стоят жандармы, начальник станции, взгляд Николая не остановился на них, но рот автоматически растянулся в улыбку. Они должны сохранить в душе образ улыбающегося императора... Да, как хорошо будет оказаться завтра в Могилеве, среди милых людей, среди знакомых генералов. Выбирать, кого пригласить к завтраку, кого — к обеду.

Ах, эти обеды! Иногда человек 30 набирается! Выпьешь рюмку-другую водки, и совсем хорошо! Он облизнул высохшие губы и продолжал читать...

«С тех пор как они стали теперь «чувствовать» тебя и Калинина (это новый министр внутренних дел Протопопов. Алис он очень нравится. Верно. Круто начал. Особенно Думу укорачивает. А ведь сам из их среды! Еще в сентябре был заместителем Родзянки!), начали успокаиваться. Они должны научиться бояться тебя — любви одной мало. Ребенок, обожающий своего отца, все же должен бояться разгневать, огорчить или ослушаться его. Надо играть поводами: ослабить их, подтянуть, но пусть всегда чувствуется властная рука». Она жаловалась, что «Никки» уехал из Царского тогда, когда он всего нужнее именно там, что и министры в его присутствии ведут тебя по-другому.

Николай II отложил письмо жены. Он решил, что ответит ей завтра. Не сегодня. Сегодня миг свободы! Свободы от всего — от дел, от министров, от семьи, от детей, как на грех заболевших корью, от Алис с ее напористой любовью и правильными советами. Он встал, потянулся, развел руки в сторону. За окном солнце клонилось к закату, нежным малиновым светом заливало снег. Всюду разлиты были покой и тишина, нарушавшиеся только стуком вагонных колес. Поезд мчался в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего. И никто из его пассажиров не мог предположить, что всего через 10—12 часов в Петрограде начнется революция.

23 февраля 1917 года многолетний кризис российского самодержавия достиг своей высшей точки. Этот кризис проявлялся уже в канун первой русской революции. Непримиимые противоречия отделяли рабочих и крестьян от господствующих классов, не было единства и между дворянством и буржуазией, недовольной архаической политической надстройкой неограниченного самодержавия. Революция 1905—1907 годов оставила глубокий след в жизни России. В. И. Ленин высоко оценивал значение революции 1905—1907 годов в обеспечении победы Февральской революции. «Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *началь-*

ного этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей» (т. 31, с. 11—12). Однако в целом первая русская буржуазно-демократическая революция кончилась неудачей. Она не решила вопрос о власти, не решила аграрный вопрос, так как оставила в силе помещичье землевладение, мизерными были улучшения и в правовом положении рабочего класса. С каждым годом эти вопросы приобретали все большую остроту и напряженность, кризис российского общества углублялся. Первая русская революция стала, как говорил Ленин, генеральной репетицией революционных событий 1917 года. «Эта восьмидневная революция, — писал В. И. Ленин о Февральской революции, — была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия» (т. 31, с. 12). «Репетиции» заняли и годы контрреволюции 1907—1909 годов, и период нового революционного подъема 1910—1914 годов, и, наконец, годы мировой войны. Проведенные царизмом под натиском революции 1905—1907 годов внутренние реформы были робкими, половинчатыми и явно недостаточными. Они не устраивали как тех, кто в той или иной форме боролся за превращение страны в демократическое государство, так и тех, кто в этих реформах видел угрозу царскому строю. Уродливый избирательный закон, непомерно раздувавший представительство в Государственной думе дворян и капиталистов за счет большинства трудящегося населения, превращал Думу в карикатуру на подлинный парламент. Всеобщее и равное избирательное право осталось мечтой для населения страны. Хотя, проводя политику «разделяй и властвуй», Николай II даровал населению Великого княжества Финляндского всеобщее избирательное право, включив в число избирателей и женщин! Это привело к такому пара-

доксу, как к победе на выборах в финляндский сейм в 1916 году Социал-демократической партии Финляндии.

В Государственной думе представительство от рабочих было чисто символическим. Лишь благодаря исключительной энергии большевиков во главе с В. И. Лениным партия, находившаяся в подполье, сумела послать на все шесть мест, отводившихся для рабочих в IV Государственной думе, членов РСДРП(б). Трудовой народ России был фактически лишен представительства и в органах самоуправления. В городские думы избирались только имущие горожане. Неравным по сравнению с помещиками и частными землевладельцами было и представительство крестьян в земских учреждениях. К политическому бесправию добавлялся и гнет национальный.

Правовое и экономическое положение рабочих и крестьян находилось на самом низком уровне. Его просто нельзя было сравнить с положением трудящихся в развитых капиталистических странах. Заработная плата даже в столицах, не говоря уже о всей российской провинции, была крайне низкой. Она позволяла отечественным и иностранным капиталистам выколачивать так называемую русскую «сверхприбыль», основанную на низкой стоимости рабочей силы. Как сегодня американские и японские монополисты строят свои предприятия в Юго-Восточной Азии и Гонконге, чтобы открыто обирать коренное население этих стран, так в царской России строили свои заводы французские, немецкие и английские заводчики, чтобы на их банковских счетах оседали франки, марки и фунты, сотканные из крови и пота русского рабочего. Рабочий день «по закону» составлял девять часов, а не восемь, как того требовали рабочие еще в дни первой русской революции. Но тот же «закон» разрешал и сверхурочные работы. Постепенно они становились нормой, а с началом войны превратились в бич рабочего класса, выматывавший физические силы пролетариев. Рабочий день стал снова составлять 11—12 часов, а иногда и более. Отсутствовало законодательство об оплаченных отпусках, об оплате на случай болезни. Лишь за явные увечья, полученные на работе, капиталисты давали мизерные подачки искалеченным рабочим. В годы первой русской революции рабочие добились организации многих профсоюзов. К 1917 году они были сведены на нет почти

на всей территории империи. Оказалась зажатой в судебные и полицейские тиски рабочая и профсоюзная печать. Рабочие партии были официально запрещены и могли действовать только нелегально.

Крестьяне в годы первой русской революции сожгли пятнадцать процентов всех помещичьих имений, но царское правительство железом и кровью смогло подавить разрозненное еще и недостаточно организованное движение десятков миллионов крестьян. Законодательство Столыпина, разрешившее выход из крестьянской общины, было направлено на создание класса «крепких хозяев», а попросту деревенских кулаков. Однако темпы проведения в жизнь этих законов были так медленны, что практически не ослабили аграрных противоречий между помещиком и крестьянином в Европейской России. Крестьянское движение против помещиков было могучим резервом массового рабочего движения.

Классовое расслоение в деревне тем не менее усилилось, свыше половины крестьянских хозяйств было бедняцкими. Ненамного лучше было и положение середняков. Прimitивное ведение большинством крестьян хозяйств имело своим последствием низкие урожаи. Крестьяне находились в долговой кабале у кулаков и ростовщиков, их душила высокая арендная плата за обработку помещичьих земель. Они страдали от произвола земских начальников, полицейских и судебных властей. А с началом мировой войны именно русское крестьянство поставило основной контингент солдат русской армии. Они гибли сотнями тысяч за интересы русских и иностранных капиталистов.

Многие из представителей буржуазной интеллигенции осознавали пороки романовской монархии. Особенно они были заметны по контрасту с западноевропейскими государствами. Не только республиканская Франция и демократическая Англия, но даже кайзеровская Германия с ее легальной политической жизнью для всех классов общества вдохновляла их на борьбу за введение более демократических и свободных порядков в России. Во главе оппозиционного движения буржуазной интеллигенции шла партия конституционалистов-демократов, или кадетов. Она возникла в октябре 1905 года и объединяла в своих рядах многих известных людей из числа буржуазной интеллигенции. Кадеты пытались представить свою партию в качестве «общенародной», но на самом деле хотели лишь ограниченной

буржуазной демократии. С 1912 года активную роль в буржуазном лагере стала играть небольшая партия прогрессистов, главным выразителем мнений которой была Прогрессивная группа депутатов IV Государственной думы. Среди прогрессистов было много крупных капиталистов. Их поддерживали и такие банкиры, как братья Рябушинские, издававшие газету «Утро России». Правее кадетов и прогрессистов стоял «Союз 17 октября», буржуазно-помещичья партия, которая не только проповедовала сделку с царизмом, но и осуществила «эксперимент» сотрудничества с правительством Столыпина в III Государственной думе в 1907—1911 годах. Лидером этой партии был А. И. Гучков, избранный в III Думе на пост ее председателя. В 1911 году союз октябристов и царского правительства распался по вине Столыпина, и Гучков вышел в отставку. Его место занял другой октябрист — М. В. Родзянко, сохранивший за собой пост председателя и в IV Государственной думе, избранной на пятилетний срок (1912—1917 гг.). С 1913 года сам «Союз 17 октября» распался на несколько фракций. С этого же времени вождь октябристов Гучков и значительная часть членов Думы от этой партии перешли, как кадеты и прогрессисты, в оппозицию к царскому правительству.

Но если либерально-буржуазные партии оппозиции пользовались относительной свободой деятельности, в оформлении организаций, отстаивании и пропаганде своих взглядов, то революционная демократия находилась в тисках жесточайшей цензуры и полицейских преследований. Главенствующее положение занимали большевики, оформившиеся как последовательно революционное движение в российской социал-демократии еще на II съезде РСДРП в 1903 году, а с 1912 года разорвавшие свои организационные связи с меньшевиками и выделившиеся в самостоятельную партию. Верная идея героического служения рабочему классу работа большевиков повысила популярность партии в годы нового революционного подъема. Большевистская газета «Правда» в 1912—1914 годах, как и в начале века «Искра», способствовала организации партии в стране, воспитала целый слой сознательных рабочих, на которых опиралась партия и в годы первой мировой войны, и в момент Февральской революции. С началом войны на большевиков обрушились новые репрессии — газета «Правда» была закрыта, связи с заграничной частью

ЦК РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным значительно затруднились. Но и в этих сложнейших условиях большевики продолжали свою работу. Несмотря на сравнительно небольшую численность, партия большевиков имела огромное идейное и организующее влияние в массах.

Меньшевики были склонны признать за буржуазией руководящую роль в предстоящей новой буржуазно-демократической революции против царизма, не верили в творческие возможности российского рабочего класса, его руководящую роль. Они считали, что Россия в своем развитии должна идти по пути развития стран Западной Европы. А следовательно, ей предстоял длительный период экономического и политического господства капитализма и буржуазии. Партия меньшевиков опиралась главным образом на слои мелкобуржуазной интеллигенции, в частности журналистов и публицистов. Меньшевики имели свою легальную печать, фракцию в IV Государственной думе. С начала войны меньшевики, и раньше разбитые на несколько фракций и группок, были вновь расколоты на группки и по отношению к войне. Небольшая часть, «оборонцы», выступала за поддержку войны, которая велась царским правительством. К ним примкнул и находившийся в эмиграции, во Франции, старейшина российской социал-демократии Г. В. Плеханов. Возникло и течение меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю. О. Мартовым, выступавшее против мировой войны, за прекращение ее путем согласованных революционных действий пролетариев воюющих стран. Большая часть меньшевиков занимала центристские позиции и объединялась вокруг меньшевистской фракции IV Государственной думы, которую возглавлял Н. С. Чхеидзе.

Была еще и партия социалистов-революционеров, объявлявшая себя наследницей идейного и боевого опыта русских революционных народников семидесятых-восьмидесятых годов XIX века. Теоретические воззрения социалистов-революционеров (эсеров) представляли собой путаницу из отдельных положений марксизма, остатков народнических воззрений и модных буржуазных социологических теорий. Главную революционную роль в России они отводили не рабочим, а крестьянству, капиталистическое расслоение которого на бедняков, кулаков и середняков они отрицали. Эсеры мало внимания уделяли массовой и организационной работе.

Тем не менее в ходе революции 1905—1907 годов они проявили себя как партия революционной мелкой буржуазии. В. И. Ленин считал тогда, что в случае свержения самодержавия в результате вооруженного восстания социал-демократы должны вместе с эсерами составить Временное революционное правительство.

В годы реакции эсеровская партия была сильно разбита. Большинство ее идейных вождей эмигрировало за границу. В самой России организации были крайне малочисленны. Партия эсеров была морально надломлена после разоблачения провокаторства Евно Азефа, долгие годы стоявшего во главе эсеровской «боевой организации». Полностью была уничтожена одна из крайних левых фракций эсеров — союз эсеров-максималистов, ответственный за неудачное покушение на Столыпина в 1906 году, что, кстати, подтолкнуло последнего на введение военно-полевых судов по всей стране. Сохранились только литературные группки правых эсеров, формально провозгласивших создание партии народных социалистов, по существу, близких уже к левым кадетам. Идейно и организационно к народным социалистам и остаткам эсеровских организаций была близка Трудовая группа IV Государственной думы, составленная из части крестьянских депутатов. Во главе ее стоял молодой адвокат Керенский, имевший скрытые связи с эсеровскими деятелями, левыми кадетами и прогрессистами.

Либералы старались добиться преобразования России путем реформ сверху, социалисты выбирали путь революции. Между этими двумя группами партий лежали глубокие разногласия, а внутри их каждая боролась против своих конкурентов и противников из другого лагеря. Исторический и классовый смысл общественной борьбы мог быть сведен к формуле: удастся ли романовской монархии удержаться на десятилетия в XX веке и отстоять принципы почти еще не поколебленного самодержавия или и для нашей страны пробьет час перемен? Каковы будут эти перемены: станет ли Россия конституционной монархией или буржуазно-демократической республикой под руководством буржуазных партий или проложит путь к созданию пролетарско-крестьянской республики под руководством большевистской партии и начнет движение к социализму?

И при всем принципиальном различии тактики и теории, идеологии и организационных принципов первым

шагом для осуществления планов любой оппозиционной политической партии была необходимость преобразования внутреннего политического строя государства, уничтожение самодержавия как формы правления, введение народного представительства, режима демократических свобод. Самым подробным образом была разработана программа-минимум РСДРП(б), на которой основывали свою деятельность большевики. Она требовала: «Всеобщее избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет, тайное голосование при выборах». Далее в программу включались: широкое местное самоуправление, неприкосновенность личности и жилища, неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, свобода передвижения и промыслов, уничтожение сословий и полное равноправие всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности.

В конце войны, когда новый общественный подъем охватил все слои общества, политические партии и группы, искали своих способов разрешения насущных политических проблем. Кадеты в своей деятельности в IV Государственной думе вновь со времени первой русской революции стали выдвигать на первый план лозунги демократизации избирательного права, реформы высшей законодательной палаты, наполовину назначавшейся царем, — Государственного совета, введения ответственности правительства перед Думой. На съезде октябристов еще в ноябре 1913 года Гучков говорил, что «попытка мирного, безболезненного перехода от старого, осужденного уклада к новому строю потерпела неудачу». Уже тогда он предрекал скорую революцию и призывал к резкой оппозиции царскому правительству.

В условиях быстро нараставшего нового революционного подъема большевистская партия пользовалась все большей симпатией. Мощная волна забастовок, организованных большевиками, прокатилась по петербургским предприятиям перед самой войной, в июле 1914 года. В отдельные дни бастовало до 200 тысяч рабочих. Большевики звали рабочих на новые забастовки, на организацию открытых демонстраций против царского правительства. И хотя они подчеркивали, что еще не пришло время для вооруженного восстания, продолжение

стачек могло быстро подвести Россию к новой революционной ситуации. Тут-то и разразилась первая мировая война.

Царский поезд остановился. Видно, стрелку не успели перевести. Николай подошел к окну, раздвинул занавески. Он столкнулся взглядом с солдатом железнодорожного батальона, стоявшим прямо в снегу под насыпью. Оконный свет высветил съезжившуюся фигуру, папаху, надвинутую на самые глаза, усы в сосульках. Солдат, несомненно, заметил его. Но Николай не увидел на его лице обычного выражения восторга. Только смертельная усталость в глазах, только холод, сковавший этого человека, желание, чтобы поезд проехал скорее и можно было бы вернуться в теплую казарму. Все это неприятно поразило царя, он быстро задернул занавески и сел на диван. Тут поезд пошел, и он быстро забыл о солдате, но неприятный осадок остался.

Мысли его как-то непроизвольно обратились к войне, а он вовсе и не хотел о ней думать, попытался прогнать непрошеные думы, искал воспоминания о приятном, а они что-то не приходили на память. Николай невольно поежился, будто от холода... Если бы можно было кончить эту войну... Он так боится ее последствий. И в четырнадцатом еще году смутно чувствовал — плохо может обернуться для трона эта война, отменил уже отданный было приказ о мобилизации. Но ничто уже нельзя было изменить! И Сазонов, и Сухомлинов, все подталкивали его к войне, клялись, что страна уже готова.

Потом уже узнал, что когда вторично он отдал приказ о мобилизации, так в военном министерстве все телефоны отключили! Боялись, вдруг он снова отменит свой приказ, и тогда война не состоится. Вот и получили, подумал он с оттенком злорадства. А теперь уже почти три года воюем. И никак ни мы, ни немцы, ни союзники не могут добиться какого-то решающего преимущества. Вильгельм столько раз разными путями намекал и предлагал начать переговоры о мире. Вот и совсем недавно опять наводил мосты, а германский рейхстаг принял «мирную резолюцию». И папа римский, который с немцами и австрийцами заодно, тоже выступает за мир... Если бы можно было его заключить

сейчас. Но никак нельзя! И обязательство мы подписали с союзниками еще 5 сентября 1914 года: не заключать сепаратного мира, да и вон сколько долгов новых наделали. Только на днях в Петрограде провели военную конференцию с союзниками. Дали обязательство в мае 1917 года начать наступление. Опять назаказывали кучу вооружения и снаряжения... Так что мир никак нельзя заключить, никак нельзя! Воевать придется. Вот и сейчас в ставке будут совещания, доклад начальника штаба Алексеева, военные агенты союзников... Но он будет недолго в Могилеве. Не для этого он едет, чтобы делами там вовсе заниматься. Нет, отдохнуть надо было, уйти от вопроса, который все они от него требовали решить: дать ответственное министерство. Дать самому, чтоб не вырвали революцией. Но он опять смог все это отложить и сбежать. К 1 марта вернемся в Царское. Авось поостынут за это время. Мысли Николая спутались, смешались...

Выпив еще рюмочку на сон грядущий после плотного обеда с дворцовым комендантом Воейковым и министром двора Фредериксом, он лег спать и быстро заснул. Утром он почувствовал себя значительно бодрее. Все стало представляться не таким мрачным. Настроение стало благодушным: Петроград уже далеко позади, а ставка — еще впереди. За окном светило яркое солнце, поезд шел размеренно и спокойно. После завтрака он сел писать письмо Алис.

«...Ты пишешь о том, чтобы быть твердым повелителем, — выводил он, — это совершенно верно. Будь уверена, я не забываю, но вовсе не нужно ежеминутно огрызаться на людей направо и налево. Спокойного резкого замечания или ответа очень часто совершенно достаточно, чтобы указать тому или другому его место». Николай II перечитал письмо и остался доволен им. Он согласился, но и свое мнение высказал. Передал конверт для отправки встречным поездом в Царское Село с фельдъегерем. Удовлетворенно сел, наполняясь блаженством...

Мировая война внесла новые сложности в политическое положение. 26 июля 1914 года в Георгиевском зале Зимнего дворца Николай II принял членов законодательных учреждений. Большинство депутатов поддерживали войну и политику царского правительства.

Кадеты и октябристы заявляли о своем единении с правительством и о том, что откладывают всякую борьбу с ним. Лидер кадетской партии П. Н. Милюков призвал сохранить страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду великих держав, которое «оспаривается у нас врагом». С поддержкой правительства выступил и председатель Думы октябрист Родзянко. Ободренное этим, правительство тут же внесло предложение, чтобы Государственная дума не собиралась до ноября 1915 года! Кадеты и октябристы поняли, что их провели, и стали жаловаться правительству. С большим трудом удалось добиться обещания, что Думу созовут не позднее февраля следующего года. На сессии Думы 26 июля 1914 года лишь два голоса нарушили стройный хор буржуазных лидеров. Керенский от имени трудовиков зачитал декларацию, в которой ответственность за начало войны возлагалась на правительства всех европейских государств. Но и Керенский призывал рабочих и крестьян оборонять страну и отложить свои счета с царизмом до конца войны. Декларация большевистской и меньшевистской фракций Думы, прочтенная меньшевиком В. И. Хаустовым, отказывалась от единения с властью, которая поработала народ, и выражала уверенность в том, что конец войны будет положен международной солидарностью трудящихся. Еще накануне сессии А. Е. Бадаев от имени большевистской фракции Думы заявил, что рабочий класс будет бороться против войны, которая не в интересах рабочих. «Война войне — вот наш лозунг!»

Идеи ленинского манифеста «Война и российская социал-демократия», переход на позиции поражения царского правительства в войне как средства ускорения революции были одобрены большевистской фракцией IV Государственной думы на ряде совещаний. Во время одного из них, 4 ноября 1914 года, пять большевистских депутатов Думы были арестованы, лишены парламентской неприкосновенности и преданы суду, 14 февраля 1915 года царский суд приговорил их к ссылке в Восточную Сибирь. Мужественная позиция большевиков спасла честь русской социал-демократии, российского рабочего класса, оставшегося верным интернациональному долгу рабочих всех стран. И это в то время, когда подавляющее большинство руководства и рядовых членов социал-демократических партий

воюющих стран Европы перешли на позиции поддержки своих буржуазных империалистических правительств.

Но большевики лишились на время войны своего легального центра в стране, в то время как меньшевики, не присоединившиеся к ленинскому манифесту, продолжали пользоваться преимуществами, которые давала им фракция в Думе. Арест депутатов-большевиков и суд над ними показали революционному и оппозиционному лагерям, что царизм не намерен идти навстречу либеральным веяниям даже во имя достижения общенационального единства во время войны, а, наоборот, стремится воспользоваться обстоятельствами военного времени для укрепления своего положения в стране и наступления на своих политических противников.

Это стало ясно лидерам кадетской партии Милюкову и А. И. Шингареву на частной встрече членов Думы с министрами царского правительства 25 января 1915 года в Полуциркульном зале Таврического дворца за день до официального открытия Думы, созывавшейся лишь для утверждения военного бюджета. Там присутствовали председатель совета министров И. Л. Горемыкин, государственный контролер П. А. Харитонов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков, министр иностранных дел С. Д. Сазонов, министр финансов П. Л. Барк, министр юстиции И. Г. Щегловитов, военный министр В. А. Сухомлинов, морской И. К. Григорович, министр земледелия А. В. Кривошеин. Министры отвергли робкую критику со стороны кадетов и октябристов, пытавшихся указать на недостатки в ведении войны, на плохое снабжение армии снарядами, тяжелой артиллерией, теплой одеждой и т. д. Милюков называл эту критику «предостережением временного союзника в интересах великого народного дела». Но этими советами власть попросту пренебрегла.

Весной 1915 года началась новая серия неудач русской армии, окончившаяся поражениями в Восточной Пруссии, Польше, Карпатах и в Галиции. Раненые появились даже в госпиталях поволжских городов. Шовинистический угар первых недель войны быстро проходил. Жизнь дорожала. Капиталисты, жиревшие на военных заказах, отказывались повышать заработную плату рабочим, несмотря на очевидное подорожание продуктов питания и одежды. И рабочее движение на экономической почве, а вскоре и на политической стало набирать

темпы. Война, которую царь и буржуазия намеревались непременно выиграть, стала еще одним мощным фактором, ускорившим приближение второй русской революции. «Но если первая, великая революция 1905 года, — писал В. И. Ленин в марте 1917 года в первом «Письме из далека», — осужденная как «великий мятеж» господами Гучковыми и Милюковыми с их прихвостнями, через 12 лет привела к «блестящей», «славной» революции 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют «славной», ибо она (пока) дала им власть, — то необходим был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*» (т. 31, с. 12—13).

Военные поражения 1915 года всколыхнули и буржуазную «общественность». Стали тайно и явно собираться кадеты и октябристы, городские и земские деятели. Они начали кампанию критики царской власти, которая должна была бы заставить царя потесниться и очистить для буржуазии несколько местечек в правительстве и высшем государственном аппарате. Кадеты выдвинули лозунг замены нынешнего царского правительства «правительством доверия страны», где вместе с царскими бюрократами заняли бы места и многие признанные вожди либерально-буржуазного лагеря. Главными объектами критики были при этом военный министр Сухомлинов, глава правительства Горемыкин, прославившийся своим пренебрежением к Государственной думе первого созыва в апреле — июне 1906 года, и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. И чтобы как-то успокоить буржуазное общественное мнение, Николай II как раз накануне открытия разрешенного властями съезда земского и городского союзов 3 июня 1915 года уволил министра внутренних дел Н. А. Маклакова.

Необходимо сказать специально об этом человеке, стоящем несколько лет во главе ведомства, которое всегда играло определяющую роль в русских государ-

ственных делах. И фракции Государственной думы, и все партии, и только что народившиеся земский и городской союзы помощи раненым войнам были опутаны сетью штатных и добровольных сотрудников охранного отделения, которые немедленно доносили в Охранное отделение и департамент полиции не только содержание официальных речей и протоколов, но и застольных речей и кулуарных разговоров. Все это стекалось к Николаю Алексеевичу Маклакову. В момент увольнения ему было 44 года и он находился в зените своей карьеры.

Н. А. Маклаков в 1909 году стал черниговским губернатором. Фортуна улыбнулась ему самым неожиданным образом. Когда в сентябре 1911 года в Киеве был убит Столыпин, Николай II немедленно выехал из города и направился для передышки в Чернигов. Там было тихо и спокойно. Быстро наступившая умиротворенность после встряски, вызванной выстрелами в Киевском театре, вызвали особое расположение царя к радужному черниговскому губернатору, с восторженным почитанием внимавшему каждому слову императора. Это и открыло путь Маклакову к министерскому креслу. В 1912 году Н. А. Маклаков — управляющий министерством внутренних дел, а с февраля 1913 года — министр и шеф корпуса жандармов. Вскоре ему присваивается придворный чин гофмейстера.

Попав в «сферы», Н. А. Маклаков стал ревностным теоретиком неограниченной самодержавной власти. И немудрено. Он увидел, что при дворе популярны суждения в стиле «официального славянофильства» времен Александра III, которые с детских лет воспринял и сын этого императора, Николай II. Согласно подобным взглядам манифест 17 октября 1905 года, даровавший общее избирательное право и законодательные права Думе, был прискорбной ошибкой, подражанием тлетворному Западу, несвойственным русской исторической государственности. Получив в руки огромную власть, Н. А. Маклаков, чтобы угодить еще больше императору, и стал проводить эти взгляды в жизнь. С его назначением усилилось давление на рабочую и буржуазную либеральную печать, участились нападения на ограниченные, но признанные законом права Государственной думы. Поэтому Н. А. Маклаков вскоре заслуженно вызвал ненависть и презрение всей прогрессивной общественности страны.

Он систематически и настойчиво натравливал Николая II на русскую интеллигенцию, близоруко видя именно в ней главного противника. Вот как Н. А. Маклаков излагал свои взгляды в письме к Николаю II от 14 октября 1913 года: «Приемлю долг испрашивать у Вашего Императорского Величества указать, — писал министр, — когда угодно будет Вам принять меня с докладом по делам Министерства. Обстоятельства складываются так, чтобы было бы осторожней отъезд мой из Петербурга отложить еще на неделю. Настроение среди фабрично-заводского люда беспокойное, а в среде так называемой интеллигенции — очень повышенное. Съезжаются в столицу члены Государственной думы. Собираются в Таврическом дворце думские фракции. Впечатление от того, что там происходит, не отрадное. Готовятся спешно запросы, вырабатывается план ожесточенной борьбы Думы с правительством. С первых же дней Дума резко поднимает общественную температуру, и, если не встретит на первых же шагах отпора от Вашего правительства, полное расстройство нашей мирной жизни неминуемо».

Далее он подсказывал царю самый жесткий курс в отношении Думы: «Смысл учреждения Думы — совместная работа с императорским правительством на благо России. При данных же условиях не благу России служит Дума, а расслаблению своей Родины. Жалуясь на нарушение правительством дарованных населению гражданских свобод, Дума на самом деле лишь вступает в борьбу со всякой властью и прокладывает пути к достижению последней свободы — свободы революции! Этой свободы правительство самодержца всероссийского ей не даст».

Вот почему с такой настойчивостью лидеры буржуазной оппозиции добивались отставки Маклакова. На частном совещании членов Думы и правительства 25 января 1915 года они высказали это требование прямо Маклакову.

Самоуверенно считая, что Николай II никогда не расстанется с ним, Н. А. Маклаков, желая получить еще больше власти в борьбе с оппозицией, направил в марте 1915 года царю прошение об отставке. Вскоре получил такой ответ: «Друг Мой, Николай Алексеевич. Четыре дня раздумывал я о Вашей просьбе. Вы поступили честно и благородно, как всегда, но поступили и поспешно. Оставайтесь на занимаемом Вами месте,

на котором Вы Мне нужны и любы. Дай Вам Бог здоровья, сил и энергии для дальнейшей службы. Николай». Ободренный этой поддержкой, Маклаков стал с еще большей тщательностью следить за любым проявлением либерализма, не говоря уже о революционном и оппозиционном движениях, и доносить о том императору.

Он стал даже Николаю II указывать на его промахи в политике. Так, 27 апреля он выговаривал царю за то, что тот, выступая в занятом русскими войсками Львове, разрешил сказать слово и Родзянко. Маклаков, льстя царю, писал, что после слов «всероссийского самодержавца» председателю Думы нечего больше говорить! Тем более что «толстый Родзянко» лишь тупой и напыщенный исполнитель революционных планов Гучкова и князя Г. Е. Львова, возглавлявшего Всероссийский земский союз. Эти люди хотят «затемнить свет Вашей славы, Ваше Величество», ослабить силу и значение святой, исконной и всегда спасительной для России «идеи самодержавия». Маклаков объявлял именно себя разоблачителем старательно замаскированных течений «в рядах нашей воинствующей интеллигенции», почему и спешил «раскрыть глаза» царю на происки Думы, чтобы вернуть времена полнейшего бесконтрольного хозяйничанья министров на Руси.

И царь вынужден был уволить этого человека, к неопишуемой радости Родзянко и Гучкова, Милюкова и Львова. Его увольнение либералы встретили с ликованием, им казалось, что осуществление их цели уже не за горами. Слабость и уступка центральной власти всегда поощряет оппозицию к новым требованиям.

Уволенный Маклаков уехал в свое имение, откуда писал Николаю II о своей любви и преданности, просил не забывать. Да царь и не забывал его. Еще в декабре 1916 года, как раз перед убийством Распутина, царь получил от Маклакова письмо с советами отложить созыв очередной сессии Думы на неопределенный срок, ограничить деятельность буржуазных общественных учреждений. Царь после этого разрешил Маклакову вернуться в Петроград, принял его, а тот передал ряд записок крайних реакционных кружков, требовавших немедленного восстановления неограниченного самодержавия. Маклаков стал своеобразным лидером «оппозиционеров справа». Через министра внутренних дел Протопопова было передано в феврале 1917 года Н. А. Маклакову

поручение царя написать проект манифеста о роспуске Государственной думы. Маклаков загорелся этой идеей и в благодарном письме обещал крепко обдумать весь план дальнейших действий правительства. «Смелым Бог владеет, Государь, — напутствовал он Николая II, — да благословит Господь Вашу решимость и да направит он Ваши шаги к счастью России и к Вашей славе!» Это было 8 февраля 1917 года. А 10 февраля царь сказал, что он жалеет Маклакова, что тот был ему очень полезен.

По прибытии в ставку Николай II радовался встрече с военными, которых не видел больше двух месяцев. Всюду доброжелательные улыбки. Обед по полной форме. С делами он не спешил... В первый же день пребывания в ставке Николай II написал Александре Федоровне: «Мой мозг отдыхает здесь — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно...» Из Петрограда не было еще известий. Тишина и спокойствие наполняли Могилев и ставку. Придворный историограф Д. Н. Дубенский записал в своем дневнике: «24-го, пятница, Могилев. Тихая, бесталанная жизнь, все будет по-старому. От Него ничего не будет, могут быть только случайные внешние причины, кои заставят что-либо изменить».

БУРЖУАЗИЯ ТОРГУЕТСЯ С ЦАРЕМ...

В своей квартире на Фурштадтской, 20, председатель IV Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко поздно вечером 22 февраля уже собирался ложиться спать. Но тут жена, Анна Николаевна, позвала к телефону. Звонил «свой человек» — из канцелярии князя Голицына. Он сообщил новость: царь только что отбыл в ставку!

— Как, уехал? — воскликнул Родзянко. — Ведь говорили же, что он собирается завтра в Думу приезжать, ответственное министерство даровать?!

— Да нет! Точно уехал. Сведения от председателя совета министров, от самого Голицына, да и Протопопов подтверждает.

Повесив трубку, Родзянко задумался. Неожиданный отъезд царя мог породить многие сложности. В городе неспокойно. Путиловский завод власти закрыли. 36 тысяч рабочих на улицах города! Перебои с доставкой муки взбудоражили все население. «Хвосты» за хлебом тянутся на несколько кварталов. О мясе уж нечего и говорить. Неровен час, начнутся волнения. А полусумасшедший министр внутренних дел Протопопов готов на любую крайность!

Ох уж этот самодержец всероссийский... Никогда не знаешь, что ждать от него, никогда нельзя верить ни единому его слову. Смотрит своими голубыми глазами, говорит «да-да», а только выйдет от него, сделает все по-другому. Родзянко вспомнил другой день полтора года назад, 3 сентября 1915 года, когда царь тоже преподнес сюрприз. Тогда, после отставки Н. А. Маклакова, казалось, дело пошло и перемены близились. Прошли земский и городской съезды, созданы были Особое совещание по обороне с участием Думы и ответственности, Центральный Военно-промышленный комитет (ЦВПК). Царь с 10 июня был в ставке. Там уволили военного министра Сухомлинова, над которым ко всем его служебным упущениям тяготело уже обвинение чуть ли не в шпионстве. Новым военным министром назначен был А. А. Поливанов, один из близких друзей Гучкова. Сам же Гучков стал председателем Центрального Военно-промышленного комитета. Затем царь в ставке сменил Щегловитова. За свирепость этого министра юстиции не зря звали «Ванькой-Каином»! Назначили нового обер-прокурора Священного синода — А. А. Самарина, председателя совета объединенного дворянства. Обещан был созыв длительной сессии Государственной думы «не позднее августа». Либералы возрадовались. Вот они, долгожданные перемены!

Но Николай сделал, как вспоминал Родзянко, и один хитрый шаг. Пойдя навстречу кое в чем буржуазной общественности, он в качестве противовеса ей (а главным образом для сдерживания гнева Александры Федоровны!) сместил с поста верховного главнокомандующего «Дядю Николашу», великого князя Николая Николаевича, которого царица остро ненавидела и подозревала во всяческих кознях. Верховное командование император принял на себя. Как отговаривали его от этого шага! Ведь отныне любая неудача русской

армии падет на его голову. Винить будет некого — раз сам командуешь, сам и отвечай. Но решимость Николая II в этом деле была непоколебимой. Он стал верховным главнокомандующим.

19 июля 1915 года открылась сессия Думы. Родзянко умилился при воспоминании об этом дне. Помнится, он призывал депутатов сказать правдивое слово «обновленному правительству». И старик Горемыкин, передавая приветствие от императора, заверял в необходимости «полного единомыслия с законодательными учреждениями». Но скоро опять все пошло вразнотык. Кадеты и прогрессисты распалялись в критике правительства, министры стали подбивать правых депутатов, чтоб те уезжали в провинцию, и можно было бы объявить перерыв в работе Думы. Но Милюков, умная голова, ничего не скажешь, придумал этот свой Прогрессивный блок. В него вошли шесть фракций Думы и две группы Государственного совета.

Родзянко пожевал губами. Он, конечно, не любил кадетов за их «демократическую» фразеологию. Но маневр Милюкова сулил прямые политические выгоды. «По Думе стало у нас в блоке большинство», — рассуждал про себя Родзянко.

«Начали напирать на власть, требовать от имени блока создания «правительства доверия страны». А «Утро России» даже список такого правительства напечатало. Председателем назвали, конечно, его, Михаила Владимировича Родзянко. Всякий знает, что он — Второе лицо в государстве, после Государя императора. А там и Гучков, и Милюков, и Шингарев, и Некрасов, и Коновалов. Но хитрец Милюков вставил туда и министров действовавшего тогда правительства: Поливанова, Кривошеина, графа П. Н. Игнатьева. Правительство «клюнуло». И подписало коллективную петицию царю, чтоб он уступил и образовал «правительство доверия». Я-то, конечно, до конца не верил в эту затею... Но Милюков с Гучковым уже чувствовали под собой министерские кресла.

Тут-то Николай Александрович нас и ошарашил всех. 29 августа старик Горемыкин помчался в ставку. Он тоже чувствовал себя как в западне. Пресса его прямо травила, предвкусывая скорое падение. Царь был его последним прибежищем. Что уж пел Горемыкин Николаю, это никто не раскопает. Но 1 сентября он

вернулся из ставки с указом о перерыве в занятиях Думы в кармане. На следующий день вечером позвонил, шельма, мне и тонким таким голоском говорит:

— Дума распускается, Михаил Владимирович. С затрашного дня, по указу его императорского величества.

— Слушаюсь, — только я и ответил ему.

И все пошло прахом опять. В этом деле царица виновата пуще всех. Рассказывали мне, что забросала она царя в ставке письмами против Думы, доказывала ему, чтобы ни на какие уступки не шел, а Думу тотчас распустил. Он, как всегда, и послушался. С 8 утра 3 сентября 1915 года был я уже в Думе. Тотчас собрали совет старейшин. Как кричали! Спасибо, Милюков помог: убедил не губить Думу резкими речами, не играть на руку Горемыкину. Только около трех часов дня все успокоилось, и он, Родзянко, смог открыть Думу. Стоя, выслушали царский указ о перерыве, прокричал я: «Государю Императору, ура!» Все даже ответили: «Ура-а-а!» В две минуты все дело сделали... Потом, правда, царь все же убрал Горемыкина с поста председателя совета министров. И назначил этого немца Штюрмера. Ну а всех тех министров, которые ему свою «коллективку» подали, одного за другим убрал. Даже Сазонова, министра иностранных дел. Вот что вышло из всей этой затеи...»

И сейчас царь уехал, все бросив. Родзянко тяжело вздохнул и, сняв трубку, стал просить барышню соединить его с Милюковым.

В результате летне-осеннего политического кризиса в России в 1915 году компромисса между царским самодержавием и буржуазной оппозицией не вышло. Кампания за формирование «министерства доверия» началась в то время, когда революционная ситуация еще только намечалась. Роль силы внешнего давления на царя сыграли военные неудачи русской армии. Николай II не видел необходимости в уступках. По его мнению, обстановка нисколько не напоминала октябрь 1905 года, когда всеобщая политическая стачка вырвала у него манифест 17 октября о «свободах». Что же касается возможностей буржуазии в сопротивлении

власти, то царь хорошо знал, что они исчерпываются словоговорением в прессе и на трибунах всяких съездов и Государственной думы. Переговоры Прогрессивного блока с министрами шли без ведома Николая II. Он же, не собираясь отступать далеко, под влиянием императрицы не пошел на дальнейшие уступки, а поручил Горемыкину прервать занятия Думы.

Однако значение этого конфликта вышло за узкие рамки споров между буржуазными либералами и сторонниками самодержавия. Обсуждение в газетах вопросов государственного управления, судеб страны вызвало всеобщий интерес к политике.

В июле — августе участились экономические забастовки. Рабочие стали выдвигать и политические требования, росли их антивоенные настроения. Ленинская характеристика войны со стороны России как империалистической, а не справедливой, ведущейся якобы за интересы Сербии и славян, встречала все большее понимание в пролетарской среде. Перерыв в работе Думы наглядно показал еще раз произвол царских властей. Он способствовал росту недовольства рабочего класса.

Владимир Ильич Ленин в своей статье «Поражение России и революционный кризис» указывал: «Разгон» IV Думы, как ответ на образование оппозиционного блока в ней из либералов, октябристов и националистов, — вот одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России. Поражение армий царской монархии — рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны» (т. 27, с. 26). Владимир Ильич показывает далее сходство событий осени 1905 — лета 1906 годов в момент разгона I Государственной думы с ситуацией 1915 года. Снова поражение в войне, революционный кризис и попытка либеральной буржуазии стовориться с царем на программе реформ. Но теперь революционный кризис в России на основе приближающейся буржуазно-демократической революции вплотную сомкнулся с растущей социалистической революцией на Западе. Ныне буржуазно-демократическая революция в России станет неразрывной составной частью социалистической

революции на Западе. «Жизнь учит, — писал Ленин. — Жизнь *идет* через поражение России к революции в ней, а через эту революцию, в связи с ней, к гражданской войне в Европе. Жизнь пошла этим путем. И партия революционного пролетариата России, почерпнув новую силу в этих оправдавших ее уроках жизни, с еще большей энергией пойдет по намеченному ею пути» (т. 27, с. 30). И действительно, верность этого пути проявилась в последующие месяцы. Буржуазия добилась от царских властей разрешения на создание «рабочих групп» при Центральном и местных военно-промышленных комитетах. Ведь как без рабочих добиться повышения военного производства? Капиталисты рассчитывали при помощи меньшевиков-оборонцев добиться содействия рабочих во всемерном развертывании военного производства, что принесло бы им новые барыши.

Рабочие по призыву большевиков использовали выборы в эти комитеты для предъявления своих требований, для выражения протеста против ведения войны. Они избрали на общегородское собрание уполномоченных (выборы были двухстепенными), почти исключительно большевиков. Заявив свои требования, они отказались выбирать представителей в рабочую группу при ЦВПК. Так, эта кампания показала рост авторитета большевистской партии в столице, подъем настроения революционного пролетариата. Власти поспешили объявить данное собрание незаконным, собрали новое, подтасованное, на котором и были избраны депутаты из меньшевиков-оборонцев. Но результат всей кампании в политическом отношении был в пользу большевиков. Ленин подвел итоги этой битвы в своей статье «Несколько тезисов», напечатанной в заграничной большевистской газете «Социал-демократ» 13 октября 1915 года. Указав читателю на важность публиковавшегося в номере материала о громадной работе Петербургского комитета большевистской партии, Ленин далее связал факты оживления рабочего движения в России с общими задачами партии и рабочего класса. «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну, — писал он, в частности. — Мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов *только* в агитационных и организационных целях. — О бойкоте Государственной думы не может быть и речи. Участие в перевыборах *безусловно необходимо*. Пока в Государ-

ственной думе нет депутатов нашей партии, необходимо использовать все происходящее в Думе с точки зрения революционной социал-демократии» (т. 27, с. 48—49). Ленин дал научно обоснованные прогнозы дальнейшего развития революционного кризиса в России, к которым мы еще вернемся впоследствии.

Пока же отметим, что начавшееся летом и осенью 1915 года оживление и рост стачечного движения и революционных настроений в рабочем классе больше не спадали и постепенно нарастали вплоть до самой Февральской буржуазно-демократической революции. Ярким свидетельством этого была, например, стачка на Путиловском заводе в феврале 1916 года. Царские власти жестоко расправились с забастовщиками: около двух тысяч рабочих было мобилизовано и отдано в солдаты.

...Когда в трубке слышался глуховатый голос Миллюкова, председателя бюро Прогрессивного блока IV Государственной думы и лидера фракции кадетов Думы и всей кадетской партии, Родзянко сказал ему:

— Пал Николаич, Дядя срочно выехал на дачу!

Он знал, что телефоны их прослушиваются охранкой. Поэтому изобретен был этот нехитрый код, который, конечно, не составлял никакого секрета для полиции.

— Та-ак, — протянул Миллюков. — Значит, опять обман, опять главный вопрос решен не будет. Да и то скажу, Михаил Владимирович, преувеличили вы вчера все эти слухи. Никуда он не приехал бы и никакого ответственного министерства не дал. Уж слишком он уверен, да и нет ничего такого, чтобы его за горло взяли. Помните шестой год? Я сам тогда обмешулился. 9 июля, в день разгона Первой думы, я в «Речи» писал, что в «сферах» принято решение в пользу замены правительства «кадетским министерством», а в этот самый день войска уже окружили Таврический дворец! А мы так все ничему научиться не можем. Лишь наверху засомневаются, мы уже все за чистую монету принимаем, готовы бежать навстречу... Нет, ничего ваш Дядя не даст. А делать нечего. Ну спасибо, завтра в Думе встретимся.

Родзянко позвонил и другим руководителям думских

фракций. Всех встревожил внезапный отъезд царя, но для самого Родзянко этот факт означал крушение надежд на получение из рук царя поста председателя в «ответственном министерстве» или правительстве доверия.

...А дело было так. После ноябрьской сессии Думы 1916 года Николай II вынужден был сменить с поста председателя совета министров Б. В. Штюрмера, подвергнутого обвинениям в «измене» за свое немецкое происхождение. Новым премьером был назначен А. Ф. Трепов, бывший министр путей сообщения. Родзянко быстро сошелся с Треповым и начал разговоры об ответственном министерстве из деятелей Думы. Трепов очень сочувственно относился к этой идее и находил, что только так можно установить сотрудничество между «обществом» и властью. Родзянко был уверен, что на этот раз при совместном давлении с его стороны и со стороны самого председателя совета министров Николай II вынужден будет уступить и призвать в правительство буржуазных деятелей, а его самого — сделать главой правительства. Обещал Трепов сменить сразу же в качестве «взятки» министра внутренних дел Протопопова. Но здесь их и постигла первая неудача. В середине ноября 1916 года Родзянко добился наконец у царя доклада в ставке. Но на обвинения Штюрмера в «измене» царь заметил: «Вы думаете, что я тоже изменник?»

Царь заявил Родзянко, что Протопопов остается на своем посту, а та кампания, которую ведет против него буржуазная пресса, лишь увеличивает его доверие к министру внутренних дел. Разговор было очень резким со обеих сторон. Родзянко протестовал против назначения министром по ходатайствам Распутина, против вмешательства Александры Федоровны в государственные дела.

По открытии Думы 19 ноября — до этого она была распущена на 10 дней, чтобы дать новому премьеру возможность «осмотреться», — главной сенсацией дня стала оппозиционная речь Пуришкевича, известного всей стране как черносотенец. Даже он теперь выступил против произвола полиции, против гонений на печать, которые проводит министр внутренних дел Протопопов, затмевая собой недобрую память о Н. А. Маклакове.

«Откуда все это зло? — спрашивал Пуришкевич и отвечал: — Я позволю себе здесь, с трибуны Государственной думы, сказать, что все зло идет от тех темных сил, от тех влияний, которые двигают на места тех или других лиц и заставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать, от тех влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным!» Он призывал министров собраться с силой и просить царя:

— Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней и общественной жизни!

Страстная речь Пуришкевича увлекла молодого офицера Феликса Юсупова, женатого, кстати, на племяннице самого царя. 20 ноября он позвонил Пуришкевичу и встретился с ним. Вдвоем они составили заговор с целью убийства Распутина; в него также вовлекли врача Лазоверта и великого князя юного офицера Дмитрия Павловича. Вечером 16 декабря 1916 года они заманили Распутина во дворец Юсупова. Заговорщики попытались отравить Распутина, но по неопытности положили цианистый калий в пирожные, которые нейтрализовали действие яда. Тогда пришлось стрелять, и не раз. Тело Распутина выбросили с моста в Малую Невку...

Смерть Григория Распутина не послужила предостережением царю. Наоборот, репрессивный курс Протопопова усилился. Распутин был похоронен в Царском Селе, рядом с парком Александровского дворца, где постоянно проживала царская семья, у стен Феодоровского собора. Царь демонстративно оказал Протопопову свое доверие: из управляющего министерством внутренних дел он был сделан полноправным министром. Сменены были и несколько других министров, замещенные теперь распутинскими ставленниками. 27 декабря был уволен в отставку сам премьер, «лживый Трепов», как именovala его Александра Федоровна в своих письмах к царю. Надежды Родзянко на получение поста главы «ответственного министерства» провалились...

Отметим, что среди главарей либерально-октябристской оппозиции царизму Родзянко занимал особое место. Поддерживая согласованную линию бюро Прогрессивного блока, куда входил и председатель IV Государственной думы, Родзянко всегда вел и свою собственную политику.

Его политическая карьера развивалась по восходящей линии. Крупный помещик Екатеринославской губернии, владевший 1625 десятинами земли, действительный статский советник, придворный в звании камергера, он в 1900 году в возрасте 41 года становится председателем Екатеринославской земской управы, в 1906 году — член Государственного совета по выборам от Екатеринославского земства. В 1907 году Родзянко впервые избирается в III Государственную думу. Он входит во фракцию октябристов. Когда Гучков в марте 1911 года оставил свое место председателя III Государственной думы из-за конфликта со Столыпиным, именно Родзянко избирается новым главой Думы. С ноября 1912 года он бессменный председатель IV Государственной думы.

Для своего времени он получил хорошее образование и был человеком с широким кругозором: закончил Пажеский корпус, пять лет служил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Здесь завязались его многочисленные знакомства среди высшей дворянской знати и в придворных кругах. По своим убеждениям Родзянко принадлежал к правым октябристам, был искренним сторонником монархии и вполне правоверным подданным Николая II. В то же время своеобразное положение в государстве, которое он занимал как глава Думы, заставляло и его принимать участие в той борьбе за власть, которую русская буржуазия повела с лета 1915 года. Обладая правом испрашивать личную аудиенцию у царя для представления всеподданнейших докладов, Родзянко использовал его для изложения требований Прогрессивного блока, не упускал при этом ни одной возможности для удовлетворения собственных амбиций.

После выдвижения Прогрессивным блоком в августе 1915 года идеи замены царского правительства «правительством доверия страны» Родзянко начинает проводить ее во всех своих встречах с царем («правительство доверия» хоть и должно было состоять из буржуазных деятелей, но назначалось бы царем, а не Думой). Так, 12 сентября 1915 года, через девять дней после того, как Горемыкину удалось провести указ о перерыве в занятиях Думы, Родзянко направляет Николаю II доклад с критикой правительства, с требованием отставки Горемыкина и замены его «лицом, которое согласит без потрясений назревшие идеалы народ-

ные с твердой властью и, опираясь на доверие Ваше и страны, поможет Вашему Величеству довести дело спасения Родины до благополучного конца». Родзянко не упомянул здесь о кабинете доверия, о целом правительстве, а говорил только об одном «лице». Нетрудно было догадаться царю, что этим лицом может стать только сам Родзянко.

9 февраля 1916 года впервые за всю историю Государственной думы Николай II приехал на открытие Думы. Был отслужен молебен. Глаза императора увлажнились. Вежливые улыбки депутатов воспринимались им как всегдашнее выражение восторга, которое он наблюдал у верноподданных при своем появлении. Николай был растроган. Хотя, собственно говоря, он явился сюда лишь для того, чтобы оказать моральную поддержку только что назначенному председателем совета министров Штюрмеру. Но провожающему его Родзянко сказал:

— Никогда не мог решиться... Чарующее впечатление это на меня произвело!

— А дальше что, ваше величество? — спросил Родзянко.

— Вы говорите насчет чего? — настороженно поинтересовался царь.

— Ну а ответственное министерство?

— А об этом я еще подумаю...

— Жаль, государь. Если бы вы сегодня об этом сказали, это имело бы колоссальное последствие. За границей впечатление было бы огромное. Успокоение настало бы.

— Подумаю, подумаю, Михаил Владимирович, — бросил царь уже на ходу.

Во время доклада в ставке в июне 1916 года Родзянко снова просил царя дать ответственное министерство. Он убеждал царя, что все для него останется по-прежнему: он будет утверждать законы, распускать законодательные учреждения, решать вопросы войны и мира. Вот только ответственности никакой нести не будет. Николай II ответил своим обычным: «Хорошо, я подумаю».

Когда началась ноябрьская сессия Думы в 1916 году и атака лидеров Прогрессивного блока против Штюрмера, положение Родзянко вновь стало противоречивым. С одной стороны, с его помощью распространялись

слухи о том, что Родзянко не сегодня-завтра будет назначен на место Штюмера. С другой — императрица требовала в письме от Николая II лишить Родзянко придворного звания. После убийства Распутина разнеслись слухи о причастности к этому акту политического террора и Родзянко! Ведь он был в близких отношениях с Юсуповыми, а жена его — подругой матери Феликса Юсупова. На протяжении 10 дней Родзянко не получал ответа на свою просьбу о приеме для всеподданнейшего доклада. Поговаривали о возможном аресте Родзянко и о лишении его придворного звания. Только 7 января 1917 года он был наконец принят Николаем II. Председатель Думы попытался изобразить в своем докладе всю картину неправильных действий правительства, преступного назначения недостоинных лиц на министерские посты, ежечасное оскорбление всего народа сверху донизу, подлый произвол и безнаказанность «темных сил», которые продолжают через императрицу влиять на судьбы России и ведут дело к позорному сепаратному миру! Но царь перебил Родзянко:

— Помилуйте, да ведь теперь их больше нет!

Однако на слова об императрице никак не реагировал, только бледнел. Родзянко продолжал говорить дальше о том, что вернулись старые времена, когда «личность не ограждена» и произвол сильнее закона. Виной этому — преступная политика, которую ведет министр внутренних дел Протопопов. Он не заслуживает даже человеческого уважения. И Родзянко рассказал об инциденте на новогоднем приеме, о том, что он нанес оскорбление Протопопову, но тот «секундантов не прислал».

— Теперь я могу бить его палкой! — заключил председатель Думы.

— Ну, это вы здорово. Молодец! — поддакнул ему Николай.

Ободренный Родзянко опять заговорил о том, что «общество» находится в состоянии брожения, что чудовищные и волнующие население слухи передаются повсюду. Причиной всеобщей неурядицы, преследования честных людей, назначений бездарностей или ошельмованных обществом считают вмешательство императрицы в государственные дела.

— Не заставляйте, ваше величество, — повысил голос Родзянко, — чтобы народ выбирал между вами и

благом родины. До сих пор понятие «царь» и «родина» были неразрывны, а в последнее время их начинают разделять!

— Ну, это вы уж слишком, — возразил царь, сжимая обеими руками голову, — неужели я 22 года старался, чтобы все было лучше, и все 22 года ошибался?!

— Да, ваше величество...

Несмотря на резкость разговора, царь отпустил Родзянко по-хорошему. Вся эта сцена, разговор с глазу на глаз не могли не тронуть Родзянко. Снова вспыхнула у него надежда, что он убедил или сможет убедить царя пойти на сделку с буржуазными лидерами Думы и тем предотвратить революцию. Но опыт многолетнего общения с императором заставлял его задать самому себе вопрос: неужели все это фальшь и притворство?

Прошел месяц, близилось открытие сессии Государственной думы, перенесенное на 14 февраля 1917 года. Если в начале января Родзянко радовался такой отсрочке — сначала открытие намечалось на 12 января — и надеялся, что царь «одумается» и даст «ответственное министерство», пригласив именно его возглавить правительство, то истекший месяц показал тщетность всех этих надежд.

Новые аресты, в частности даже последовавший 29 января арест Рабочей группы при Военно-промышленном комитете, состоявшей из одних меньшевиков-оборонцев, показали, что не поиски компромиссов с буржуазными либералами и октябристами характеризовали это время. Судьба страны не могла решиться путем заключения сделки между царизмом и буржуазией. Голос рабочего класса звучал все громче. Ощущение близкой катастрофы усилилось. Забастовки в Петрограде, начавшиеся 9 января 1917 года со стотысячной стачки протеста в память жертв Кровавого воскресенья, уже не прекращались. Редкий день в январе — начале февраля 1917 года проходил в Питере без забастовок. То 10 тысяч, то 20, а то и свыше 30 тысяч рабочих бастовали в разных концах города. Близилась революционная буря...

В начале февраля Родзянко направил Николаю II прошение о приеме для доклада. Против ожидания ответ пришел сразу. Все эти дни до дня приема — 10 февраля — царь провел в обществе Александры Федоров-

ны и Протопопова. Теперь Николай II вел себя вызывающе и зло. В эти дни он решительно метнулся «вправо», поручив Маклакову подготовить записку о роспуске Думы до конца войны.

На этот раз Николай не разрешил Родзянко сделать устный доклад, а просил читать текст, чтобы прием прошел короче. Родзянко начал читать. В его докладе высоко оценивалась деятельность Государственной думы в организации обороны страны, содержались обвинения в адрес правительства, которое вело репрессивную политику даже против буржуазных деятелей и меньшевиков-оборонцев. Особо подчеркивалось требование удаления министра внутренних дел Протопопова. На слухи о возможном роспуске Думы и о назначении новых выборов Родзянко отвечал предложением «о продлении полномочий нынешнего состава Государственной думы вне зависимости от срока ее действий».

Двенадцатый час романовской династии воистину уже пробил! Но тогда, 10 февраля, царь не дослушал эти слова.

— Кончайте скорей, у меня времени нет! — крикнул он в раздражении.

— А как же второй мой доклад? Тут сведения об экономическом положении страны. А оно ужасно.

— Не знаю, не согласен с вами. Мне все известно, что надо знать, а ваши сведения всегда противоречат моим.

Родзянко тяжело вздохнул и покачал головой. Потом сказал в раздумье:

— Я вас предупреждаю, государь, что мой доклад у вас последний... Это мое личное предчувствие и убеждение. Да-с...

— Почему?

— Потому что Думу вы распустите, а направление правительства не предвещает ничего доброго... Еще есть время. Возможность все повернуть и дать наконец ответственное перед законодательными палатами правительство. Но этого, по-видимому, не будет. Вы, ваше величество, со мною не согласны. Все останется по-старому... И будет такая революция, которую ничто не удержит!

— Да бросьте вы, какая революция!

— Ей-богу, государь. Предупреждаю вас.

— И откуда вы все это берете?

— Да из всех обстоятельств, которые складываются. Нельзя так шутить народным самолюбием и народной волей, как шутят те лица, которых вы ставите. Нельзя ставить во главу угла всяких распутиных! Вы пожнете, государь, то, что посеяли...

— Ну, бог даст, бог даст! Все, прощайте.

Жена Родзянко, передавая в письме З. Н. Юсуповой впечатления своего мужа от последнего разговора с царем, писала: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что не одна Александра Федоровна виновата во всем, он как русский царь еще более преступен!» Николая II уже нельзя было спасти ничьими усилиями. Политика царя и его окружения привела к полной изоляции императора.

День открытия Думы, 14 февраля 1917 года, ознаменовался рабочими демонстрациями на Невском, организованными большевиками. Затем на втором и последующих заседаниях депутаты буржуазной оппозиции, меньшевистской и Трудовой групп подвергали резкой критике царское правительство, отдельных министров, ответственных за продовольственные затруднения в столице. Новый, еще более острый, чем раньше, конфликт между Думой и властью был налицо. Родзянко ходил мрачный, предвидя близкий перерыв в работе Думы. В конце второй декады февраля в правительственных и придворных сферах пронеслось какое-то легкое «дуновение» в сторону компромисса с Думой. Родзянко донесли, что царь созвал некоторых министров во главе с председателем совета министров Голицыным. На созванном им совещании царь решил обсудить последствия возможного решения о даровании ответственного министерства. Князь Голицын был очень доволен таким поворотом дела, который снял бы с него непосильную ношу ответственности. Но вечером 21 февраля его вновь вызвали в Царскосельский Александровский дворец.

— Я завтра срочно уезжаю в ставку, — сказал царь.

— Как же, ваше величество? Ведь вы же хотели завтра в Думу ехать и говорить об ответственном министерстве? — удивился Голицын.

— Я изменил свое решение и уезжаю.

...И КРАДЕТСЯ К ВЛАСТИ

Председатель IV Государственной думы Родзянко в «оппозиционеры» попал случайно. Из всех сил он старался сторговаться с Николаем II и его правительством. К ним он был гораздо ближе, чем к другим фракциям Прогрессивного блока Думы, в который официально входила и его фракция земцев-октябристов. В. И. Ленин недаром относил председателя Думы к правительственному лагерю. Еще весной 1914 года, когда за obstruction во время выступления в Думе председателя совета министров Горемыкина депутаты социал-демократы и трудовики были исключены на 15 заседаний, Ленин, критикуя воздержавшихся тогда кадетов, писал: «Воздержаться, когда Горемыкин, Родзянко и их большинство исключало демократических депутатов, значило фактически поддерживать своим молчанием, нравственно одобрять, политически подкреплять Горемыкина и Родзянко и их большинство» (т. 25, с. 129). Вся буржуазия в целом, по Ленину, и это полностью отвечало действительности, была ближе к правительственному лагерю, чем к политическим представителям революционной демократии, рабочим и крестьянам. Тогда же Ленин писал: «Контрреволюционный блок Пуришкевича, Родзянки и «левых» октябристов плюс часть прогрессистов выступил прямо, *открыто*, решительно, по-солдатски (не в переносном, а в прямом смысле этого последнего выражения, ибо солдаты были призваны в Думу) против демократии. Контрреволюционные либералы, Милюковы и К°, *воздержались*. Этого нельзя было не ожидать после всей истории III и IV Думы, после всей истории десяти первых лет двадцатого века» (т. 25, с. 130).

Эти ленинские оценки дают нам единственно верный тон для воссоздания политического портрета русской буржуазии. Она была контрреволюционна и антинародна. Русская буржуазия организовалась политически лишь в годы первой русской революции. Этим она коренным образом отличалась от буржуазии английской или французской. Мир, и в том числе Россия, вступил уже в империалистическую, последнюю стадию капитализма. Английские и французские буржуа в XVII—XVIII веках своими действиями способствовали смене отживающей феодальной формации капиталистической. Их участие в буржуазных революциях объективно было революционным.

В начале XX века история властно поставила вопрос о смене капитализма социализмом. Буржуазия повсюду превратилась в реакционную силу. Уже в момент организации в России буржуазное политическое движение было поэтому объективно контрреволюционно. Роль передового борца за демократию мог выполнить только российский пролетариат, руководимый революционными социал-демократами, большевиками. Этого не могли понять меньшевики, повторявшие «зады» европейской истории. Раз во Франции в результате буржуазной революции к власти пришла буржуазия, значит, и в России должно быть так же, говорили они, значит, и у нас руководителем, гегемоном буржуазной революции должна быть буржуазия. С этими неверными взглядами теоретически и практически боролись большевики во главе с Лениным.

Факты истории быстро подтвердили правильность ленинской оценки русской буржуазии как контрреволюционной. Когда Николай II под натиском революционного движения в 1905 году пообещал созвать законосовещательную Государственную думу — «булыгинскую» (по имени министра внутренних дел Булыгина), разработавшего ее проект, — буржуазные либералы тотчас согласились на эту ничтожную подачку. Милюков с важностью писал, что «булыгинская» дума — первый шаг к подлинному парламентаризму. После издания манифеста 17 октября 1905 года правое крыло буржуазии и обуржуазившихся помещиков, сформировавших свою партию «Союз 17 октября», объявило, что цели общественного движения достигнуты и теперь необходимо не за страх, а за совесть сотрудничать с царским правительством. Кадеты продержались чуть дольше. Но и они боялись прогадать. Милюков советовал тогдашнему председателю совета министров, графу С. Ю. Витте, наделить Государственную думу полномочиями Учредительного собрания, чтобы не допустить в российский парламент подлинных представителей рабочих и крестьян. После Декабрьского вооруженного восстания в Москве кадетская партия публично отмежевывалась от революционного движения и осудила его. В период работы I Государственной думы в июне и июле 1906 года кадеты выпрашивали у царских министров разрешение на формирование «ответственного министерства», обещая продать свои программные заявления «с рубля по гривеннику». Николай II не поверил им, и вместо «ка-

детского министерства» страна получила правительство Столыпина-вешателя, с беспощадной жестокостью расправившегося с массовым революционным движением.

В III и IV Государственных думах не только октябристы, но и кадеты лакействовали перед царскими министрами, отрешивались от всякой связи с массовым движением. Именно в эти дни Ленин бичевал русскую буржуазию, указывая, что этот поднимающийся класс болен «властобоязнью», загнил заживо, еще даже не развернувшись в полную силу. Первая русская революция, рабочие, солдатские и крестьянские восстания, кровь, убитые и раненые, сожженные «дворянские гнезда» — все это настолько напугало русскую буржуазию, что она полностью отвернулась от народа и видела единственную возможность для общественного прогресса только в сделке с царизмом, только на пути добровольной уступки части власти самим Николаем II.

Первая мировая война, могучий и всесильный режиссер и ускоритель революции, многое изменила в планах русской буржуазии. Сейчас или никогда, мы или стихийная революция? — такой представлялась им теперь ближайшая перспектива. Но тактика осталась прежней — никаких связей с революционным движением, никакой революции, особенно недопустимой во время войны. Для этого летом 1915 года шесть фракций Думы объединились в Прогрессивный блок. Путем взаимных уступок признанный лидер кадетской партии Милюков сумел сколотить в Думе правоцентристское большинство, которое открыто выступило в оппозицию царскому правительству. Ради завоевания власти путем компромисса с Николаем II Милюков терпел напыщенного Родзянко, а тот — умствующего профессора. Лишь бы успеть, лишь бы перерезать путь революции, «вразумить» царя, чтобы в первую очередь в его собственных интересах поступиться частью реальной власти и призвать «правительство доверия страны» из буржуазных деятелей.

Владимир Ильич Ленин сразу же дал глубокую оценку Февральской революции. В одном из «Писем из далека» есть характеристика буржуазного Временного правительства первого состава. Ленин подчеркивает, что «это правительство не случайное сборище лиц». И далее объясняет: «Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, клас-

са капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно *правит* нашей страной экономически и которая как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контрреволюции 1907—1914 годов, так наконец, — и притом с особенной быстротой, — за время войны 1914—1917 годов чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии» (т. 31, с. 18).

Тот общий тон контрреволюционности, который прежде всего бросается в глаза в политическом портрете русской буржуазии, не отменяет массы деталей и оттенков. Три главные партии — кадеты, октябристы, прогрессисты, по несколько фракций в каждой из них, мелкие промежуточные группы и группки, союзы, литературные группы — вот пестрая верхушка политических организаций буржуазии. От них шли всевозможные связи к предпринимательским союзам и банковским группам, к университетам и академиям, к Земскому и Городскому союзам, к военно-промышленным комитетам и сотням других государственных, полугосударственных и «общественных» учреждений, организаций и союзов. Идеино-политически весь этот цветастый «табор» возглавлял Прогрессивный блок IV Государственной думы. Им руководило бюро, а во главе этого бюро стоял лидер буржуазной партии конституционалистов-демократов Милюков. В 1917 году ему было 58 лет. По крайней мере, двадцать последних из них были связаны с активной политической деятельностью, хотя, окончив историко-филологический факультет Московского университета, он начинал работать как историк-профессионал. Диссертация его, посвященная государственно-му хозяйству при Петре I, была весьма заметной для своего времени. Ученый совет хотел присудить ему сразу степень доктора. Но известный историк — профессор Ключевский стал возражать: «Если мы Милюкову сейчас доктора дадим, он больше ничего не напишет, а если дадим только магистерскую степень, глядишь, еще одну интересную книгу создать заставим!» Совет послушался Ключевского...

Случайно Милюков оказался вовлеченным в студек-

ческую сходку. Не разобравшись, власти выслали его на три года из России. Видимо, это стало первым толчком для превращения Милюкова в политического деятеля. Свою высылку он провел в Болгарии. Там, в Софийском университете, он получил кафедру русской истории и звание профессора. Но по требованию русского посла сразу же был от этой работы отстранен и вынужден работать в археологических экспедициях. В Россию вернулся уже убежденным конституционалистом и противником неограниченного самодержавия. Ему было запрещено проживание в Петербурге, и он поселился на даче, в Удельной.

Министр внутренних дел В. К. Плеве на личной встрече убеждал Милюкова в бесполезности борьбы против самодержавия, в незыблемости царского строя в России. Но... вскоре сам Плеве был убит эсеровским террористом, а Милюков по приглашению американского миллионера Чарльза Крэйна уехал в США, где читал лекции по истории русской культуры и общественно-политического движения. Он был и в Англии, где стал поклонником английской парламентской системы и конституционной монархии. Милюков участвовал в эти годы в первых попытках русской буржуазии создать свои оппозиционные политические организации. Он входит в «Союз освобождения», участвует в 1904 году в Парижской конференции русских оппозиционных, национальных и революционных организаций, пытавшихся разработать общую линию борьбы с самодержавием. В своих публицистических статьях он призывал революционные организации отдаться под политическое руководство русской буржуазии. Против этого решительно выступил В. И. Ленин, выдвинувший идею гегемонии пролетариата в демократической революции.

Когда же началась первая русская революция, Милюков был в США и вернулся в Россию только в марте 1905 года. Он активно участвовал в созыве городских и земских съездов, был одним из основателей «Союза союзов», в который вошли профессионально-политические организации русской интеллигенции (врачи, инженеры, учителя и пр.). Милюков — один из учредителей кадетской партии на ее первом съезде в октябре 1905 года, а потом редактор кадетских газет «Свободный народ» и «Народная свобода». Обе они были закрыты правительством, а сам Милюков привлечен к судебной ответственности. Это позволило царскому

правительству отвести кандидатуру кадетского вождя при выдвижении его в депутаты I Государственной думы. Но он вопреки властям на правах журналиста — к этому времени он редактировал уже центральный орган кадетской партии, газету «Речь», — дневал и ночевал в Таврическом дворце. Казалось бы, столь близкое знакомство с царской юстицией и полицией должно было подтолкнуть Милюкова в ряды более решительных борцов с самодержавием. Но этого не произошло. Он с терпением проповедовал реформистский путь, призывал постепенно «приучать» царскую власть к конституционным порядкам. В июне 1906 года он встретился в петербургском ресторане «Кюба» с одним из царских фаворитов, дворцовым комендантом Д. Ф. Треповым. Милюков просил разъяснить Николаю II, что необходимо создать правительство из членов самой многочисленной кадетской фракции в Думе. Такое ответственное перед Думой министерство позволит стране тихо и мирно перейти к конституционным порядкам, а революцию удушить сможет и кадетское министерство. Трепов обещал посодействовать...

В. И. Ленин по этому поводу писал: «За спиной народа ведутся «неофициальные» переговоры членов партии «народной свободы» о продаже по сходной цене народной свободы» (т. 13, с. 240). Но сделка сорвалась! Правительство распустило I Государственную думу. Вторую Думу Милюков призывал беречь — в нее он тоже не попал. Лишь в III Думе он занял официальное место руководителя кадетской фракции. А революционное движение между тем было задавлено правительством Столыпина. Начались годы мелочных расчетов, копеечных выигрышей в Думе, грошовых поражений. Долго и нудно «учил» Милюков царское правительство конституционным манерам, а оно показало себя нерадивым «учеником» и буйствовало по-старому: вешало и арестовывало, расстреливало без суда и следствия, как случилось это на ленских приисках в апреле 1912 года...

Началась война, и сверхтерпеливый Милюков призывал к национальному примирению и прекращению словесной борьбы с правительством с трибуны Государственной думы. А летом 1915 года, махнув рукой на конституционный принцип ответственности правительства перед парламентом, стал просить царя создать хоть «правительство доверия» из буржуазных деяте-

лей, которое было бы ответственно только перед царем.

Проходил месяц за месяцем, а царь оставался глух и к просьбам Родзянко на всеподданнейших докладах, и к резкой критике Милюкова с трибуны Государственной думы. Терпение кадетского лидера стало наконец истощаться. «Строгая» тактика парламентских методов борьбы с царским правительством потерпела полный крах. И Милюков стал заинтересованно поглядывать на других деятелей, горячих и нетерпеливых, которые уже давно разрабатывали «свои» методы и приемы борьбы с властью.

Вскроем еще одну систему, которая пыталась связать в единое целое всю пеструю смесь буржуазных легальных союзов, обществ и партий, выработать единый план действий, для того чтобы и революции избежать, и власть получить.

— Вы уж извините меня, Александр Иванович, что я к вам, больному, с делами пришел, но дело у меня, видите ли, весьма важное и секретное!

С этими словами заместитель председателя IV Государственной думы Николай Виссарионович Некрасов, по партийной принадлежности левый кадет, вошел в кабинет к Гучкову. Разговор происходил в октябре 1916 года на квартире Гучкова, где тот лежал после сердечного приступа. Гучков был удивлен визитом Некрасова: они были знакомы только шапочно, состояли в разных партиях, общих знакомых не имели, и Некрасов дома у него никогда прежде не бывал.

— Помните ли вы, Александр Иванович, свои слова, которые говорили вы на собрании у Михаила Михайловича Федорова две недели тому назад? — спросил Некрасов.

— Вроде помню, — насторожился Гучков. — А что вы имеете в виду?

— А вот что. Из ваших слов о том, что только тот, кто участвует в «революции», сможет оказаться и призванным к делу создания новой власти, я заключаю, что у вас по этому поводу имеется, так сказать, особая мысль. Так ли это?

— Верно. Вы самую суть ухватили. Но понимаете ли вы, что нас с вами за одни такие разговорчики могут повесить.

— Это все я понимаю очень хорошо. Потому и пришел к вам. Я доверяю вам абсолютно, и вас прошу отнестись ко мне так же.

— А мысль моя, — кивнув, продолжал Гучков, — заключается в том, что нельзя допустить смену власти в порядке революционной анархии, стихийной революции. Ответственные и государственные люди, вроде нас с вами, должны на себя взять инициативу смены власти.

— Что же, самим революции устраивать?

— Ни боже мой! Наоборот. Дворцовый переворот! Вот единственный выход для спасения России от всех бед, которыми ей грозит грядущая стихийная революция. Иначе мы этой революции помешать не сможем!

— Вы глубоко правы, Александр Иванович. Хотя мы с вами и разных партий и убеждений, но в этом вопросе я с вами совершенно согласен. Более того, предлагаю вам союз. Давайте действовать вместе. Мы исчерпали все мирные средства. Хотя Павел Николаевич Милюков и надеется еще на Думу, на критику, на то, что критика эта вразумит царя и он сам даст нам конституцию, но я лично давно уже в это не верю. А ведь в рабочем классе, несомненно, зреет революция. Если уже не созрела. И революционные партии, особенно большевики, вовсю работают, чтобы приблизить эту стихийную революцию масс. Только быстрый и решительный военный переворот может спасти нас. Только спокойные и рассудительные государственные люди должны стоять во главе этого переворота, дабы противодействовать развитию стихийных сил революции.

Они установили общую солидарность в оценке политического положения страны. А затем перешли к обсуждению практических шагов по организации переворота. Главное, заставить Николая II отречься от престола в пользу сына Алексея Николаевича, которому было тогда 12 лет. В подобных случаях полагается регент, который должен был отправлять обязанности главы государства до совершеннолетия императора. Регентом тоже оба единодушно называли младшего брата царя — великого князя Михаила Александровича. Переворот должен был быть бескровным. Лишь угроза смерти могла заставить Николая II отречься от престола, угроза же эта в исполнение приводиться не должна была. Необходимо сохранить монархию. Произойдет лишь перемещение власти от Николая к Михаилу Романову.

— Но ведь, пожалуй, Александр Иванович, силенок-

то у нас своих двоих маловато будет? — говорил Некрасов. — Нужно нам еще кого-то верного взять, а?

— А есть такой человек?

— Есть! Между прочим, ваш заместитель по ЦВПК — Михаил Иванович Терещенко.

— Да что вы?! Он же больше по театрам да по балетам! Я считал, что политика его не интересует. Да и богатство фантастическое. 70 миллионов! И человек молодой. Всего 28 лет. Нет, нельзя его, что вы!

— Нет, нет, Александр Иванович! Вы недооцениваете Терещенко. Именно потому, что 70 миллионов. Да, человек с такими деньгами на Западе давно бы министром был, если б захотел. А он хочет, смею вас уверить, хочет. А у нас что? Одно старичье замшелое. Дворянство, давно выродившееся! Может быть, я буду нескромным, но скажу, что неплохо знаю Мишу, и у нас с ним полное единодушие в оценке политического положения и необходимых мер. А его кажущееся равнодушие к политике и увлечение искусством будут нам только на пользу.

— Ну что ж! — сказал Гучков задумчиво. — Пожалуй, вы правы. Поговорите-ка с ним. Это, и верно, неплохо выйдет!

Мысль о дворцовом перевороте высказывалась еще с осени 1915 года кадетом В. А. Маклаковым на разных узких собраниях лидеров буржуазной оппозиции царизму. Но дальше слов тогда дело не заходило. Милюков питал отвращение к насильственным мерам. Милюков забывал, что и в Англии становление парламентаризма шло через заговоры и казни, через революцию XVII века и потоки крови, через века, наполненные самой ожесточенной борьбой между дворянством и поднимающейся к власти буржуазией. Впрочем, однажды и Милюков обмолвился: «Приведите мне два полка к Думе, тогда Дума возьмет власть». Сам он комментировал позднее это свое изречение так: «Я думал, что поставил невыполнимое условие, а на деле изрек пророчество!»

Вновь вопрос о перевороте и отречении Николая II с особой силой возник на совещании на квартире М. М. Федорова, председателя Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, в конце сентября 1916 года. Присутствовало все руководство буржуазной оппозиции царизму: М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, А. И. Гучков, С. И. Шидлов-

ский, А. И. Шингарев, И. В. Годнев, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко и сам хозяин. Все сходились на том, что общественное недовольство поднялось до такой степени, что в ближайшем будущем следует ожидать революционного взрыва. Говорилось, что помешать этому рабочему восстанию члены собравшейся группы никак не смогут. Ведь восстание готовится большевиками и другими революционными партиями помимо них. Было принято за аксиому и то, что царское правительство, «лишенное воли, разума и чувства своей правоты», по словам Гучкова, не сможет такое движение подавить. И что же получится? Либо правительство будет свергнуто народным движением, либо царская власть, чувствуя свою беспомощность, обратится к буржуазным общественным лидерам, то есть к участникам данного совещания.

В случае восстания, когда на улице будут стрелять, народ — штурмовать полицейские участки, члены данной группы, конечно, будут «в стороне», но послестихийных уличных волнений настанет момент организации новой власти, и тут-то придет их черед: людей «государственного опыта», которые и будут призваны к управлению страной. Эти рассуждения были типичными для буржуазных политиков. В. И. Ленин еще в 1905 году заклеил их: «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти» (т. II, с. 149).

Только Гучков, проницательный политик, говорил:

— Мне кажется, господа, что мы ошибаемся, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполняют революционное действие, а какие-то будут призваны для создания верховной власти. И боюсь, что те, кто будет делать революцию, сами встанут во главе этой революции.

Эти-то слова Гучкова и напомнил Некрасов. Но, между прочим, тогда же у Федорова рассматривалась и другая перспектива: новая власть, как бы она ни была создана, имеет шанс на успех только в случае отречения Николая II от власти.

Достали свод законов и манифест о престолонаследии императора Павла I. Прочитали, что в случае отречения императора власть переходит к его сыну, а если он несовершеннолетний, назначается регент. Так лидеры буржуазной оппозиции еще в сентябре 1916 года единодушно сошлись на том, что надо добиваться отречения Николая II в пользу его малолетнего сына Алексея.

В регенты был намечен младший брат Николая — Михаил, известный слабостью своего характера и англофильством. Но и тут, кроме Гучкова, никто не высказывался как-либо определенно в пользу действий, которые сделали бы отречение обеспеченным. И лишь спустя две недели Некрасов попытался сделать этот шаг у постели больного Гучкова.

Здесь требуется несколько пояснений. За Некрасовым стояли весьма могущественные силы. Нет, это не был ЦК буржуазной кадетской партии, хотя Некрасов и играл там заметную роль лидера левого крыла, постоянного оппонента Милюкова «слева». Среди кадетов Некрасов был не менее известен, чем Милюков, чем лидер правого крыла В. А. Маклаков или «центрист» Шингарев. Но не эти силы стояли за спиной Некрасова. Этой силой было русское политическое масонство, с 1911 года порвавшее связи с близким ему ранее французским масонством и превратившееся в тайную политическую группу, поставившую своей целью добиваться постепенно передачи реальной власти в руки буржуазных лидеров. Новые ложи предавали забвению весь масонский ритуал: «фартуки-запоны», оформление лож, угольник и циркуль и прочую символику. От старого масонства была оставлена только торжественная клятва хранить в тайне все дела организации да принцип беспрекословного подчинения начальникам высших степеней. Эта организация получила название «Верховный совет народов России». Она проводила свои ежегодные конвенты, избирала руководство в виде секретарей с генеральным секретарем во главе. В 1916 году генеральным секретарем организации был избран весьма известный левый адвокат, лидер Трудовой группы IV Государственной думы Керенский.

Следуя масонским традициям, «Верховный совет» старался привлекать в свои ряды членов всех политических партий, как буржуазных, так и «социалистических». Среди членов организации были кадеты (правые и левые), прогрессисты, отдельные октябристы, меньшевики и эсеры. Общее число членов организации в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе и ряде других городов доходило до 300 человек. Это было вроде бы немного, но люди, втянутые в организацию, представляли собой солидную часть политических штабов буржуазных и мелкобуржуазных партий и руководства главнейших местных организаций. Примерно половина всех членов

организации была сосредоточена в Петрограде. В IV Государственной думе отдельная ложа охватывала представителей фракций кадетов, прогрессистов, трудовиков и меньшевиков. Буржуазные фракции Думы объединялись в открытый Прогрессивный блок. «Социалистические» же фракции меньшевиков и трудовиков на словах боролись с буржуазным блоком, клялись в верности интересам рабочего класса и трудового крестьянства. На деле же в рамках тайного «Верховного совета народов России» они сговаривались с представителями буржуазии об общей линии в Думе. Разумеется, истоки соглашения меньшевиков и эсеров лежали в их идеологии и имели глубокие классовые корни. Но именно в рамках «Верховного совета» начиналось то соглашение меньшевиков и эсеров с буржуазией, которое затем нашло свое выражение в сотрудничестве буржуазного Временного правительства и меньшевистско-эсеровского Исполкома Петроградского Совета. Через масонскую организацию лидеры русской буржуазии стремились подчинить своей гегемонии хотя бы часть революционно-демократических организаций, чтобы манипулировать народным движением по своему усмотрению. Прикрываясь лозунгами объединения сил в борьбе с общим врагом, самодержавием, меньшевики и эсеры, вступив в масоны, еще раз предавали интересы рабочих и крестьян России.

Имея своих людей почти во всех партиях и общественных группах, оппозиционно настроенных к царскому режиму, масоны старались держать под своим контролем любую общественную инициативу, чтобы не упустить момент для выступления. Целью их был максимальный захват правительственной власти в свои руки.

Некрасов был одним из влиятельных людей в масонской иерархии. Он был принят в регулярную масонскую ложу еще в 1908 году, находившуюся в подчинении у ведущего объединения французских масонов — «Великий Восток Франции». Председателем петербургской ложи «Полярная звезда» был тогда граф А. А. Орлов-Давыдов, а прием Некрасова в масоны состоялся на квартире академика М. М. Ковалевского, главного резидента французских масонов в России, предпринимавшего с 1906 года успешные шаги по возрождению масонства в России, которое еще в 1822 году было официально запрещено императором Александром I.

После ухода русских политических масонов в подпо-

лье Некрасов с 1911 года становится секретарем «Верховного совета народов России» и занимает эту должность до конца 1916 года. Поэтому установление контакта с Гучковым было заранее рассчитанным актом тайной масонской организации, которая надеялась через этого своеобразного деятеля выйти на связь с оппозиционно настроенным офицерством. Некрасов родился в 1879 году. Закончил Петербургский институт путей сообщения и провел три года в заграничной командировке. Пытливый молодой инженер был поражен различиями между общественной жизнью конституционных стран Запада и полицейским произволом, царящим в России. С 1902 года он профессор Томского технологического института. Перед молодым профессором открывалась научная карьера. Но интерес к политике взял верх. Он вступает в Томскую организацию кадетской партии и в конце 1907 года проходит по кадетскому списку в III Государственную думу, а с 1908 года начинает и работу в масонстве. Последнее давало ему громадное удовлетворение, наполняло внутренним превосходством даже перед лидером партии Милюковым; многие же другие кадеты, встречаясь с секретарем «Верховного совета» на других собраниях, поневоле оказывали ему и там знаки уважения и внимания. В 1912 году Некрасов вновь избирается в IV Государственную думу от Томской губернии. Он становится и членом ЦК кадетской партии, играет все более заметную роль в руководстве фракции кадетов в Думе. Знакомство с Керенским и меньшевиками по «Верховному совету» тщательно скрывалось Некрасовым. Зато он мог открыто сойтись с А. И. Коноваловым, известным капиталистом и лидером партии прогрессистов в IV Государственной думе. В 1915 году после образования Центрального Военно-промышленного комитета оба они оказались в его рядах. Некрасов прошел в ЦВПК от Всероссийского союза городов. Коновалов же стал заместителем председателя комитета. Еще одним заместителем Гучкова стал молодой киевский миллионер, наследник состояния семьи сахарозаводчиков — Михаил Иванович Терещенко, которого теперь Некрасов рекомендовал Гучкову в качестве третьего члена их заговорщической группы. И Коновалов и Терещенко входили в руководство масонского «Верховного совета народов России». С начала 1916 года Некрасов перешел в открытую оппозицию Милюкову и возглавил левых кадетов, проповедовавших

союз с левыми группами в Думе и переход к актам сопротивления самодержавию. Вот что говорил, например, Некрасов в марте 1916 года на съезде союза городов:

«Никто ни на минуту не сомневается, что без совершенно реальной угрозы мы никогда не получим ни ответственного министерства, ни министерства, пользующегося доверием народа. Мы можем получить только какой-нибудь новый вариант из Штюмеров и Хвостовых. Поэтому бессмысленно играть с правительством в тонкую дипломатическую игру, а нужно сразу и определенно заявлять свои конечные требования. И, заявляя эти требования, нужно не ждать, что правительство «снизойдет к ним», а нужно позаботиться о создании такой организации, которая заставила бы правительство принять их».

Так что визит к Гучкову был для Некрасова не случаен.

Но теперь пора представить и самого Александра Ивановича Гучкова. Он имел, пожалуй, в тогдашней открытой политической жизни страны не меньшее влияние, чем вся его партия, «Союз 17 октября». Личностью Александр Иванович был довольно примечательной. Сын крупного купца, он и сам являлся крупным домовладельцем и промышленником, был директором Московского учетного банка, членом правления компании газеты «Новое время». Словом, капиталист, защищавший интересы русской буржуазии. Но таких «выразителей» были сотни и тысячи, а Гучков был при этом оригиналом и во всей тогдашней России — один.

Прежде всего нужно сказать о его поразительной активности. Порывистый и импульсивный, склонный к авантюризму и преувеличениям, но и обладавший несомненным политическим чутьем, Гучков не раз озадачивал современников своими поступками. К описываемому времени ему было 55 лет, и за его плечами была жизнь, полная бурных событий. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Еще совсем молодым человеком он совершил рискованное путешествие в Тибет и посетил Далай-Ламу, участвовал в англо-бурской войне на стороне буров и был там ранен. В 1903 году Гучков в Македонии, где шло восстание против турок. Наконец, во время русско-японской войны он уполномоченный русского общества Красного Креста. Был взят в плен японцами при Мукдене,

После освобождения он явился в Москву в разгар оживления либерального движения. В годы первой русской революции Гучков завязанный контрреволюционер. Вместе со своим братом он от имени Московской городской думы провел резолюцию, осуждавшую Декабрьское восстание в Москве 1905 года. На выборах в I Государственную думу потерпел поражение и не был избран в первый российский «парламент». В августе 1906 года наперекор буржуазным либералам открыто приветствовал введение Столыпиным военно-полевых судов для расправы с революционерами. Гучков считал, что «пламенный патриотизм» объединял его партию октябристов с частью националистов и с самим царским правительством.

С этого началась далеко зашедшая дружба между председателем совета министров Столыпиным и Гучковым. В III Государственной думе, избранной по новому реакционному избирательному закону, Гучков становится ее председателем. Он помогал Столыпину в «успокоении страны», считая, что Столыпин защищает идеалы манифеста 17 октября. Будучи председателем Думы, он обеспечил правительству Столыпина устойчивое большинство в этой палате и своим личным влиянием помогал укреплению Столыпина и всего третьеиюньского режима.

Но когда в 1911 году Столыпин прибег к искусственному перерыву в работе законодательных учреждений, чтобы в порядке чрезвычайного правительственного законодательства (ст. 87 Основных государственных законов) провести закон о земстве в западных губерниях, который был провален Государственным советом, Гучков в знак протеста отказался от поста председателя Думы. Он отошел на время от политической деятельности и уехал на Дальний Восток. Но в то же время в первую годовщину убийства Столыпина приехал в Киев, чтобы почтить его память. Гучков первый разоблачил скандальную роль Григория Распутина при царском дворе и сказал об этом именно с трибуны Государственной думы. За это он заслужил злобную ненависть царицы и самого царя, которые стали считать Гучкова личным врагом семьи. По указке правительства ему помешали пройти в IV Государственную думу.

Еще в 1913 году Гучков уловил зловещие признаки падения царского режима, отметил признаки нараста-

ния нового революционного кризиса. Позднее, уже после революции, он так рассказывал об этом сам:

«Я считал чрезвычайно важным, чтобы в тех событиях, которые готовились и, на мой взгляд, которые вели к насильственному перевороту, руководящие круги русского общества приняли руководящую роль и чтобы именно их разумом свершилось то, что представлялось мне неизбежным. Мне казалось, что переход умеренных политических кругов на позицию такой резкой оппозиционной борьбы может образумить власть и вынудить ее на известные уступки».

Так что идея переворота при участии буржуазных политических деятелей принадлежала к выношенным убеждениям Гучкова. Став в июле 1915 года председателем Центрального Военно-промышленного комитета, Гучков вновь выдвинулся на авансцену политической жизни. Осенью того же года в столицах ходил по рукам любопытный документ: «Диспозиция № 1 Комитета общественного спасения». В нем неизвестные авторы предлагали немедленно создать упомянутый комитет из Гучкова, князя Г. Л. Львова и... Керенского! Комитет этот должен был возглавить общественное движение за создание буржуазного правительства и действовать через прессу, общественные собрания и даже... домашние чаепития. Осенью 1916 года Гучков уличается царской охранкой в переписке с начальником штаба верховного главнокомандующего генерал-адъютантом М. В. Алексеевым. Письма эти в самодельных копиях расходятся по стране. Алексеев в страхе отрекся от этой переписки, а царица в письмах к Николаю II требовала «повесить Гучкова». Эта шумная и отчасти скандальная репутация, растущая популярность Гучкова в буржуазных кругах обеспечили ему успех на выборах в члены Государственного совета, верхней палаты куцега российского парламента, по торгово-промышленной курии в первые месяцы нового, 1917 года.

Находясь на гребне своей известности, Гучков строил совместно с Некрасовым и Терещенко планы военного переворота.

— Вообще говоря, господа, — обращался Гучков к своим собеседникам, — есть три возможности действия. Первая — захватить его в Царском Селе или Петергофе. Но тут надо много войск, нужны помощники во дворце. Даже если войска сумеем привлечь на свою сторону, возможна перестрелка, кровь. Все может сорвать-

ся, да и обильное пролитие крови нежелательно! Вторая возможность: захватить государя в ставку. Для этого нужно либо участие, либо попустительство высших военных чинов в Могилеве. Я там был несколько раз. Да и вы, Михаил Иванович, со мной ездили, помните, весной. Но, кто его знает, как все генералы будут в ставке действовать? И захотят ли они играть в «политику»? Да и армия, армия! Не отвлечет ли такая акция командование от своих прямых задач? Лично мне представляется самой лучшей третья возможность — захват царского поезда на пути между Петербургом и ставкой.

— Верно, верно, Александр Иванович! — согласились Терещенко и Некрасов. — Мы и сами об этом думали.

— Вот у меня, господа, тут карты-трехверстки. Пойдемте, посмотрим по всему пути.

Пользуясь своими связями, заговорщики выяснили, какие воинские части стоят на охране дороги и в каких местах. Наметили гарнизон села Медыха и стали искать подходы к офицерам. Вскоре им удалось вовлечь в свою группу генерала А. М. Крымова, командира одной из кавалерийских частей на румынском фронте, генерала А. А. Маниковского, ответственного сотрудника военного министерства, князя Д. Л. Вяземского, начальника санитарного отряда Петроградского бегового общества, аристократа с большими связями, и некоторых других. Князь Вяземский особенно горячо разделял мысли Гучкова, что на высших классах лежит обязанность смелым натиском на царя предупредить надвигающуюся революцию.

— Смотрите, Николай Виссарионович, — говорил как-то Гучков Некрасову, — каким ценным для нас человеком оказался Вяземский. Во-первых, он не находится под наблюдением охранки, как все мы. Во-вторых, успешно справляется с выяснением настроений офицерства гвардейских частей. Да и с офицерами царской охраны знаком. Просто находка! Уже познакомился с одним ротмистром из Медых.

Вскоре Терещенко и Вяземский отправились на фронт, стремясь по дороге посетить части охраны железной дороги между Петроградом и Могилевом.

Царский поезд должен был быть захвачен ночью, после чего Николаю II было бы предъявлено требование отречься в пользу сына. Заговорщики верили в ус-

пех своего предприятия. Но обстоятельства не благоприятствовали им. Проходили неделя за неделей, а царь больше не уезжал на фронт. Приходилось ждать. Гучков поговаривал, что «дело» придется отложить до пасхи, то есть начала апреля 1917 года. И вдруг вечером 22 февраля 1917 года Некрасов позвонил Гучкову и срывающимся от волнения голосом сказал:

— Александр Иванович! Он уехал! Сегодня уехал. Совершенно точно знаю от самого Родзянко.

22—23 февраля кризис в отношениях между двумя господствующими классами достиг небывалой остроты. Слепое, неумное сопротивление Николая II и его окружения, отказ от всякого компромисса с буржуазией заставляли политических вождей этого класса становиться на путь подготовки заговоров и дворцового переворота. Линия на строго конституционные, парламентские способы борьбы за власть, которую пытался навязать буржуазии лидер кадетской партии Милюков, потерпела явный крах. Отсюда повышалось значение радикальных групп буржуазных деятелей, стремившихся столкнуть Государственную думу и буржуазные общественные организации на дорогу демонстративного сопротивления царскому правительству. Бешеную активность проявляла и тайная организация русских политических масонов. Все эти планы буржуазных деятелей были направлены на то, чтобы успеть захватить правительственную власть до начала новой революции. Не для народа, а против народа хотели буржуазные политики заставить Николая II пустить их к кормилу власти.

Но в пылу этой «волосянки наверху», как образно говорил о царизме и буржуазии, как бы вцепившихся друг другу в волосы в драке, известный советский историк, активный участник трех русских революций М. Н. Покровский, обе стороны забыли о народе, о революционерах. А им-то и принадлежало главное слово в надвигавшихся событиях. Народ, рабочие, солдаты, крестьяне, ненавидевшие и царскую полицию, и заводчиков, и деревенских кулаков, давно готовились к тому, чтобы сбросить своих угнетателей. Достаточно было искры, чтобы пламя народной революции вспыхнуло в любой момент. Для того чтобы этот огонь сжег до основания весь старый мир, неустанно работали революционеры.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Далеко за линией русско-германского фронта, за его заснеженными траншеями, протянувшимися от Двинска до Ясс, за лесами и полями Германии, за австрийскими горами, лежала маленькая Швейцария. Она, окруженная странами воюющих коалиций, хранила свой традиционный нейтралитет. И как всегда, в Швейцарии было много иностранцев, а среди них — политических эмигрантов. Жили тут и русские. Здесь были и случайные люди, застигнутые войной, были и многочисленные «политики», члены разных социалистических партий и групп. Именно в Швейцарии, в местечках Циммервальде и Кинтале, состоялись в 1915 и 1916 годах первые конференции социалистов, противников войны из разных стран. Из них Владимир Ильич Ленин сплотил «циммервальдскую левую», предтечу будущего III, Коммунистического Интернационала.

Ленин оказался в Швейцарии в годы первой мировой войны не по своей воле. К лету 1914 года он уже два года проживал на территории Польши, входившей частично тогда в состав Австро-Венгрии. Когда началась война, власти арестовали его как «русского агента». понадобилось заступничество австрийских социалистов, объяснивших, что у царского правительства нет худшего врага, чем Ленин, чтобы его освободили и выслали на территорию Швейцарии. Высланы были туда же и некоторые другие большевики, проживавшие в Австро-Венгрии. Так Швейцария, как и в годы, предшествовавшие первой русской революции, вновь превратилась в главный центр большевиков за границей. В Берне обосновалась Заграничная часть Центрального Комитета большевистской партии во главе с Владимиром Ильичем Лениным. В 1916 году Ленин переехал в Цюрих. В маленькую квартирку в переулке Шпигельгассе сходились нити руководства большевистской партией, РСДРП(б). Жена и верная соратница Владимира Ильича Надежда Константиновна Крупская вела обширнейшую корреспонденцию Заграничной части ЦК. Каждый день десятки писем и бандеролей получал и отправлял Ленин из Цюриха. Прежде всего это была переписка с корреспондентами в самой Швейцарии: с большевиками, жившими в Берне, Женеве, Кларане, Ла-Шо-де-Фоне, десятках других городков и деревень страны.

Письма уходили и в нейтральные государства Европы: в Норвегию и Швецию, где тоже было немало большевиков. Затем в США, Францию, Италию, Англию. Конечно, самой сложной задачей была переписка с Россией. Открыто через Францию и Англию она осуществляться не могла. Военная цензура союзников следила за тем, чтобы антивоенные материалы, а тем более указания по подпольной революционной работе не попали в царскую Россию. Поэтому шифрованные и кодированные письма отправлялись из Швейцарии в нейтральные Скандинавские страны. Оттуда их в новых конвертах переправляли в Финляндию. И только из Финляндии письма адресовались в Петроград. На это уходило от трех недель до месяца. Но и при этих предосторожностях большинство писем оседало в цензуре европейских государств и России. Понятно, что подобные условия исключали оперативное руководство из-за границы движением в самой России. Эта задача падала на Русское бюро ЦК РСДРП(б), восстановленное в 1915 году и развернувшее энергичную деятельность в конце 1916 — начале 1917 года. Общее же политическое и тактическое руководство Русским бюро оставалось за Заграничной частью ЦК РСДРП(б). Оно осуществлялось не только через директивные письма, но и через статьи центрального органа большевистской партии, газеты «Социал-демократ», большинство материалов для которой писалось лично Лениным.

Годы швейцарской эмиграции в период первой мировой войны стали для Владимира Ильича временем особенно напряженной и успешной теоретической работы. Он изучает огромный политический и экономический материал, следит за внутренним положением в воюющих странах, за ростом национального движения угнетенных народов. В итоге он делает решающие шаги по дальнейшему развитию марксистской теории революции. Такие книги, как «Империализм, как высшая стадия капитализма», брошюры и статьи «Социализм и война», «Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», содержали важный вывод о возможности прорыва империалистической цепи в ее наиболее слабом звене, о возможности победы социалистической революции в одной или нескольких странах. Много внимания уделял Владимир Ильич работе по созданию нового, III, Коммунистического Интернационала. Особые надежды он возлагал здесь на

молодежное интернациональное движение, центр которого находился в Швейцарии; терпеливо опекал молодых интернационалистов из швейцарских, немецких, французских, итальянских левых юношеских организаций.

Каждый день утром Владимир Ильич выходил из дома и шел в одну из трех больших библиотек Цюриха: в Центральную кантональную библиотеку, где он работал чаще всего, в городскую или Центр социальной литературы. Он работал 5—6 часов без перерыва, затем встречался с Надеждой Константиновной, и они вместе обедали. Потом Ленин отдыхал час-другой дома и снова уходил в библиотеку. Там были прекрасные собрания социальной, экономической и политической литературы. Именно в этих читальных залах Ленин внимательно следил за нарастанием революционного кризиса в России, анализировал содержание французских, немецких, английских, швейцарских газет и тех редких номеров русской прессы, которые доходили до Цюриха. Все это позволяло В. И. Ленину быть не только в курсе основных направлений мировой политики, но и вполне обоснованно говорить о том, что Россия находится «*накануне революции*» (т. 49, с. 399).

Еще в конце 1916 года Владимир Ильич заметил в поведении империалистических держав, прежде всего австро-германской коалиции, явное стремление к попыткам заключения мира, разумеется, на империалистических условиях. Ленин предполагал на основании данных прессы, что перед лицом нараставшего во всем мире революционного кризиса противники могут пойти на сделку. Ленин предвидел возможность заключения сепаратного мира между Германией и Россией с целью предотвращения революции. В статье «Поворот в мировой политике», опубликованной в «Социал-демократе» 31 января 1917 года по новому стилю, Ленин писал по поводу ходивших тогда слухов о возможном заключении тайного сепаратного мира между Германией и царской Россией: «Возможно, что сепаратный мир Германии с Россией все-таки *заключен*. Изменена только *форма* политической сделки между этими двумя разбойниками. Царь мог сказать Вильгельму: «если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не руча-

юсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?» (т. 30, с. 341). Слухи эти, как известно, не оправдались: сепаратный мир заключен не был, но, как безошибочно предчувствовал Ленин близость революции в России, как четко предсказывал, что в результате утраты трона Николаем II к власти придет правительство Милюкова и Гучкова или Милюкова и Керенского!

Чем бы ни занимался Владимир Ильич, над чем бы ни работал, все его мысли были направлены на подготовку надвигавшейся революции в Европе и в России. Анализируя итоги первой русской революции в связи с докладом, который он сделал перед членами социалистического молодежного союза в Цюрихе в январе 1917 года, Ленин отметил выдающееся значение стачки как пролетарского метода борьбы этой буржуазно-демократической революции.

С глубоким вниманием слушали Ленина молодые швейцарцы:

— Юные друзья и товарищи! Сегодня двенадцатая годовщина «Кровавого Воскресенья», которое с полным правом рассматривается, как начало русской революции.

Тысячи рабочих, — и притом не социал-демократических, а верующих, верноподданных людей, стекаются под предводительством священника Гапона со всех частей города к центру столицы, к площади перед Зимним дворцом, чтобы передать царю свою петицию...

Вызываются войска. Уланы и казаки бросаются на толпу с холодным оружием, стреляют в безоружных рабочих, которые на коленях умоляли казаков, чтобы их пропустили к царю. По полицейским донесениям, тогда было более тысячи убито, более двух тысяч ранено. Возмущение рабочих было неопишимо:

Вот самая общая картина 22 января 1905 года — «Кровавого Воскресенья» (т. 30, с. 306).

В большом зале Народного дома Цюриха 22 (9) января 1917 года находилось несколько сот молодых швейцарских немцев, придерживавшихся интернационалистских взглядов на мировую войну.

Владимир Ильич старался донести до них картины величественной массовой революционной борьбы российского пролетариата. Пусть революция 1905 года бы-

ла по своим целям еще буржуазно-демократической: она требовала демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации крупного помещичьего землевладения. Но первая русская революция по средствам борьбы была уже и революцией пролетарской!

— Ни в какой капиталистической стране мира, даже в самых передовых странах вроде Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии, мир не видал такого грандиозного стачечного движения, как в России в 1905 году, — продолжал Ленин. — Общее количество бастующих равнялось 2 миллионам 800 тысячам, в два раза больше общего количества фабричных рабочих! Это, конечно, не доказывает, что городские фабричные рабочие в России были образованнее, или сильнее, или более приспособлены к борьбе, чем их братья в Западной Европе. Верно как раз обратное.

Но это показывает, насколько великой может быть дремлющая энергия пролетариата. Это говорит о том, что в революционную эпоху, — я утверждаю это без всякого преувеличения, на основании самых точных данных русской истории, — пролетариат *может* развить энергию борьбы *во сто раз* большую, чем в обычное спокойное время. Это говорит о том, что человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно! (т. 30, с. 312).

Буквально через месяц события, развернувшиеся в России, докажут с неопровержимой убедительностью правоту ленинских мыслей.

Владимир Ильич считал революцию 1905 года прологом грядущей европейской революции. «Несомненно, — говорил он, — что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступать в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых» (т. 30, с. 327).

В своем выступлении Ленин обращал внимание слушателей также на Советы рабочих депутатов. Еще тогда, в октябре — ноябре 1905 года, когда в Петербурге и Москве, вслед за кратковременным существованием Совета в Иваново-Вознесенске летом, образовались эти органы революционного творчества пролетариев, Владимир Ильич высоко оценил значение Советов. Некоторые большевики предлагали превратить их исключительно в орган РСДРП, изгнав оттуда беспартийных рабочих и социалистов-революционеров. «Совет или партия?» — так ставили они вопрос. Ленин, вернувшись в Петербург 8 ноября 1905 года, поправил их: «...И совет рабочих депутатов и партия» (т. 12, с. 61). Владимир Ильич рассмотрел такую важную особенность Советов как возможность использования их в качестве органов революционной власти, «временных революционных правительств». Но Советы в 1905 году — начале 1906 года просуществовали недолго. Меньшевики, находившиеся в руководстве многих Советов, сковывали их инициативу, не использовали в качестве органов революционной борьбы, центров вооружения рабочих. Как только зыбкое равновесие сил революции и контрреволюции, установившееся в результате победы всероссийской октябрьской стачки, было нарушено в пользу царизма, правительство уничтожило Петербургский Совет рабочих депутатов в начале декабря 1905 года, а через две недели, после разгрома Декабрьского вооруженного восстания в Москве, ликвидировало и Московский Совет. В январе 1906 года прекратили свое существование Советы еще более чем 50 городов. И все же их героическая борьба не пропала даром. Идея об организации Советов в момент вооруженного восстания против царизма пронизывала собой все подготовленные Владимиром Ильичем документы партии большевиков в 1906—1907 годах.

Затем, уже осенью 1915 года, в связи с началом нового революционного кризиса в России вопрос о Советах вновь встал на повестку дня. В связи с победой большевиков на первом этапе выборов рабочих представителей в рабочую группу при Центральном военном-промышленном комитете большевики в Петрограде стали предлагать образовать из выборных Совет рабочих депутатов. Успели даже выпустить листовку. Когда известие об этом достигло Швейцарии, Ленин срочно поправил питерских большевиков. В статье «Несколько тезисов», опубликованной в большевистской газете «Социал-

демократ» 13 октября 1915 года, Владимир Ильич подчеркивал: «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха, могут принести прочную пользу эти учреждения» (т. 27, с. 49).

Теперь, в январе 1917 года, еще раз обращаясь к истории и драгоценному опыту борьбы российского пролетариата в годы первой русской революции, Ленин говорил юным швейцарским интернационалистам:

«В огне борьбы образовалась своеобразная массовая организация: знаменитые *Советы рабочих депутатов*, собрания делегатов от всех фабрик. Эти *Советы рабочих депутатов* в нескольких городах России все более и более начинали играть роль временного революционного правительства, роль органов и руководителей восстаний. Были сделаны попытки организовать Советы солдатских и матросских депутатов и соединить их с Советами рабочих депутатов.

Некоторые города России переживали в те дни период различных местных маленьких «республик», в которых правительственная власть была смещена и Совет рабочих депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти. К сожалению, эти периоды были слишком краткими, «победы» слишком слабыми, слишком изолированными» (т. 30, с. 322).

Тогда же он обратил внимание своих слушателей на исключительную роль Советов рабочих депутатов как органов революционной власти. Советы особенно интересовали Ленина. В январе — феврале 1917 года он начал работать над темой «Марксизм о государстве». В библиотеках Цюриха Ленин с увлечением вновь читал произведения Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Обращение к животворному первоисточнику марксизма вызвало у Владимира Ильича настоящий прилив революционной энергии. «Перечитывал «*Zur Wohnungsfrage*» Энгельса с предисловием 1887 г. Знаете? — писал он Инессе Арманд 30 января (нового стиля) 1917 года. — Прелесть! Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить» (т. 49, с. 378).

Он изучал их оценку революции 1848 года в Европе и особенно Парижской коммуны. Все, что Ленин чи-

тал о работе Коммуны, он сравнивал с тем, что знал об опыте работы многочисленных Советов рабочих депутатов осенью 1905 года в России. Коммуна и Советы — вот чем надо заменить в будущем разбитую старую государственную машину. Они представляют собой новый тип государства. К такому выводу пришел Владимир Ильич еще в середине февраля 1917 года, до начала второй буржуазно-демократической революции и до образования в ходе ее Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. «Можно, пожалуй, кратко, драстически *, — записывал Ленин свой вывод на страницах тетради «Марксизм о государстве», — выразить все дело так: замена старой («готовой») государственной машины и парламентов Советами рабочих депутатов и их доверенными лицами. В этом суть!! А нерабочее население? Кто не работает, тот не должен есть (а не то, что государством управлять)!! (Оппортунисты возражат, как возражал уже Бернштейн в 1899 г., что это «примитивная демократия». На основе социализма «примитивная» демократия будет не примитивной!)» (т. 33, с. 231). Вскоре эти мысли отолюются в чеканные формулировки Апрельских тезисов, в знаменитый большевистский лозунг «Вся власть Советам!».

Но это было еще впереди. Пока необходимо дать революционному движению в России общую теоретическую перспективу, наметить организационные задачи. Успех же движения зависел целиком от сил партии в России, от развития революционной ситуации, от умения партийных работников в столице рассмотреть в той или иной классовой стычке вызревающее начало новой революции.

Ленин с удовлетворением вспоминал, что с лета прошлого года удалось значительно улучшить связи с Петроградом. А ведь что было в июне 1916 года? Жалуюсь, Надежда Константиновна говорила ему тогда:

— Никогда еще не было у нас такой неосведомленности, как сейчас. Как связаться с Петербургским комитетом? Через кого? Как установить связь с Харьковом, Нижним Новгородом, вообще провинцией? Знаешь, иногда просто руки опускаются.

---

* Метко, сильно действующе, характерно. Ред.

— Да, — отвечал Владимир Ильич задумчиво. — Полиция прямо зверствует. Арест за арестом. Русского бюро ЦК сейчас просто не существует. А членов ПК, я думаю, изловили уже человек сорок. И все же руки у нас опускаться не должны, не должны! Только упорство, только настойчивость! В России, несомненно, дело идет к революции. Рабочий класс может и должен дать нам новые десятки и сотни работников для подпольной деятельности. Вспомни, какой слой замечательных сознательных рабочих воспитала «Правда» в России. Этот резерв еще не исчерпан до конца! Надо снова и снова воссоздавать наши организации. После каждого провала, после каждой полицейской «ликвидации». Я думаю послать в Россию Александра.

— Шляпникова?! Но справится ли он? И потом, ваши споры по теоретическим вопросам?

— Это верно, он ошибается подчас вместе с Бухариным, Пятаковым, Женей Бош. Но организатор он хороший. А организовать рабочих — это сейчас в России главное.

И в начале октября, когда «товарищ Александр» (А. Г. Шляпников) возвращается из Америки, куда был командирован по делам партии, в Копенгаген, возникает твердый план отправки его в Россию для воссоздания нового состава Русского бюро ЦК. В своих письмах Шляпникову Ленин предостерегает его от теоретических ошибок. В организационном отношении и пропагандистской работе в России Ленин считал главным издание популярных листовок и прокламаций против царизма. Он предлагал наладить их печатание в Финляндии (которую в конспиративных целях называл в своих письмах «Испанией»), а если это окажется невозможным, то высылать их из Швейцарии и Скандинавии и нелегально провозить через норвежскую и шведскую границы на территорию Финляндии, а оттуда — в Петроград. Ленин давал Русскому бюро ЦК строжайший наказ: строго соблюдать полную самостоятельность политической линии большевиков в России, ни в коем случае не объединяться с меньшевиками, где тон задает руководитель меньшевистской фракции IV Государственной думы меньшевик-«центрист» Н. С. Чхеидзе. Надо вести жестокую борьбу с примиренчеством по отношению к меньшевикам, сплотить руководителей в России только из тех, кто не заражен примиренчеством и объединительными настроениями по отношению к меньшевикам.

«Самое больное место теперь, — продолжал свое письмо Ленин, — слабость связи между нами и руководящими рабочими в России!! Никакой переписки!! Никого, кроме Джемса¹, а теперь и его нет!! Так нельзя. Ни издания листовок, ни транспорта, ни спевки на счет прокламаций, ни посылки их проектов и пр. и пр. *нельзя* поставить без *правильной* конспиративной переписки. В этом гвоздь!

Этого не сделал (тогда не мог, пожалуй) Беленин² в первую поездку. Убедите его, Христа ради, что это обязательно сделать во вторую поездку! Обязательно!! Числом связей измерять надо ближайший успех поездки, ей-ей!! (Конечно, личное влияние Беленина еще важнее, но он *не сможет* остаться надолго нигде, не губя себя и не вредя делу). Числом связей в каждом городе измеряется успех поездки!!

Две трети связи, минимум, в каждом городе с руководящими *рабочими*, т. е. чтобы они *писали* сами, *сами* овладели конспиративной перепиской (не боги горшки обжигают), сами приготовили для себя каждый по 1—2 «наследнику» на случай провала. Не доверять этого интеллигенции, одной. Не доверять. Это могут и должны делать руководящие рабочие. Без этого *нельзя* установить преемственность и цельность работы, а это главное» (т. 49, с. 301—302).

В ноябре 1916 года в Петрограде новое Русское бюро ЦК было воссоздано. «Александр» правом, полученным от ЦК, привлек в него П. А. Залуцкого и В. М. Молотова. Залуцкий представлял линию бюро в Петербургском комитете, Молотову было поручено наладить выпуск нелегальной литературы и организовать подпольную типографию. Русское бюро ЦК в Петрограде быстро создало свой актив из проверенных, хорошо известных и в России, и за границей партийных работников, которые раньше вели партийную работу на весьма заметных постах, но в тот момент имели хорошее легаль-

---

¹ Джемс — партийная кличка Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, сестры В. И. Ленина. В это время она была арестована полицией. Арест, к счастью, оказался кратковременным, и вскоре Анна Ильинична уже оказывала помощь Русскому бюро ЦК в Петрограде. *Авт.*

² Беленин — партийная кличка А. Г. Шляпникова. Ленин в целях конспирации пишет ему о нем же в третьем лице. *Авт.*

ное прикрытие и не вызывали особо пристального внимания полиции. В этот актив вошли А. И. Елизарова-Ульянова, младшая сестра Ленина — Мария Ильинична; инженер и владелец небольшого заводика Г. Б. Красин, в прошлом один из зачинателей социал-демократического движения в России; рабочий Н. Г. Полетаев, бывший депутат III Государственной думы, сейчас работавший служащим на заводе Г. Б. Красина; большевики, участники первой русской революции — Н. И. Подвойский, К. М. Шведчиков, Д. А. Павлов и М. Г. Павлова. Это были помощники Русского бюро в столице. Уже в конце года были налажены связи с Харьковом и Москвой, с городами Поволжья и Донецкого бассейна, с Киевом, Екатеринославом, Ростовом-на-Дону и многими другими городами.

Но главным центром работы большевиков оставался, конечно, Петроград, политический и экономический центр всей страны. Он был и крупнейшим пролетарским центром. К 1 января 1917 года количество рабочих в столице выросло по сравнению с 1913 годом больше чем в полтора раза и достигло почти 400 тысяч человек. Они трудились в основном в металлообрабатывающей промышленности. В Петрограде делали паровозы и вагоны, дредноуты и миноносцы, бронепоезда и броневые автомобили, орудия всех калибров, аэропланы-истребители и первые бомбардировщики («бомбовозы»), а также снаряды, патроны, бомбы, шинели, сапоги, артиллерийские прицелы, винтовки, первые русские автоматы, подковы, гвозди, колючую проволоку, походные кухни, кокарды и звездочки на офицерские погоны. И тысячи других вещей. Главным потребителем этой продукции была армия. Война пожирала и требовала во все большем количестве продукции военной промышленности. Война приносила баснословные прибыли капиталистам. А рабочим — обязательные сверхурочные работы, потогонную систему труда, угрозу отдачи в солдаты и отправки на фронт. И тем не менее рабочее движение начиная с 1915 года все более и более набирало силу.

Питерские рабочие составляли передовой отряд всего рабочего класса страны: на начало января 1917 года — двенадцать процентов от общего числа рабочих России. Вот некоторые цифры и факты, которые помогут воссоздать коллективный портрет питерских пролетариев. Здесь сохранилась значительная часть кадро-

вых рабочих, которые начинали трудиться еще в довоенные годы. Лишь 17 процентов было мобилизовано в армию, и то в первые месяцы войны. Вскоре правительство спохватилось, что дальнейшая мобилизация квалифицированных рабочих подорвет военное производство и оставит армию без оружия и боеприпасов. Итак, 83 процента довоенных рабочих продолжало работать к началу 1917 года на фабриках и заводах Петрограда. Именно они составляли опору большевистской партии, на них в первую очередь воздействовала революционная пропаганда.

Но в ряды рабочего класса столицы влилась и огромная масса новых рабочих. Часть их составляли выходцы из городских низов, беженцы, разорившиеся мелкие буржуа и ремесленники. А часть — совсем чуждые рабочему классу элементы, поступившие на заводы только для того, чтобы укрыться от мобилизации — ведь работа на оборону давала броню, освобождала от призыва в действующую армию. О таких пели в Питере частушку: «Раньше был он дворник, подметал панели! А теперь в заводе — делает шрапнели!» Увеличилась на столичных предприятиях и доля женщин и подростков. Новое пополнение еще не успело проникнуться пролетарскими традициями и сознанием. Оно составило питательную почву для распространения агитации меньшевиков и эсеров всех направлений, вплоть до откровенных оборонцев.

Особенностью питерских рабочих была их высокая грамотность. Если по стране в целом грамотных среди мужчин было 79,2 процента, а среди женщин — 44,2, то среди питерских рабочих-мужчин было 88,9 процента грамотных, а среди женщин — 64,9 процента. Что же касается рабочих-металлистов, а они составляли свыше 60 процентов всех рабочих Петрограда, грамотных было 92 процента мужчин и 70 — женщин. А грамотность — важнейшее условие вовлечения пролетариата в революционную борьбу. Ленин говорил, что неграмотный стоит вне политики. Конечно, уровень этой грамотности был еще невысок. Половина грамотных имела образование всего два класса городских и сельских училищ или церковноприходских школ. Лишь десятая часть питерских рабочих имела образование в размере трех-четырех классов уездных и городских училищ. Но так или иначе, практически все питерские пролетарии умели читать, а следовательно, печатная пропаганда в ви-

де листовок и газет оказывала на них не меньшее воздействие, чем устная.

Питерский пролетариат был плотью от плоти народа. 15 процентов рабочих было уроженцами Тверской губернии. Еще 30 процентов давали выходцы из Петроградской, Псковской, Витебской и Новгородской губерний. Остальную часть представляли уроженцы еще 44 российских губерний и 10 губерний Царства Польского. Несмотря на крестьянское по преимуществу происхождение, свое собственное хозяйство в родной деревне сохраняли только 7 процентов питерских рабочих. Этот показатель рисует нам питерских рабочих как рабочих кадровых, уже превратившихся по своему образу жизни, и, следовательно, в значительной степени и по сознанию, в настоящих пролетариев.

На предприятиях столицы работали рабочие всех возрастов. Но основную массу составляли люди в возрасте 21—59 лет. Война несколько уменьшила количество молодых рабочих. Возрастная группа рабочих 21 года — 40 лет сократилась в своем удельном весе с 52 процентов до 46.

Зато число подростков и малолетних увеличилось с 8 процентов до 10. Наличие рабочих среднего возраста и пожилых, активных участников и свидетелей событий первой русской революции обеспечивало преемственность революционных традиций, передачу опыта революционной борьбы внутри самого рабочего класса. С другой стороны, наличие значительного числа подростков и молодых рабочих придавало рабочему движению большую мобильность и взрывчатую силу. Еще интересный факт: среди мужчин-рабочих в возрасте 21 года — 30 лет 45 процентов были холостыми! Рабочий, не обремененный семьей, меньше боялся потерять свое место, подвергнуться преследованиям, скажем, за участие в забастовке, чем женатый. Это объясняет постоянную готовность питерских рабочих откликнуться на призыв к забастовке. Но холостому было легче прокормиться в условиях растущей дороговизны, падения реальной заработной платы. Семейные рабочие поэтому острее чувствовали продовольственные затруднения, которые стали учащаться с осени 1916 года. Их готовность к борьбе была более осознанной и решительной. К политическим мотивам движения все ощутимее добавлялись и экономические. За февральскими стачками 1916 года последовали еще более мощные — октябрьские. А затем

практически каждый день то в одном районе города, то в другом возникали новые экономические и политические забастовки. Теперь с конца 1916 года пролетарское движение получило четкую перспективу и руководство, нити которого вели прямо в Швейцарию, к Заграничной части ЦК РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным.

Через Финляндию нелегально шла партийная литература и прокламации, напечатанные в Швейцарии и Скандинавии. Часть их задерживалась царскими властями. То в заплечном мешке финского лыжника, то на санках под хворостом, то в корзине прачки находили они тоненькие брошюры, в которых доступным и ясным языком разъяснялось, почему народу не нужна империалистическая война, почему надо бороться против царского правительства и свергнуть его. Но еще большая часть этой литературы, миновав пограничников и контрразведку, проникала через финских социал-демократов и профессиональных контрабандистов на территорию Великого княжества, а затем и в Петроград, где распространялась по заводам, передавалась в казармы запасных частей столичного гарнизона. Н. К. Крупская в одном из писем от 28 ноября 1916 года писала, что, по сведениям из России, там были уже получены № 52—55 центрального органа большевистской партии, издававшегося в Швейцарии, газеты «Социал-демократ». 6 февраля 1917 года она же сообщала большевику В. М. Каспарову: «Письма из России весьма радостные. Вчера еще пришло письмо». Таким образом, все было сделано, чтобы в тяжелейших условиях военной цензуры, чуть не десятка государственных границ, в условиях военного времени наладить более или менее регулярную связь между Россией и Швейцарией, между Заграничной частью и Русским бюро Центрального Комитета РСДРП(б).

Но решающее слово в надвигавшихся событиях принадлежало России, Петрограду. Здесь было сконцентрировано и большое число членов большевистской партии. Историки подсчитали, что в момент выхода партии из подполья после свержения царизма в ее рядах находилось почти 24 тысячи человек. Свыше десятой части их жили и работали в Петрограде. Читатель понимает, что точных подсчетов и списков членов партии не могло тогда быть. Такой список, попади он в руки полиции, был бы для нее желанной уликой против многих людей.

Поэтому подсчеты эти косвенные, основывающиеся на отдельных упоминаниях, на воспоминаниях сотен людей, написанных уже после победы революции. Тем не менее и эти подсчеты отражают действительное положение вещей. Уже осенью 1916 года, в дни, когда возобновилась деятельность Русского бюро ЦК, в петроградской партийной организации было около 3 тысяч членов партии.

Хотя брожение в обществе и подымало «государственную температуру», революции все еще не было, легальная рабочая печать была запрещена, свободы и права граждан практически сведены на нет, законы военного времени грозили каждому, выступавшему против царского строя. С этой точки зрения 3 тысячи членов партии в Петрограде — это немало, тем более что в момент объявления войны, в июле 1914 года, их было всего около 500. Ряды питерских большевиков выросли за годы войны в шесть раз. Действовало 10 городских и пригородных районных комитетов, и еще семь, организованных по национальному признаку (финский, литовский, латышский и т. д.). Свыше сотни предприятий столицы охватывала сеть партийных ячеек. Пусть часто в них было по пять-шесть человек. Но когда начиналась забастовка, именно они входили в число организаторов стачки. К ним прислушивались уже сотни рабочих, их советы и указания выполняли многие добровольные беспартийные помощники. И сила членов партии в критические моменты увеличивалась таким образом во много раз. Но это была тяжелая борьба: после каждой забастовки арестовывались сотни членов партии. Их места занимали заранее намеченные «наследники». Иногда не сразу, через месяц или два. Но и ячейки, и районные комитеты, разгромленные полицией, неизменно восстанавливались.

Центром этой работы был Петербургский комитет РСДРП(б), ПК, как сокращенно называли его члены партии и рабочие. Быть членом ПК тогда значило подвергать свою свободу высшей степени риска. Полиция стремилась обезглавить столичную большевистскую организацию. За время войны охранка провела десять «ликвидаций» ПК, и столько же раз он возрождался вновь. Подсчитано, что из 110 человек, являвшихся хоть на короткое время членами Петербургского комитета с августа 1914 года по 26 февраля 1917 года, полицией было арестовано 69 человек. И каждый из них

был или судим, или подвергнут административной высылке.

Многие бежали из ссылок, пробирались снова в Петроград и включались в новую борьбу...

Иван Дмитриевич Чугурин, член Выборгского районного комитета партии, а с конца 1916 года и член Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б). Родился в Сормове в семье рабочего. В 1902 году участвовал в знаменитой первомайской демонстрации сормовских рабочих. Чугурину тогда 19 лет. Молодой рабочий связывается с нижегородскими марксистами и начинает заниматься в кружке. В 1905 году социал-демократ Чугурин входит в пятерку, руководившую вооруженным восстанием сормовских рабочих. После подавления восстания он заключен на три с половиной года в тюрьму. Там он близко познакомился с Я. М. Свердловым, оказавшим большое влияние на формирование большевистских убеждений Ивана Чугурина. После выхода из тюрьмы Чугурин едет в Киев, устанавливает контакты с местной большевистской организацией. Затем партийная работа в Москве и наконец снова родное Сормово.

Оттуда нижегородские большевики посылают Ивана Дмитриевича за границу, в Париж, к Ленину, учиться. В знаменитой большевистской школе в Лонжюмо под Парижем Чугурин проводит четыре месяца, слушает лекции и часто беседует с Владимиром Ильичем Лениным. Теперь это не только пылкий революционер, баррикадный боец, но и опытный партийный работник, теоретически образованный, умелый организатор, тот самый «руководящий рабочий», тысячи которых страстно желал иметь в партии Ленин. В феврале 1912 года Чугурин возвращается в Россию, полный планов и надежд. Но полиция сумела выследить его. Иван Дмитриевич арестован и сослан в Нарымский край. Каково же было его радостное изумление, когда среди других ссыльных он встретил Якова Михайловича Свердлова! Тот готовился к побегу, и Чугурин со всей страстью и изобретательностью стал помогать ему. Побег удался. Но сам Чугурин надолго застрял в Восточной Сибири. Возможность для побега ему так и не представилась, и он вынужден был отбыть весь пятилетний срок. Только в 1916 году он был освобожден и приезжает в столицу. Иван Дмитриевич поступает жестянщиком на завод «Промет» на Выборгской стороне. Осторожно, но настой-

чиво ищет он связь с большевиками района и вскоре устанавливает ее. В первой же забастовке рабочих «Промета» Чугурин в числе ее организаторов. Администрация увольняет его. 33-летний рабочий переходит на другой завод Выборгского района — Я. М. Айваза. Здесь его избирают в члены Выборгского районного комитета большевистской партии, а затем и в ПК. Мы еще не раз встретимся с Иваном Дмитриевичем на страницах этой книги. Но хочется уже сейчас сказать, что именно ему партия доверила вручить прямо на Финляндском вокзале 3 апреля 1917 года партийный билет № 600 Выборгской районной организации РСДРП(б) Владимиру Ильичу Ленину! Ильич узнал своего бывшего ученика, обнял и расцеловался с ним.

Так же как и Чугурин, проходили свои революционные университеты и другие члены Петербургского комитета. Вместо гимназий и вузов — тюрьмы и ссылки, вместо институтских кафедр и трибуны Государственной думы — конспиративные загородные маевки и жаркие споры на нелегальных квартирах.

Федор Андреевич Лемешев родился в семье петербургского рабочего в 1891 году. Уже с 12 лет он начал работать на ткацких и прядильных фабриках Петербурга. Он был еще слишком молод, чтобы принять активное и сознательное участие в событиях первой русской революции. Но в 1912 году, работая на бумагопрядильной мануфактуре Джемса Бека, вступает в профессиональный союз текстильщиков. Вскоре в нем проявились большие организаторские способности, и Федя Лемешев становится одним из руководителей союза. Царское правительство вело борьбу против профсоюзов и стремилось полностью уничтожить это завоевание революции 1905 года. Особенностью профсоюзов в России было то, что они начали создаваться после образования в нашей стране марксистской партии. Поэтому они шли в фарватере революционной борьбы российского пролетариата, возглавлявшейся большевиками. Лемешев, как и другие, распространяет большевистские листовки и нелегальную литературу не только на своей, но и на других фабриках.

За это он попадает на заметку полиции. В 1914 году переходит на Путиловский завод, в железнодорожный цех, вступает в большевистскую партию. Опыт, полученный в профсоюзе текстильщиков, пригодился в еще большей степени и здесь: скоро Федор уже член Нарв-

ско-Петергофского районного комитета партии. В годы войны он успешно продолжал работать там, организуя забастовки, распространяя по заводам литературу и листовки, воспитывая новых рабочих революционеров и организаторов. Четыре года он успешно избегал арестов. Срок этот был фантастически долгим для человека, занимавшегося нелегальной деятельностью. В конце 1916 года Лемешев кооптируется в состав Петербургского комитета. С новой силой разворачивается его организационный талант. Но резко возрос и риск, и полицейская слежка. 2 января 1917 года во время очередной облавы в руки охраны попадает и Лемешев. Из предварительного заключения его освобождает только Февральская революция.

В ноябре 1916 года на Выборгской стороне появился новый партийный работник. Это была двадцатипятилетняя женщина, которую все называли Евгения Николаевна Егорова, или просто «Женя». Под этим именем она долго работала и после Октябрьской революции, боролась с зиновьевской оппозицией в 1926—1927 годах, возглавляла партийную организацию на ленинградском заводе «Красный треугольник». И мало кто знал, что «Женя» была латышкой и ее настоящее имя было Марта-Элла Лепинь. Ее отец был столяром. С 17 лет Марта включилась в революционную борьбу, вступила в ряды революционных латышских социал-демократов, а потом в большевистскую партию. Она отвечала за транспортировку в Ригу нелегальной литературы и ее хранение. Но полиция напала на след отважной революционерки, и она вынуждена была бежать в Москву. Здесь вместе с русскими и латышскими большевиками она вела работу под именем Эллы Крастынь. 19 августа 1915 года она была арестована в Москве и вскоре выслана в Иркутскую губернию. Но через год ей удалось бежать. Паспорт ей дала Евгения Николаевна Егорова, большевичка, жена видного питерского большевика Н. Г. Козицкого. Так Марта Лепинь — Элла Крастынь стала «Женей Егоровой». В ноябре 1916 года она уже член Выборгского районного комитета большевистской партии. По заданию Русского бюро ЦК РСДРП(б) и ПК она участвовала в создании нелегальной типографии, в которой предполагалось вскоре возобновить издание большевистской газеты «Правда». Добавим, что это ее подпись ответственного организатора Выборгского районного комитета РСДРП(б) стояла под партийным.

билетом № 600, врученным В. И. Ленину на Финляндском вокзале Иваном Чугуриным.

В ПК работало и немало большевиков-интеллигентов. Они представляли собой лучшую часть русской интеллигенции, отличавшуюся не только присущим ей народолюбием, но и нашедшую прямой путь к тому, чтобы помочь простым людям завоевать лучшее будущее.

Владимир Николаевич Залежский был выходцем из дворянской семьи. Студентом он организовал вместе со своими товарищами «Группу рабочих-революционеров Казани». В 1902 году в возрасте 22 лет Залежский вступает в ряды РСДРП. Он ведет партийную работу в Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринославе. С неотвратимостью следуют арест и высылка в Архангельскую губернию. После отбытия ссылки Залежский работал в разных городах. Но в Екатеринославе опять был арестован и на этот раз выслан в Нарымский край. В 1915 году Владимиру Николаевичу удается бежать из ссылки и нелегально обосноваться в Петрограде. Здесь он быстро становится ответственным организатором Выборгского районного комитета партии, а затем и членом ПК. Широкая образованность, марксистские знания и опыт организаторской работы делали Залежского незаменимым автором листовок и прокламаций, лектором на занятиях рабочих организаторов и руководителей. В тяжелейших условиях подполья он старался организовать и сохранить агитационную комиссию ПК. Но в 1916 году охранка выслеживает и арестовывает Залежского. Он предается военному суду. Из тюрьмы Залежский выходит только в момент Февральской революции.

В Петроград предреволюционных дней привели партийные дороги и Кирилл Иванович Шутко. Студент Московского высшего технического училища Шутко принимает активное участие в студенческом движении. В 1902 году девятнадцатилетним юношей вступает в ряды РСДРП. «Товарищ Михаил» — под такой кличкой работал Шутко в Москве с 1904 по 1910 год. Он ведет пропагандистскую работу по поручению Бюро РСДРП Центрально-Промышленной области. В 1910 году Кирилл Шутко выполняет ответственное задание. Областное бюро посылает его в Париж, к Ленину, чтобы установить прямую связь с ЦК. Но царская охранка и ее заграничная агентура особенно тщательно следила за всеми русскими революционерами, появлявшимися

как «туристы» во Франции. И сразу же после возвращения Кирилла схватывает полиция. Последовала ссылка в Вологодскую губернию (а с 1904 по 1910 год Шутко арестовывался полицией три раза!). Шутко и в Вологде продолжает революционную работу, несмотря на свое официальное положение административно высланного. Тогда следует пятый арест и высылка на север, в Усть-Кулом.

В 1914 году Шутко после ссылки приезжает в Петроград и здесь начинает работать как пропагандист, а затем и как член ПК. Полицейские преследования заставляют его срочно уехать из столицы в Москву. Но и там в октябре 1915 года Кирилла Ивановича арестовывают. После полугода тюрьмы его высылают на три года в Иркутскую губернию. И оттуда он бежит. Снова Петроград, где легче затеряться нелегальному. Профессиональный революционер Шутко активно включается в работу ПК, сотрудничает с Русским бюро ЦК РСДРП(б). Он встречает Февральскую революцию одним из самых неутомимых членов Петербургского комитета.

Всего пять биографий членов Петербургского комитета РСДРП(б) кануна Февральской революции. Всего пять. Но они принадлежат к той славной когорте революционеров-большевиков, которая видела смысл своей жизни в борьбе за дело освобождения рабочего класса от ига царизма и капитала. Это они — истинные сыны своей Отчизны, ее сознательные патриоты, не щадившие своих сил во имя светлого будущего России.

Проследим теперь за революционной работой большевиков в Петрограде в конце 1916 — начале 1917 года, когда воссоздание Русского бюро ЦК и укрепление Петербургского комитета дали новый импульс борьбе с самодержавием, против мировой войны. ПК возглавляла Исполнительная комиссия, составленная из выбранных районами или кооптированных самой комиссией членов. Число членов комиссии колебалось от 5—7 до 10—15. Именно члены Исполнительной комиссии чаще всего подвергались арестам. В начале 1917 года в комиссии было всего пять человек: П. А. Залуцкий от Русского бюро ЦК РСДРП(б), технический секретарь ПК А. П. Костина, А. К. Скороходов, И. Д. Чугурин и К. И. Шутко. Скороходов и Шутко были введены вместо

арестованных полицией в декабре 1916 года Н. К. Антипова и В. В. Шмидта. При ПК действовали три коллегии: организаторская, пропагандистско-литературная и техническая группа. В распоряжении ПК было в это время 11 явочных квартир, 7 адресов — «почтовых ящиков», 5 нелегальных типографий. ПК издавал по мере возможности нелегальную газету «Пролетарский голос».

В начале декабря 1916 года полиция разгромила три подпольные типографии и «паспортное бюро» (группу, изготавливавшую фальшивые документы для профессиональных революционеров) ПК. Тогда группа из полутора десятков вооруженных печатников захватила в ночь на 18 декабря 1916 года типографию Альтшуллера и в течение ночи набрала и отпечатала две тысячи экземпляров газеты «Пролетарский голос» № 4. Это был дерзкий налет, совершенный как раз вслед за убийством царского фаворита Григория Распутина, и он нанес существенный удар по престижу столичной полиции. Она удвоила свои усилия по расследованию этого нападения и арестовала членов Исполнительной комиссии ПК Н. К. Антипова (одного из руководителей налета) и В. В. Шмидта. В донесении охранного отделения Шмидт характеризовался как один «из идейных руководителей Петроградского комитета», который «всецело поглощен постановкой революционной работы во всех партийных районах».

Четвертый номер «Пролетарского голоса» — замечательное свидетельство размаха и действенности нелегальной работы большевиков по подготовке рабочих Питера к решительным выступлениям против царского строя, показатель того, как высока была уже в конце 1916 года революционная энергия столичного пролетариата, его готовность как можно скорее ринуться в бой против самодержавия. Материалы газеты отражали мощную волну революционных выступлений питерских пролетариев в октябре — ноябре 1916 года. Было очевидно, отмечала газета в своем обзоре партийной работы, что «дальнейшее продолжение войны и стихийный рост вызванного ею политического и экономического кризиса неизбежно вызовут развитие массовых выступлений пролетариата. Перед организацией стояла задача — умело пользоваться всяким конфликтом, чтобы рассеять шовинистический туман, чтобы внести организованность. Между тем эти массы склонны во многих

местах в начавшейся митинговой кампании и призыве к ней ПК усматривать начало решительной революционной борьбы. Этому много способствовало распространение в массах слухов о революционном взрыве в Москве, вылившемся чуть ли не в вооруженное восстание. В результате вопрос о немедленной активной поддержке «восставшей» Москвы становится основным. С 17-го числа (октября. — В. С.) это движение выливается в стачку, охватившую все крупные заводы Выборгской стороны, несколько заводов Васильевского острова, Петроградской стороны и Московской заставы». 28 октября 1916 года политическая стачка протеста суда над товарищами матросами охватила 120 тысяч рабочих, третью часть всех пролетариев столицы. Бастовало 50 заводов и фабрик, 15 типографий, несколько высших учебных заведений. Капиталисты пригрозили рабочим локаутом. Тогда ПК постановил ответить на локаут новой забастовкой и демонстрациями под лозунгом «Долой локаут!», и уже 31 октября предприниматели вынуждены были отступить. «За период почти непрерывных стачек, митингов с половины октября по ноябрь социал-демократическая организация, — заключала газета, — стояла в самом центре рабочей жизни, откликаясь на все события, давая руководящие лозунги — и в этой работе она усилила свое влияние в массах, выросла и окрепла сама. Пробужденный вновь к политической жизни петроградский рабочий живо откликается на все события дня». В частности, ноябрьско-декабрьская сессия Государственной думы, отличавшаяся резкой критикой царского правительства, смена Штюрмера — все это хоть и не затрагивало рабочих прямо, но способствовало дальнейшему повышению настроений против правительства и царской семьи. Убийство Распутина вызвало одобрение и радостное оживление. Предсказывали скорый конец и самому «Николашке».

Несмотря на серию арестов, проведенных охранкой 9, 10, 18 и 19 декабря 1916 года, ПК продолжал бороться и имел твердое намерение доказать царским властям всю свою живучесть и стойкое желание продолжать борьбу. 22 и 28 декабря состоялись заседания ПК, на которых обсуждались меры по проведению политической забастовки в память 9 января 1905 года и выпуска листовок к этой дате. Полиция имела несколько глубоко законспирированных провокаторов как в районных комитетах, так и в самом ПК. Через них охранка была в

курсе всех приготовлений большевиков. 2 января 1917 года ею была устроена засада в квартире № 6 дома № 31 по Суворовскому проспекту, где должна была произойти сходка членов ПК. В итоге 10 человек было вновь арестовано, в том числе Ф. А. Лемешев, А. Я. Тихонов (один из организаторов печатания четвертого номера «Пролетарского голоса»). Было взято много нелегальных изданий, прокламаций, газет и документов. Начальник петроградской охраны генерал-майор Глобачев хвастливо заявлял, что ПК «не только не успел сделать своих последних распоряжений по поводу 9 января, но и сам в полном составе оказался арестованным».

Заявление это не соответствовало действительности. И после 9 января тот же Глобачев вынужден был подписать ведомость промышленных предприятий, бастовавших 9 января. Бастовало 114 заводов и фабрик, 144 498 человек. Успех политической стачки 9 января 1917 года превзошел размеры октябрьских стачек и показывал, что петроградский пролетариат находится в состоянии боевой готовности перед последней схваткой с самодержавием. Полиция же была явно напугана боевым настроением рабочего класса. 9 января начальник столичной охраны сообщал в департамент полиции, что конец 1916 года «пробудил среди социал-демократов большевиков мысль о необходимости создавать боевые организации, вооружаться и все выступления сопровождать активными действиями».

Под руководством Русского бюро ЦК РСДРП(б) петроградские большевики стали обсуждать вопрос о возможности подготовки всеобщей политической стачки в городе. А деятели самого Русского бюро и их доверенные лица предприняли в декабре 1916 — январе 1917 года объезд многих промышленных центров страны для того, чтобы установить связь с местными большевистскими организациями и выяснить возможности поддержки петроградской стачки на местах. В итоге 11 февраля 1917 года Шляпников писал Владимиру Ильичу в Цюрих, что «всероссийская организация в настоящее время есть только у нас». Готовя в скором будущем всеобщую стачку, предпринимая необходимые меры по вооружению пролетариата в доступных размерах, большевики пока главную свою задачу видели в том, чтобы не допустить преждевременных, разрозненных, неподготовленных выступлений. В одной из январских листовок ПК обращался к рабочим и партийным

работникам с таким призывом: «Мы не должны вызывать себя на единичные выступления ради экономии сил. Будем укреплять свои старые и создавать новые ячейки. Товарищи рабочие, заводите у себя на фабриках и заводах кружки, входите в тесную связь с коллегами пропагандистов, заводскими и районными комитетами вплоть до Центра. Готовьтесь к общему выступлению. Время не ждет, события нарождаются с невероятной быстротой и властно требуют от нас общности действий, соединения силы и общности тактики. Организуйтесь же, товарищи, укрепляйте свои партийные организации. Готовьтесь к всеобщей стачке».

Заметным явлением в январе 1917 года стали стачки на Сестрорецком и Ижорских заводах. Всего же из 31 дня января без стачек в Петрограде и его окрестностях прошло только 11 дней. Рабочий завода Эриксона И. И. Мильчик вспоминал позднее о начале одной из февральских забастовок так: «В это утро работа на ум не идет. Распад государственного механизма, распад жизни подходит до какого-то предела, вызывая острое сознание: так дальше жить нельзя. Личное, индивидуальное преобразовалось в отчетливое сознание общности и неотделимости от тех, с кем изо дня в день работаешь бок о бок, рука об руку, в безоглядную готовность к бою за себя, за класс. Люди поминутно бросают станки, сходятся в кучки у станков и верстаков передовых рабочих. Трансмиссии работают попусту: станки вертятся на холостых шкивах... Наступает один из тех моментов, когда подлинная масса без побуждений, сама выходит из пассивного состояния и толкает передовиков к руководству».

Противоборство между революционными социал-демократами большевиками и царскими властями, которое все сильнее ощущалось в Петрограде с октября 1916 года, двигалось к своей кульминационной точке. Предпоследней ступенькой к этому высшему моменту стали события 10—14 февраля 1917 года. 14 февраля должна была открыться сессия Государственной думы, и власти, напуганные широким общественным резонансом, который имели обличительные речи буржуазных лидеров на ноябрьской сессии Думы прошлого года, опасались нового взрыва возмущения. Но на этот раз их опасения увеличивались сведениями о желании социал-демократов использовать момент открытия Думы для своих демонстраций.

Как известно, революционно-демократический лагерь перед Февральской буржуазно-демократической революцией не был един, в нем были представлены партии и организации с различными политическими платформами. Одни из них хоть и широко объявляли себя «революционными» и даже «социалистическими», по строго классовой марксистской характеристике были на самом деле партиями мелкой буржуазии. Прежде всего это меньшевики, сохранившие за собой прежнее название партии — РСДРП. Меньшевики как течение появились в партии еще на II съезде, в 1903 году. К 1905 году это было уже вполне оформившееся оппортунистическое течение в российской социал-демократии, не признававшее за пролетариатом руководящей роли в предстоящей буржуазно-демократической революции. Они считали, что в такой революции роль «гегемона», руководителя, должна принадлежать российской буржуазии (ведь революция-то предстояла «буржуазная»!). Поэтому рабочему классу меньшевики отводили только роль пособника буржуазии, выполняющего для нее «черную работу» уличной борьбы, плодами же победы, правом организации власти пролетариат, по их взглядам, воспользоваться никак не мог, ибо это нарушало «исторические законы», то есть опыт западноевропейских революций XVIII и XIX веков. Они не хотели видеть, что с тех пор капитализм вступил в новую, империалистическую фазу своего развития, что международный пролетариат стоит уже на пороге революции социалистической, а в России сформировался передовой рабочий класс, который может при наличии революционной партии сам возглавить демократическую борьбу всего народа.

Хотя большевики весной 1906 года на IV съезде РСДРП формально объединились с меньшевиками, уже через месяц-два борьба между двумя течениями возобновилась. V съезд РСДРП ознаменовался значительной победой большевиков. Отношения между двумя фракциями закономерно ухудшались, поскольку в основе раскола лежали первостепенные идеологические и теоретические разногласия о задачах пролетариата в революции, разные взгляды на вооруженную борьбу, парламентаризм и задачи формирования новой власти после свержения самодержавия. Ко всем этим прежним разногласиям прибавились в 1914—1916 годах и разногласия по поводу отношения к мировой войне. Только большевики среди российских социал-демократов заняли

здесь самую принципиальную и непримиримую позицию. Они считали войну империалистической, захватнической и несправедливой со стороны обоих борющихся лагерей и поэтому выдвинули лозунг поражения своего правительства в войне, считая, что это облегчит свержение царского правительства в России.

Меньшевики по отношению к войне представляли довольно-таки пеструю картину. Среди них были и интернационалисты, осуждавшие войну, и центристы, тоже осуждавшие войну, но отрицавшие борьбу за революционный выход из мировой бойни. Были, наконец, и меньшевики-оборонцы, считавшие, что долг их как русских граждан защищать отечество против германского нашествия, несмотря на то, что самодержавие еще не свергнуто, а у власти находится царское правительство. К большому огорчению В. И. Ленина и всех большевиков, на позиции оборончества перешел сразу же и основатель российской социал-демократии Г. В. Плеханов, живший в эмиграции, во Франции.

В России меньшевики, не являвшиеся «пораженцами» и поэтому не навлекавшие на себя такую ярость властей и царской охраны, сумели сохранить много легальных центров. Если большевистская фракция IV Государственной думы была арестована, передана суду и сослана в Сибирь, то меньшевики сохранили свою фракцию в Думе, возглавлявшуюся Чхеидзе. И он, и второй оратор фракции М. И. Скобелев принадлежали к меньшевикам-центристам. Примерно ту же линию занимал и меньшевистский центр, который они в отличие от большевиков называли не центральным, а организационным комитетом (сокращенно ОК). Часть членов ОК находилась в эмиграции, а часть — на нелегальном положении в России. Большинство интернационалистов жило в эмиграции. Их лидером был известный меньшевик Лев Мартов (Ю. О. Цедербаум). В России же большинство интернационалистов группировались в столице и образовывали промежуточную между большевиками и меньшевиками группу «Межрайонный комитет». «Межрайонцы» были против организационного разрыва с меньшевиками, осуществленного в 1912 году на Пражской конференции РСДРП(б). Они относились к меньшевикам примиренчески, но по вопросу о войне они поддерживали большевистские позиции. Их небольшая организация в несколько сот человек вела в Петрограде самостоятельную работу, выпускала листовки.

Осенью 1915 года организовались при благосклонном отношении к ним царских властей и меньшевики-оборонцы. Именно они прошли в качестве членов Рабочей группы при Центральном Военно-промышленном комитете во втором туре выборов, когда большевики призвали революционно настроенных рабочих бойкотировать выборы. Группа состояла из 11 членов, в числе которых был, как оказалось, и внедренный охранкой провокатор Абросимов. Меньшевики-оборонцы, которых возглавлял председатель Рабочей группы Кузьма Гвоздев, работавший на телефонном заводе Эриксона на Выборгской стороне, создали свои ячейки на этом заводе и еще на нескольких десятках петроградских предприятий, а также в тех городах, где правительство разрешило создание военно-промышленных комитетов и рабочих групп при них. Оборонцы плелись в хвосте у буржуазной части ЦВПК и других комитетов. В политической области они поддерживали оппозиционную борьбу буржуазных лидеров Прогрессивного блока IV Государственной думы. Этому были посвящены их воззвания, которые в конце 1915 года и на протяжении большей части 1916-го распространялись среди рабочих легально, с разрешения царских властей. Меньшевики-оборонцы являлись открытой агентурой буржуазии в рабочем движении. Их деятельность имела целью поставить это движение под политический контроль буржуазных партий кадетов и прогрессистов. Кузьма Гвоздев, по сути, превратился в пособника Гучкова, Терещенко и Коновалова.

В Петрограде действовала и немногочисленная (около 500 человек) группа эсеров-интернационалистов, выступавших против войны. Были среди эсеров и свои центристы, и свои оборонцы. Правонароднические группы были представлены «народными социалистами», состоявшими главным образом из живших легально журналистов и публицистов, и Трудовой группой IV Государственной думы во главе с Керенским. Керенский фактически был эсером и по заданию своей партии осуществлял руководство Трудовой группой Думы, чтобы держать ее под своим контролем. Взгляды самого Керенского были весьма эклектичны и изменчивы. В начале войны он центрист, а с 1916 года, когда в рамках масонского «Верховного совета народов России» он начал активно сотрудничать с радикальными буржуазными политиками, сторонниками войны в союзе с Англией и Францией, Керенский сам превратился в оборонца. Как

и Некрасов, Коновалов и Терещенко, он выступал против самодержавия, но лишь для того, чтобы лучше и успешнее вести войну с Германией, Австрией и Турцией.

Помимо меньшевиков и эсеров, были в Петрограде и ряде других городов анархисты, социал-демократы, не входившие ни в одну из фракций или организаций, журналисты и писатели, считавшие себя «социалистами», но избегавшие принадлежности к тем или иным партийным организациям. Только большевики имели настоящую и крепкую партийную организацию, причем организацию всероссийского характера. Только их силы были наилучшим образом организованы, объединены и являлись наиболее грозным и опасным противником для царских властей и охраны. Поэтому они были главным объектом полицейских репрессий. В период приближения революционного кризиса, революционной ситуации повысилась активность всех политических сил. Среди них развернулась борьба за влияние на массы, прежде всего на рабочих столицы.

В событиях конца 1916 года и начала 1917 года уже ясно видна была эта межпартийная конкуренция и борьба, которая с невиданной для России силой развернулась потом, с марта 1917 года, в легальных условиях после свержения царизма. Рост возмущения рабочих продолжением войны и антинародной политикой царского правительства был так велик, что даже меньшевики-оборонцы из Рабочей группы Центрального Военно-промышленного комитета в декабре 1916 года выпустили и распространили по многим городам прокламацию, в которой резко критиковали царские власти и призывали... к поддержке Государственной думы! Она, по мнению гвоздевцев, призвана была создать из своей среды буржуазное Временное правительство. А рабочие должны были поддержать Думу забастовками и уличными демонстрациями. Сам Гвоздев был против принятия такой прокламации, но большинство группы, увлеченное провокатором Абросимовым, проголосовало за ее текст.

Этот и некоторые другие аналогичные шаги Рабочей группы дали министру внутренних дел Протопопову желанный повод для репрессий против нее. Ведь для царского правительства любая форма организации рабочих, даже такая, которая находилась под полным контролем буржуазии, представлялась опасной. 28 января 1917 года девять членов Рабочей группы были аресто-

ваны охранкой. Абросимов и еще один член группы временно оставались на свободе. Однако вскоре, как и первые девять человек, они были заключены в тюрьму «Кресты». Им предъявлялось обвинение в заговоре с целью провозглашения «социал-демократической республики». Эта странная формулировка дала повод А. И. Коновалову упрекать Протопопова и все правительство с трибуны Государственной думы в элементарном невежестве в социальных вопросах. Но факт остается фактом: правительство в своем остервенении бросалось на всех. И тем только увеличивало общую озлобленность и свою изоляцию.

Одно из последних воззваний Рабочей группы при ЦВПК в январе 1917 года призывало, между прочим, питейских пролетариев устроить демонстративное шествие в поддержку IV Государственной думы в день открытия ее новой сессии, 14 февраля. Такая «инициатива» напугала как царские власти, так и самих буржуазных лидеров, опасавшихся, что под предлогом недопущения беспорядков царское правительство разгонит Думу или объявит о переносе ее открытия.

8 февраля 1917 года в здании петроградского градоначальства на углу Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта, совсем рядом с началом Невского, с Дворцовой площадью и Адмиралтейством, собралось важное заседание. Его открыл градоначальник генерал-майор А. П. Балк.

— Господа! — сказал он. — В столице ходят слухи о подготовке в Петрограде крупных забастовок и выступлений рабочих у здания Государственной думы в ближайшие дни. Мне представляется необходимым выработать меры к недопущению этих предполагаемых беспорядков. Я предлагаю заслушать господина начальника охранного отделения об имеющихся по этому вопросу агентурных сведениях. Пожалуйста, ваше превосходительство!

— Слушаюсь, — ответил генерал-майор Глобачев и встал. — Господа, еще в январе месяце рабочие комитеты организовали агитацию с целью склонить рабочих к революционным выступлениям. Целью этих выступлений является прекращение войны в соответствии с резолюцией Циммервальдского съезда и смена существующего правительства. Среди руководителей рабочих явилась мысль устроить 14 февраля демонстративное шествие к Таврическому дворцу. Социал-демократы больше-

вики против этого шествия. Но от идеи выступления не отказались и они. Только они намереваются приурочить его к годовщине суда над депутатами их фракции в Думе. Позволю себе напомнить присутствующим, что сия годовщина приходится на 10 февраля. Социал-демократы меньшевики предложили тогда перенести выступление на 13-е. Словом, целый ряд дней с 10 по 14 февраля может быть использован социалистическими и рабочими организациями для устройства уличных беспорядков.

Среди разных слухов, — обратился Глобачев к Балку, — есть и такой: рабочие готовят ручные гранаты и будут их бросать в полицию. Да-с. Но агентурное «освещение» по этому поводу пока не дает чего-либо определенного. И срока пока точного мы не знаем. Известно только, что на многих заводах проходят митинги с требованием шествия. Во всяком случае, с определенностью могу заявить, господа, что в указанные дни можно ожидать забастовки рабочих.

— Благодарю вас, господин генерал-майор, — сказал Балк. — Но думаю, что слухи о выступлениях рабочих могут быть и преувеличены. Однако полиция должна при содействии кавалерийских частей, предоставленных командующим округом, принять энергичные меры к недопущению беспорядков.

Балк предлагал принять меры и на случай возникновения забастовок, и на случай организации шествия у Таврического дворца. Малейшие «подозрительные группировки» на улицах должны были незамедлительно рассеиваться, а более значительные группы разгоняться кавалерией. Затем были распределены жандармские кавалерийские и казацкие части по районам города как на дни 10—13 февраля, так и особо на день 14 февраля. В частности, в этот день усиливалось наблюдение на мостах и переездах через Неву, чтобы не допустить перехода бастующих с правого берега в центральные районы города. Особое внимание уделялось Николаевскому, Троицкому, Дворцовому, Александровскому (Литейному) и Охтинскому мостам и семи переходам по льду через Неву от Балтийского завода до Малой Охты. На всех этих пунктах по правую сторону реки должны были быть выставлены усиленные полицейские посты, на помощь которым немедленно вызывались кавалерийские части. С левого берега на тех же местах для наблюдения такжеставлялись полицейские посты.

14 февраля полицмейстер III отделения в случае получения известий о движении рабочих к Государственной думе должен был выставить заставы на Воскресенском проспекте, Кирочной и Кавалергардской улицах и Смольной набережной. Необходимо было следить, чтобы в течение всего дня не вывешивались и не разбрасывались прокламации. Замеченных в этом надлежало немедленно задерживать. В случае невозможности прекратить беспорядки силами полиции и назначенных для содействия кавалерийских частей полиция должна была безотлагательно докладывать градоначальнику для дальнейших распоряжений. Столь подробный план, приведенный скрупулезно в исполнение в указанные дни, оказался 10—14 февраля бьющим мимо цели. Но он стал своеобразной репетицией действий полиции и войск в первые дни Февральской революции.

Между тем большевики перед 10 февраля 1917 года выпустили листовку с призывом ознаменовать этот день стачкой. Листовка разоблачала не только империалистическую войну, царское правительство, но и буржуазных либералов из IV Государственной думы. Ударяла она и по меньшевикам-оборонцам, поддерживавшим маклерство буржуазных либералов. «И находятся некоторые, ослепленные военным ураганом, шовинистически настроенные группы рабочих, которые несут вождедения думских либералов в рабочую среду, — говорилось в листовке. — Теперь ко дню предполагаемого созыва Государственной думы, 14 февраля, в рабочей среде ходят самые прихотливые слухи о намерениях Государственной думы. Нетрудно разглядеть, что ничего нового Государственная дума делать не собирается, но еще раз не прочь думские либералы помахать кулаками за спиной поднявших голову рабочих. На заводах прозвучал призыв — поддержать и даже толкнуть Государственную думу на решительный шаг предъявлением рабочих требований у дверей Таврического дворца. Призыв не только бесполезный, но и предательский: хождение народа к дворцам царей и правящих классов дорого стоит тем легковверным, которые надеялись что-либо получить от обитателей этих дворцов. Либералы и либеральные рабочие политики, когда у них не хватает пороку, охотно рядятся перед народом в решительных борцов за народное дело. Но они скрывают свои действительные намерения! Товарищи! Они прибегают к нашей помощи, чтобы вы им дали возможность более полно отдать страну

на дальнейший военный разбой, на бесконечное ведение войны «до конца». Прямо об этом они нам не говорят, но это их заветные мечты».

Сегодня, когда давно открыты все архивы тех дней и несколько поколений историков изучили в деталях документы всех трех лагерей — царского, буржуазно-либерального и революционно-демократического, нельзя не поразиться точности этих характеристик, верности изображения подлинных замыслов буржуазных либералов и их помощников из меньшевиков-оборонцев. Действительно, они хотели показать царскому правительству, что рабочий класс поддерживает их программу создания «правительства доверия страны» или «ответственного министерства», добиться уступок от царского правительства, захватить власть и заставить народ приносить еще большие жертвы в войне за чуждые ему интересы.

Большевики призывали не верить либералам, которые тайно делят между собою будущие министерские кресла и кричат решительные слова об устранении существующей власти. Они предупреждали, что нельзя верить меньшевикам, зовущим помочь буржуазии создать «временное правительство, опирающееся на организуемый народ». Только революция может уничтожить царское самодержавие. Надо бороться против царского правительства, за демократическую республику, которая даст власть не в руки либералов, а в руки самого народа, надо бороться за создание Временного революционного правительства рабочих и крестьянской бедноты. Листовка кончалась призывами:

— Долой царскую монархию! Война — войне! Да здравствует Временное революционное правительство! Да здравствует всенародное Учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международный социализм!

Призывы большевиков встречали сочувственное отношение со стороны рабочих. Но день 10 февраля оказался неудачным для забастовки. Он совпал с одним из многочисленных тогда религиозных праздников. Это была пятница масленой недели, и работы на предприятиях заканчивались к обеду. Поэтому большинство рабочих не хотели портить праздник, да и забастовка на полдня как-то утрачивала свой грозный смысл. Поэтому, хотя на ряде предприятий и состоялись короткие митинги в память двухлетней годовщины суда над большевистскими депутатами, общей забастовки и тем

более демонстрации не получилось. Забастовало по экономическим причинам лишь около 400 рабочих двух небольших заводов. Но оказались бьющими мимо цели и грандиозные приготовления полиции.

ПК решил перенести забастовку и демонстрацию на 14 февраля 1917 года. Партия призывала рабочих в новой листовке идти не к Таврическому дворцу, чтобы выразить доверие Думе, как хотели меньшевики, а на Невский проспект, в центр города, чтобы выразить свой протест против продолжения войны.

Новый призыв встретил более дружный отклик в рядах питерских пролетариев. События начались уже в понедельник, 13 февраля. За Московской заставой забастовало около двух тысяч рабочих нескольких расположенных рядом заводов. Они вышли на улицы. Полицейские пытались их разгонять. Рабочие же стали бросать в них куски сколотого льда, палки, бутылки. Опасаясь, что у рабочих есть ручные гранаты, полицейские действовали с опаской. 14-го события приняли гораздо более широкий размах. Забастовало 52 предприятия. В стачке приняло участие свыше 84 тысяч человек. В трех местах состоялись антивоенные демонстрации. Часть рабочих сумела просочиться на Невский и после 16 часов приняла участие вместе со студентами и курсистками в многочисленных демонстрациях. Весь Невский был взбудоражен. То тут, то там внезапно возникали скопления народа. Взывался красный флаг, раздавались звуки «Варшавянки» или «Марсельезы». Полиция кидалась на эту толпу и пыталась ее рассеять. Свистели нагайки, полицейские хватали сопротивляющихся. Всего было арестовано 27 человек. Но это были лишь подступы к тем событиям, которые развернутся позже.

Что же касается Государственной думы, то замысел меньшевиков устроить демонстрацию в ее поддержку, надо сказать, провалился с треском. В окрестностях Думы собралась лишь толпа около 500 человек. И то в основном любопытствующие интеллигенты и обыватели, а не рабочие. Они были быстро разогнаны полицией. Усиленные ее наряды, казачьи сотни, спрятанные в подворотнях многих домов, устроили депутатов Государственной думы, собиравшихся на ее открытие. Это было дополнительным доводом в пользу принятия решения бюро Прогрессивного блока: не давать бой царскому правительству в день открытия Думы, выж-

дать до 15 февраля, чтобы не дать правительству повода для немедленного перерыва в работе или для общего роспуска Думы. День 14 февраля ознаменовался еще одним событием в общественной жизни столицы. Газеты напечатали в своих утренних выпусках рядом два документа. Первый — обращение к рабочим главнокомандующего Петроградского округа генерала С. С. Хабалова. Он требовал от рабочих не выходить на демонстрации 14 февраля, угрожал, что Петроград находится на военном положении и что всякое неповиновение властям будет караться по законам военного времени. Второй документ — обращение к рабочим лидера кадетской фракции Государственной думы, председателя бюро Прогрессивного блока Милюкова. Кадетский вождь умолял рабочих не прекращать работы в день открытия Думы, чтобы не создавать для нее дополнительных трудностей. Он клялся, что Дума и так все сделает, чтобы обеспечить интересы простого народа. В конце же обращения Милюков пустил в ход фальшивку, намекнув, что демонстрации 14 февраля выгодны только врагу и, всего вероятнее, готовятся на немецкие деньги.

Так трогательно объединились представитель царской власти и лидер буржуазной оппозиции этой власти. Они объединились против общего врага — рабочего класса, грозившего как самодержавию, так и рвущейся к власти буржуазии. Милюков не удержался и от грязных обвинений в адрес социал-демократов в пособничестве врагу, намекая на расчеты немецких агентов. Но истинные пособники были не далеко, в Берлине, а совсем рядом, в Петрограде, в его собственной фракции, в Государственной думе и ЦВПК. «Пристегнуть» рабочее движение к либерально-буржуазной оппозиции было давней мечтой лидеров русской буржуазии. Эта идея высказывалась и в 1914 году, еще до начала войны. Эта же идея руководила ими при создании рабочих групп при военно-промышленных комитетах. Весной 1916 года Некрасов и Коновалов на городских съездах высказывались даже за создание Совета рабочих депутатов, который вместе с другими «общественными организациями и союзами» помогал бы буржуазии вырвать власть из рук царского правительства. Они же подталкивали Рабочую группу при ЦВПК на устройство рабочей демонстрации в поддержку Думы. Замысел Коновалова состоял в том, чтобы столкнуть Думу с правительством, заставить ее нарушить закон и тем

спровоцировать на призыв к борьбе с правительством. Он даже предлагал свою подмосковную дачу в качестве места для нелегальных заседаний Думы, в случае если она объявит себя «временным правительством». Члены Рабочей группы заплатились за это тюрьмой. Коновалов же остался на свободе и после открытия Думы «защищал» меньшевиков и проливал крокодиловы слезы сочувствия. Вот откуда шла меньшевистская затея с шествием к Думе в день 14 февраля!

Милюков, враждебно относившийся к масонской организации и не входивший в нее, нюхом опытного политика чувствовал интригу, но не мог тогда догадаться, откуда она исходит. Но большевики сорвали замыслы меньшевиков, плясавших под дудку буржуазных либералов. Рабочие не пошли к Государственной думе. А забастовки и демонстрации 14 февраля ударили как по престижу буржуазной оппозиции, так и по властям, которые не сумели предотвратить их начало. Несмотря на то что по своему размаху забастовки 14 февраля уступали стачке протеста 9 января 1917 года, они по своему революционизирующему влиянию на питерских рабочих имели не меньшее значение. События растянулись на целых пять дней. Власти нервничали и обнаружили свой замысел расправиться с народным движением. Однако забастовки и демонстрации все равно состоялись.

Значительный успех, достигнутый в ходе событий 10—14 февраля, окрылил большевиков в Петрограде. Русское бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургский комитет, подводя итоги этих событий, признали, что в Петрограде налицо революционный подъем, который ставит на очередь вопрос об организации всеобщей политической стачки при благоприятных условиях. Нужно было организационно и политически закрепить этот успех, наметить новые рубежи борьбы в сознании рабочих. Этой цели служила новая листовка ПК, самая боевая по духу из всех изданных накануне Февральской революции. В начале ее оценивалось значение событий 14 февраля:

«Товарищи! Сознайтесь друг перед другом, что многие из вас с любопытством ждали 14 февраля. Сознайтесь также и скажите: чем вы располагали, какие у вас были собраны силы, какие были желания, ясные и решительные, чтобы день 14 февраля принес вам то, чего жаждет весь рабочий класс, чего ждет весь страдав-

В. И. Ленин. Декабрь 1916 года.

Большевики, активные участники Февральской революции в Петрограде.

Арестованные большевики — депутаты IV Государственной думы (слева направо):

Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадаев,
Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов.

Рабочие Петрограда.

ПУТИЛОВСКИЙ ЗАВОДЪ

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ дополненіе къ объявленію номеръ отъ 22-го сего Февраля
сообщаемъ, что конду заведенія Завода подлежатъ къ расчету
работы всѣхъ мастеровъ, за исключеніемъ:

Железнодорожного цеха

Заводскаго Депо,

Испытательной станціи

Смотрового и сторожевого цеха,

Магазина Завода и

Центральной Электрической станціи.

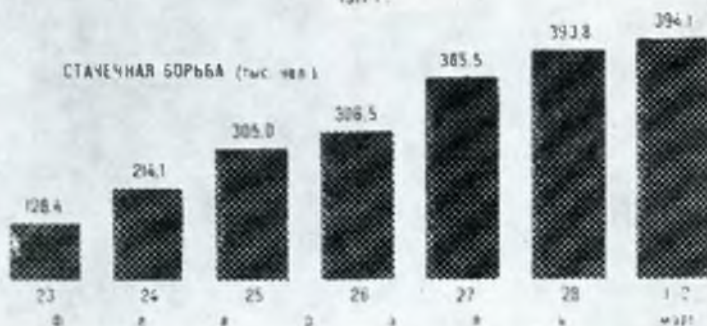
О днѣ выдачи расчета будетъ объявлено дополнительно

Директоръ Завода

Генералъ-Майоръ Руденко

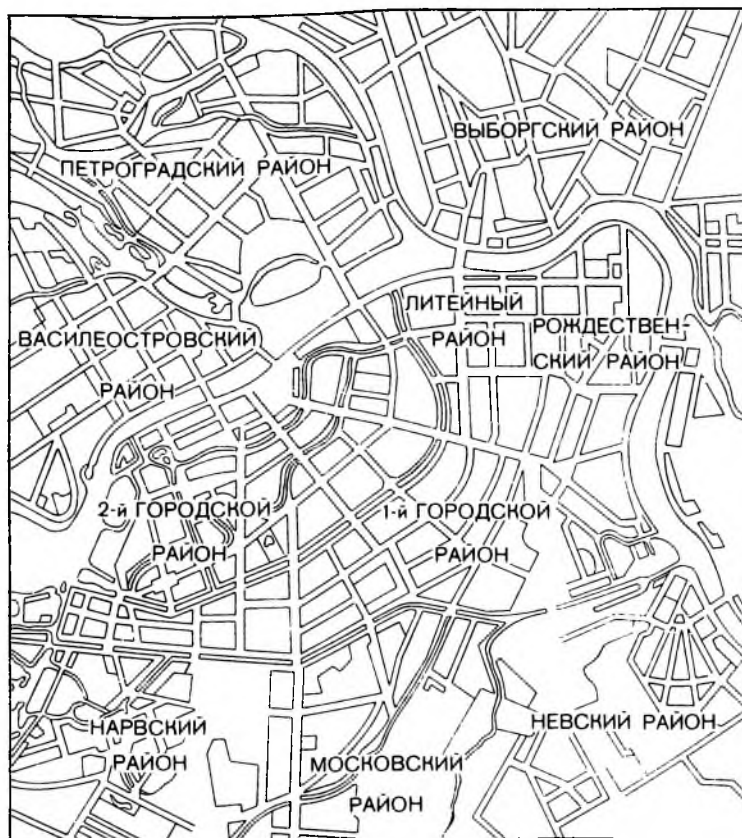
РЕВОЛЮЦИЯ В ПЕТРОГРАДЕ 23-27 ФЕВРАЛЯ 1917 г.

СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА (тыс. чел.)

ПЕРЕХОД СОЛДАТ НА СТОРОНУ ВОССТАВШИХ (тыс. чел.)

Карта Петрограда в начале 1917 года.

Народный гнев обрушился на городскую полицию (сожженный полицейский участок на углу Гороховой улицы и Загородного проспекта).

Революция начинается!

Разгромленная тюрьма «Кресты».

Сгоревший полицейский архи.

Старший унтер-офицер
Тимофей Кирпичников —
один из инициаторов
восстания в запасном
батальоне гвардии
Волынского полка.

Новые листовки!

Горят символы царской власти.

Первая баррикада
на петербургских улицах.

Солдаты-волинцы.

Долой Николая Кровавого!

У Таврического дворца.

Репродукция картины Б. М. Кустодиева «27 февраля 1917 года».

Солдаты в Таврическом дворце

Солдатский патруль проверяет документы при подъезде к Таврическому дворцу.

шийся, голодный народ России? Достаточно ли было туманных речей, какие раздавались в защиту выступления у Таврического дворца в день открытия Государственной думы? Неужели есть еще из нас кто-нибудь, думающий, что можно добыть свободу, обивая пороги дворцов? Нет! Дорогою ценою платили рабочие за свое просвещение, и было бы непоправимой, позорной ошибкой забыть дорого добытую науку. А ведь так хотелось царскому правительству, чтобы петербургские рабочие были так же слепы и доверчивы, как двенадцать лет тому назад. Ведь какое угощение заготовили царские министры доверчивым! В каждом переулке по пулемету, по сотне городских, привезли для этого дня диких, темных людей, готовых по первому слову броситься на нас. Буржуазные либералы, к поддержке которых звали рабочий класс некоторые сбитые с толку рабочие, как в рот воды набрали, притаились, не зная, что с Государственной думой будут делать петербургские рабочие, а когда у Таврического дворца никого не оказалось, в Думе и в газетах либералы зашептали: конечно, рабочие Петербурга и не могли нам сделать что-нибудь неприятное, так как рабочие заодно с нами, они хотят вести войну до конца. Да, товарищи! Мы хотим вести войну до конца, и мы должны ее кончить нашей победой! Но не ту войну, какая уже третий год разоряет и терзает народы».

На сотнях питерских заводов и фабрик читали эту листовку, передавали из рук в руки. Многие рабочие стали более четко видеть цели всех борющихся политических сил. Большевики звали массы к продолжению борьбы. В листовке ясно говорилось, что первым условием действительного мира должно быть свержение царского правительства и учреждение Временного революционного правительства для провозглашения демократической республики, восьмичасового рабочего дня и передачи всех помещичьих земель крестьянству. На политику правительства, собирающего «надежные полки» и снабжающего полицию пулеметами, рабочий класс должен ответить мобилизацией всех своих сил. «Настало время открытой борьбы! — провозглашала эта листовка. — Пусть каждый исторический рабочий день будет знаменем выступлений. Суд над депутатами, ленские дни, 1 Мая, июльские расстрелы, октябрьские дни, 9 января и т. д. служат началом массовых выступлений...»

Это была программа борьбы, рассчитанная на целый

год, но каждое из намеченных выступлений могло стать началом революции. Ближайшими из них были годовщины Ленского расстрела 4 апреля (на пасху) и 1 Мая. После издания этой листовки вспомнили еще одну годовщину — 23 февраля (8 марта) — Международный день работниц. Большевики решили призвать работниц бастовать и в этот день.

Обстановка по-прежнему характеризовалась подъемом боевого настроения. Большая стачка охватила весь Ижорский завод, администрация объявила локаут. Десятки тысяч рабочих бастовали ежедневно и в самом Петрограде. 18 февраля началась забастовка в одной из мастерских Путиловского завода, которая грозила вскоре перерасти в общезаводскую. 18—20 февраля Петроград перенес лихорадку очередей в хлебных лавках. Из-за снежных заносов не прибыли поезда с хлебом, уменьшилась продажа муки. Ко всем прочим трудностям прибавились и нехватки хлеба. Идея большой забастовки охватывала все более широкие массы.

Революция

ТРИ ПЕРВЫХ КРАСНЫХ ДНЯ

В это утро у ворот большинства заводов Выборгской стороны было как будто спокойно. С 7 часов загудели моторы, запели ремни трансмиссий, зашумели ткацкие станки.

Но еще в ночь на 23 февраля большевики провели собрания среди большевичек и организованных ими женских кружков. Член Выборгского районного комитета В. Н. Каюров провел такое собрание в Лесном участке, примыкавшем к двум Выборгским частям¹. Он говорил о значении Международного дня работниц.

— Дорогие товарищи женщины! — обращался он к членам кружка. — По поручению Петербургского комитета и нашего районного Выборгского нужно вам завтра провести на своих фабриках митинги и собрания, на которых рассказать про женский день и наши задачи. Чтобы работницы не чувствовали себя позаброшенными, а знали, что и они в одном ряду с нами! Только прошу помнить вас и самих призывать воздержаться от

---

¹ До Февральской революции город делился на полицейские части и участки. После ее победы они были переименованы в районы и подрайоны.

частичных выступлений согласно линии нашего Центра, действовать исключительно по его указаниям.

Забастовки возникли только на нескольких заводах. На остальных же согласно указаниям большевистских организаций следовало прежде всего проводить митинги и собрания, что же касается общих забастовок, то этот вопрос надлежало решать в каждом случае конкретно. По соглашению с «межрайонцами» большевики распространяли их листовку в этот день, так как не смогли выпустить свою из-за очередного провала типографии. Во многих цехах собирались группки, читали листовку или передавали ее из рук в руки:

— Дорогие товарищи женщины! Долго ли мы будем еще терпеть молча да иногда срывать накипевшую злобу на мелких торговцах? Ведь не они виноваты в народных бедствиях, они и сами разоряются. Виновато правительство, оно начало войну эту и не может ее кончить. Оно разоряет страну, по его вине вы голодаете. Виноваты капиталисты — для их наживы она ведется, и давно пора крикнуть им: «Довольно! Долой преступное правительство и всю его шайку грабителей и убийц. Да здравствует мир!»

В обеденный перерыв на большинстве заводов и фабрик Выборгского района и на ряде предприятий других районов начались митинги. Женщины-работницы гневно обличали царское правительство, протестовали против недостатка хлеба, дороговизны, продолжения войны. Их поддержали рабочие-большевики на каждом большом и малом заводе Выборгской стороны. Повсюду прозвучали призывы к прекращению работы. К десяти предприятиям, бастовавшим на Большом Сампсониевском проспекте, уже с 10—11 часов утра примкнули другие. Широко стала использоваться тактика «снятия с работы». Женщины уже не составляли большинства среди забастовщиков, вышедших на улицу. Рабочие подрайона быстро добрались до заводов, расположенных вдоль Невы, — «Арсенала», Металлического, Феникса, «Промета» и других. Под окнами заводских цехов они кричали:

— Братцы! Кончай работу! Выходи!

Арсенальцы, фениксовцы, рабочие других заводов присоединялись к бастующим и заполняли улицы. Волнение перекинулось и в Лесной подрайон. Так, на «Айвазе» после обеда 3 тысячи рабочих собрались на митинг, посвященный женскому дню. Женщины заявили,

что работать сегодня не будут, и просили рабочих-мужчин присоединиться к их забастовке. Около 16 часов «Айваз» прекратил работу полностью. Забастовали также некоторые предприятия Петроградской стороны и Васильевского острова. Всего, по полицейским данным, бастовало около 90 тысяч рабочих и работниц 50 предприятий¹. Таким образом, количество забастовщиков превысило размах стачки 14 февраля.

Но события буквально с первых часов забастовки приняли иной характер, чем 14 февраля. Если тогда демонстрации были немногочисленны, то 23 февраля большинство рабочих перед уходом домой некоторое время оставались на улицах и участвовали в массовых демонстрациях. Многие забастовщики не спешили разойтись, а длительное время оставались на улицах и соглашались на призывы руководителей забастовки продолжить демонстрацию и отправиться в центр города. Демонстранты были возбуждены, чем не преминули воспользоваться анархические элементы: на Выборгской стороне было разгромлено 15 магазинов. На Безбородкинском и Сампсониевском проспектах рабочие останавливали трамваи; если вагоновожатые вместе с кондукторами оказывали сопротивление, то переворачивали вагоны. Всего, как сосчитала полиция, было остановлено 30 трамвайных поездов.

В событиях 23 февраля с первых часов проявилось своеобразное сочетание организованности и стихийности, столь характерное и для всего дальнейшего развития Февральской революции. Митинги и выступления женщин были запланированы большевиками и «межрайонцами», так же как и возможность забастовок. Однако столь значительного их размаха не ждал никто. Призыв работниц, следовавших указаниям большевистского Центра, был очень быстро и дружно подхвачен всеми рабочими-мужчинами забастовавших предприятий. Выступление женщин как бы задевало мужскую честь всех рабочих. И этот эмоциональный момент стал первым проявлением стихийности движения. На заводе «Эриксон», например, где, кроме большевистской ячейки, были и организации меньшевиков-оборонцев (вспомним Кузьму Гвоздева) и эсеров, именно последние первыми призвали превратить движение в общую стачку всего завода и попытаться увлечь соседние предприятия.

¹ По новым подсчетам, проведенным советскими историками, — свыше 128 тысяч рабочих 49 предприятий.

На «Арсенале» эсеры вместе с большевиками и меньшевиками призывали к общей забастовке и присоединились к рабочим. Отметим, что передовой пролетариат раскачал массы: в политическую борьбу начали вливаться и менее сознательные рабочие, которые находились под влиянием меньшевиков и эсеров, обыватели.

Полиция была захвачена событиями врасплох. В частности, на территории 2-го Выборгского участка (вдоль Сампсониевского проспекта) ее оказалось совершенно недостаточно, чтобы даже сдержать, а не то что рассеять тридцатитысячную толпу забастовщиков. Именно этот участок и стал главным очагом движения 23 февраля. Отсюда разбегались агитаторы в Лесной, в 1-й Выборгский участок, на Петроградскую сторону и на Васильевский остров. Но уже на территории 1-го Выборгского участка полиция более активно действовала против демонстрантов. Согласно диспозиции от 8 февраля сюда были вызваны казаки, которые вместе с полицией рассекали толпу демонстрантов на Безбородкинском проспекте и оттеснили их к Финляндскому вокзалу. Но тут рабочие остановили движение трамваев на прилегающих к вокзалу улицах, чем затруднили действия казаков, и плотной толпой забили все пространство. На крышах трамвайных вагонов, на ступенях вокзала и тумбах появились ораторы.

— Товарищи! — призывал один из них. — Настал момент! Мы должны бороться и сделать свое дело! Все на Невский!

Стычка с полицией произошла и около Металлического завода на Полюстровской набережной. Полицейский надзиратель, угрожавший толпе револьвером, был сбит с ног и разоружен. Подобные разоружения полицейских происходили и в других районах города. Около 16 часов рабочие с окраин, как бы повинувшись единому призыву, двинулись на Невский проспект. В этом не было ничего удивительного: всего неделю назад, 14 февраля, рабочие, следуя указаниям большевиков, тоже выходили на Невский — традиционное место политических демонстраций и митингов.

В эти часы в Таврическом дворце шло заседание Государственной думы. Она, как помнит читатель, начала работать еще 14 февраля, в тревожной обстановке ожи-

давшейся крупной демонстрации. Это отразилось на сдержанной позиции, прозвучавшей в речах Родзянко, Милюкова и других ораторов Прогрессивного блока. В тот же день на трибуне появился и убийца Распутина Пуришкевич, бодро бросивший в адрес правительства и министра внутренних дел Протопопова новые обвинения. Резко выступали прогрессисты, вышедшие еще в конце 1916 года из Прогрессивного блока, лидер меньшевистской фракции Чхеидзе. 15 февраля Милюков заявил в Думе, что правительство вернулось к курсу, который оно проводило до 17 октября 1905 года, «к борьбе со всей страной». Но он же старался отмежеваться от «улицы», которая в последнее время поощряет Думу заявлениями о том, что страна и армия с нею, и ждет от Думы какого-то «дела». Нет, заявлял Милюков. Хотя эти слова и трогают членов Думы, но одновременно и смущают! Наше слово есть уже наше дело. Слово и голосование пока единственное оружие Государственной думы. Таков был ответ лидера Прогрессивного блока рабочим, тем рабочим, которые по наивности или недомыслию поверили меньшевикам-гвоздецам и ждали от Думы решительной борьбы с царской властью или призыва к революции. Милюков обещал, что Дума будет продолжать критику правительства, но и только.

Керенский в речи на заседании 15 февраля подверг резкой критике позицию Милюкова, заявил, что члены Думы не выполнили полностью своего долга перед народом, не рискуют «в борьбе с той старой системой, которая губит страну». Меньшевистская фракция внесла тогда запрос правительству об аресте Рабочей группы ЦВПК. Третье заседание Думы прошло уже 17 февраля. На нем обсуждался этот запрос. А. И. Коновалов подчеркивал умеренность и лояльность меньшевиков-оборонцев из Рабочей группы и назвал их арест «одной из величайших ошибок власти». Во время очень резких нападок Коновалова на правительство кадет В. А. Маклаков закричал с места: «Мерзавцы! Подлецы!» — по адресу министров. За это он был лишен Родзянко права присутствия всего на одном заседании Думы. Опять выступал Керенский, который ругал не только правительство, но и руководство Прогрессивного блока, требуя перейти от слов к делу. Он так закончил свою речь:

— Я думаю, что тем или иным путем, но вопрос о неизбежности столкновения с властью, которая хочет

путем уничтожения государства сохранить свое будущее, будет поставлен скоро весьма решительно!

Трудно сказать, что имел в виду Керенский: настоящую ли революцию или заговор Гучкова, о котором он был осведомлен от Некрасова. Но, во всяком случае, тон речей Керенского, те ядовитые наскоки на кадетов способствовали его популярности среди весьма широких масс народа и в известной степени объясняли быстрый рост его популярности среди мелкобуржуазных слоев населения в февральские дни.

В субботу и воскресенье 18 и 19 февраля Дума не заседала, а в понедельник 20-го состоялось очень краткое заседание. Большое пленарное было назначено именно на четверг, 23 февраля. Слухи о начавшемся на Выборгской стороне движении быстро достигли Таврического дворца. Раздавались телефонные звонки в комнатах прессы, фракций и комиссий, у секретаря председателя Думы. В это время в Белом зале заседаний Думы шло обсуждение продовольственного вопроса, доклад о котором сделал на заседании 14 февраля министр земледелия А. А. Риттих. Затем перешли к прениям по внесенному фракциями меньшевиков и трудовиков запросу о забастовках на Ижорском и Путиловском заводах. Первым выступил меньшевик М. И. Скобелев.

— Господа члены Государственной думы! — сказал он. — Страна с катастрофической быстротой стремится навстречу каким-то грозным событиям. Мысль не успевает за действительностью. Мы сегодня лишь утром внесли запрос о том, что творится на двух грандиозных заводах, на Путиловском и Ижорском¹, а теперь, когда выходим на кафедру, приходится говорить о более грозных событиях, имеющих место не только на территории заводов, но и на рабочих улицах и даже уже в центре города. Что же происходит на улице? У этих несчастных, полуголодных детей и их матерей, жен, хозяек, в течение двух лет безработно, смиренно стоящих у дверей лавок и ждавших хлеба, наконец лопнуло терпение, и, они, может быть, беспомощно и отчаянно вышли мирно на улицу и еще безнадежно зывают: хлеба и хлеба! А за ними вслед их мужья, рабочие, которые за последнее время, идя рано утром на завод, не могут запастись несчастной крохой хлеба для того, чтобы уже на территории завода закусить, они вышли на улицу и бес-

¹ Речь шла о забастовке на Ижорском заводе и о локауте (массовом увольнении рабочих) на Путиловском заводе.

помощно, может быть, еще, скажу я, ищут ключа для разрешения этого вопроса и всех проклятых вопросов вообще. Они ищут ключа и беспомощно хватаются за ключ трамвайного мотора для того, чтобы остановить движение и сказать вам: «Дайте хлеба, или мы не отдадим ключа!» --- Скобелев явно хотел обратить внимание на стихийность и неосознанность движения 23 февраля, на то, что оно не имеет руководителей и порождено лишь нехватками хлеба, которые, кстати, были уже ликвидированы правительством в предшествующие дни. И это понятно, ведь к митингам и забастовкам 23 февраля призывали не меньшевики, а большевики. Но и в этой речи есть свидетельство того, что события начались выступлениями женщин, за которыми последовали уже и рабочие-мужчины.

Между тем как раз в эти часы движение еще больше проявило свою антиправительственную и антивоенную направленность. Рабочие Выборгского и Петроградского районов сумели смять около 17 часов полицейскую заставу у Александровского моста и кратчайшим путем через Литейный проспект выйти в центр города. Одновременно со стороны Знаменской площади вышли на Невский рабочие Рождественского и Александро-Невского районов, в район Казанского собора — рабочие Путиловского и Нарвского районов. Выборжцы при этом сняли с работы рабочих орудийного завода и гильзового отдела петроградского «Арсенала» имени Петра Великого на Литейном проспекте между Шпалерной и Сергиевской улицами.

И на Литейном, и на Невском рабочие собирались большими группами, стремились построиться в колонны. Слышались постоянные восклицания: «Хлеба!», «Долой самодержавие!», «Долой войну!» На разгон демонстрантов были брошены крупные силы полиции и казаков. Нет точных сведений о том, сколько участвовало людей в демонстрациях в центре города в этот день. По ориентировочным подсчетам, 20—30 тысяч человек, не считая случайных прохожих и любопытствующих жителей города. Полиции понадобилось около часа, чтобы полностью очистить Невский и Литейный проспекты от демонстрантов.

Сведения об этом продолжали поступать в Думу, но не изменили общей оценки событий со стороны ее чле-

нов. Скобелева сменил Керенский, затем выступил один из лидеров кадетской фракции — А. И. Шингарев, заявивший, что Дума должна потребовать от власти, «наконец, чтобы она или сумела справиться с делом, или убралась вон из государства». Думские деятели в этот день не увидели в уличных событиях чего-либо более крупного, чем стихийные продовольственные беспорядки. Резолюция Думы («формула перехода»), предложенная Милюковым, ограничивалась предложениями по улучшению продовольственного снабжения населения при участии самих рабочих.

Царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, получив подробные донесения, расценил их лишь как продовольственные волнения. Он потребовал от командующего округом генерала Хабалова выпуска немедленного воззвания к населению, в котором бы говорилось о том, что хлеба в городе достаточно (что вполне соответствовало действительности). Вечером Протопопов сам объехал центр города на автомобиле и убедился, что внешний порядок вполне восстановлен. На улицах было пусто, случайные прохожие торопились попасть домой, всюду стояли усиленные наряды полиции.

Поздно вечером 23 февраля на конспиративной квартире в отдаленном рабочем районе Петрограда, Новой деревне, состоялось заседание членов Русского бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургского комитета. Они с удовлетворением отметили, что размах событий в этот день вышел далеко за пределы их ожиданий: стычки с полицией, митинги, количество которых на улицах даже не поддавалось точному учету, демонстрация на Невском. Количество стачечников, по их наблюдениям и примерным подсчетам, даже превышало число тех, кто бастовал 14 февраля. Все это как бы давало большевикам полный реванш за день 14 февраля, когда в поведении масс чувствовалась осторожность, демонстраций было мало. Но такой поворот событий скорее насторожил участников заседания, чем обнадежил.

— Прошу всех отнестись к начавшемуся движению со всей осторожностью и внимательностью, — сказал Шляпников. — Я слышал, что в забастовках участвовали и эсеры, и меньшевики, и даже гвоздевцы. Еще неизвестно, как все это подаст Дума. И не сочтет ли она это движение за пресловутую поддержку? Пусть все орга-

низаторы будут на чеку! Опирайтесь только на свои силы и на своих рабочих.

— Что же делать? — спрашивал Шутко. — Что же, призывать к спокойствию и прекращению стачек? Ведь мы сами в листовке звали рабочих к открытой борьбе? По-моему, то, что к движению присоединяются не только наши рабочие, хорошо! Значит, борьба действительно начнется!

— Не знаю, не знаю. Мне кажется, рано еще говорить, что это начало решительного наступления на царский трон, но, конечно, сдерживать движение тоже не следует. Мы тут посовещались и от имени Русского бюро ЦК предлагаем ПК расширять движение, не ограничивать его какими-либо сроками. Давайте попробуем, если забастовка не прекратится завтра сама собой, организовать, опираясь на наши собственные силы, антивоенную демонстрацию на Невском у Казанского собора. Еще один вопрос — о солдатах. Сегодня уже казаков посылали вместе с полицией к Финляндскому вокзалу. Завтра может дойти очередь и до пехоты. Надо использовать все наши силы для усиления агитации среди солдат гарнизона.

Так и решили.

На следующее утро к 7 часам снова потянулись вереницы рабочих к воротам своих предприятий. Настроение у них было самое боевое. Большинство решило к работам не приступать. Зайдя на предприятия, чтобы не сразу привлечь к себе внимание полиции, рабочие не расходились по цехам, а оставались на дворах, собирались на митинги. Только на Выборгской стороне с первых же утренних часов 24 февраля забастовало 75 тысяч человек. Ораторы, среди которых было много большевиков, призывали рабочих немедленно выходить на улицу. На Сампсониевский высыпали громадные толпы рабочих. Всюду слышались революционные песни. Местами вверх взмывали красные флаги. Снова остановили трамвайное движение по проспекту и через Гренадерский мост. Всю улицу заполнили колонны демонстрантов, двигавшихся к Литейному мосту. Туда же направлялись демонстранты с Безбородкинского проспекта и Арсенальной набережной.

Полиция и казаки не раз нападали на рабочих на подходах к мосту. Им удавалось на время прерывать движение демонстрантов. Рабочие расступались, пропуская всадников. Но как только те отъезжали, рабочие

снова шли вперед. Они неоднократно прорывались через Литейный (Александровский) мост на левый берег Невы. Боевое и приподнятое настроение рабочих в этот день еще более усилилось. Полицейские начальники обоих Выборгских участков неоднократно докладывали градоначальнику А. П. Балку о том, что они не в состоянии справиться с движением своими силами. Балк, действуя, в свою очередь, по диспозиции, утвержденной Протопоповым еще 5 января, перед общегородской забастовкой в память событий 9 января, обратился за помощью к главнокомандующему Петроградского военного округа Хабалову за поддержкой. Тот обещал немедленно выслать наряды из запасных батальонов гвардейских полков. Две роты запасного батальона Московского полка уже участвовали в заставе, перегородившей с утра Литейный мост. Но и им было не сдержать напора массы рабочих, двигавшихся от решетки до решетки Литейного моста. Около 5 тысяч человек с криком «ура!», оттеснив казаков, прорвали правый угол оцепления.

24 февраля бастовало до 200 тысяч рабочих, больше половины общего числа в столице. На Петроградской стороне бастовало свыше 20 тысяч рабочих. Они ходили колоннами по Большому и Каменноостровскому проспектам, а затем направились к Троицкому мосту. На углу Каменноостровского и Малой Посадской путь демонстрантам перегородили конные городовые. На полном скаку они врезались в демонстрацию, рассекая ее на две части. Один из полицейских стал стрелять из револьвера, хотя общего приказа о стрельбе не было и полиция имела право применять оружие только для самообороны. Были убиты молодая работница и один рабочий. Поднялся рев возмущения. Рабочие стали бросать в полицейских куски сколотого льда, палки, все, что попадалось под руку. Городовые вынуждены были отступить и ускакали прочь, а несколько тысяч рабочих и присоединившихся к ним учащихся и студентов по Троицкому мосту прорвались в центр города и на Невский.

Часть рабочих Выборгской стороны и Петроградской сумела прорваться через Тучков мост на Васильевский остров. Там они разошлись по предприятиям района и старались поднять и их на забастовки. Вскоре около 20 тысяч рабочих-василеостровцев забастовали. С пением революционных песен, криками «Долой войну!», «Долой самодержавие!» они высыпали на Малый и Средний проспекты острова. Студенты университета и

курсистки присоединились к движению и образовали свою колонну на Большом проспекте Васильевского острова. Стачки охватили и предприятия Нарвской и Московской застав, Невского района и ряда других. Повсюду полиция старалась разогнать демонстрантов и забастовщиков, но 6 тысяч полицейских на 200 тысяч забастовавших рабочих явно не хватало. Во многих местах завязывались схватки с полицией. Десятки револьверов и шашек были отобраны у полицейских.

Около трех часов дня огромные массы народа заполнили Знаменскую площадь у Николаевского вокзала. Центр площади занимал тогда массивный памятник Александру III работы знаменитого скульптора Паоло Трубецкого. Используя пьедестал памятника как трибуну, демонстранты начали митинг. Слышались крики: «Да здравствует республика!», «Долой полицию!» На площади было много полицейских. Тут же находилась сотня казаков 1-го Донского полка. В отличие от действий казачьих войск во многих других районах города 23—24 февраля, где они послушно разгоняли демонстрантов, на Знаменской площади казаки отказались действовать против демонстрантов. Люди, довольные таким поведением казаков, кричали им «ура!». В ответ казаки безмолвно кланялись. Когда же на площадь въехал отряд из 15 конных городских, то рабочие и подростки кинулись на них с поленьями и стали забрасывать льдом.

Митинги возникали и в других местах Невского проспекта. Казачьи патрули на всем протяжении главного столичного проспекта вели себя миролюбиво. Во многих местах их также приветствовали криками «ура!».

Под защитой солдатского караула в 11 часов 27 минут под председательством Некрасова началось заседание Государственной думы. Оно было посвящено прениям по продовольственному вопросу. Они шли довольно вяло. Лишь по мере того, как члены Думы узнавали о размахе движения в городе, волнение постепенно охватило и заседание. Шингарев от имени бюро Прогрессивного блока внес спешный запрос к главе правительства о том, какие меры предпринимает правительство для урегулирования продовольственного вопроса в Петрограде.

— Я позволю себе думать, — восклицал Шингарев, — что наконец эти глухие уши услышат наш голос и ответят, если они способны что-либо ответить, какие меры приняли они наконец, чтобы волнения на почве недостатка хлеба в крупнейших центрах России были устранены и чтобы местное население само взяло в свои руки дело продовольствия. Иначе не избежать беды!

Шингаревская речь свидетельствовала о том, что буржуазные либералы предпочитали не замечать политического характера движения. Им было выгодно изображать рабочие демонстрации только как стихийные вспышки волнений на продовольственной почве. Впрочем, Ф. И. Родичев, известный кадетский краснбай, «от лица голодного народа» требовал, чтобы к власти были призваны люди, «которым вся Россия может верить», и удалены от нее те, «которых вся Россия презирает».

В те же часы Хабалов созвал в штабе округа совещание по прекращению беспорядков. Там присутствовали Протопопов, все старшие полицейские начальники и уполномоченный правительства по продовольствию Петрограда В. К. Вейс. Решено было следить за распределением муки по пекарням. В то же время было принято и предложение охраны произвести обыски и аресты среди революционеров по намеченному списку. Военный министр А. А. Беляев советовал Хабалову попробовать стрелять из пулеметов поверх голов рабочих, переходивших Неву по льду реки. Но Хабалов не принял этого совета. В течение дня 24 февраля приказа об открытии стрельбы по демонстрантам отдано им не было. Казакам не выдавали нагаек. Их имели только конные городовые. Правительство в целом на своем заседании днем 24 февраля игнорировало события, считая это делом Протопопова и Хабалова, но князь Голицын, возвращаясь на свою казенную квартиру председателя совета министров на Моховой улице, не смог проехать на автомобиле обычным путем по Караванной улице. Она от Невского была запружена народом.

В Думе же при обсуждении продовольственного вопроса представители фракций обменивались колкостями. Чхеидзе и Керенский обвиняли представителей Прогрессивного блока в том, что они слишком долго игнорировали мнение «улицы». «Ваши слова в этом зале не доходят до народа, — кричал кадетам Керенский, — их запрещает цензура! Вы возбуждаете народ, а когда он

выходит на улицы, чтобы защитить то, что ему дорого, призывает рабочих вернуться к станкам и бросает массам упреки в измене и провокации». Но и Керенский сводил лишь старые счеты, укоряя Милюкова за его письмо в газеты против демонстрации и забастовок на заводах накануне 14 февраля, а не предвидел близкие перемены. Большинство депутатов Думы слепо глядели назад и не видели, не ощущали, что неотвратимые перемены уже начались.

Заметил это сорокалетний священник из Самарской губернии С. А. Крылов. Он сказал:

— Идя сюда, в Государственную думу, будучи на Знаменской площади, я видел, что происходит на Невском проспекте и на других улицах. Я видел сейчас, что громадная масса народа буквально залила всю Знаменскую площадь, Невский проспект и прилегающие к ним улицы, и там я встретил совершенно для меня неожиданное явление, там эта толпа кричит, провожая проходящих мимо нее казаков и полки с музыкой, «ура!»... Когда я спросил, что это значит, почему казакам и проходящим с музыкой войскам кричат «ура!», что это за манифестация, мне первый встречный объяснил, что один из полицейских ударил было женщину нагайкой или чем-то другим, но казаки тотчас вступились и прогнали полицию!

Выступление священника Крылова вызвало сочувствие со стороны членов Думы. Кто-то даже крикнул: «Ура!» Но Дума была все же ближе к правительству, которое она так страстно обличала, чем к народу, от имени которого члены Думы считали себя вправе говорить. Государственная дума не прервала своих занятий, не послала даже приветствия борющемуся народу, не призвала армию к единению с народом. Дума лишь утвердила внесенный кадетами очередной запрос к правительству да приняла к сведению заявление Родзянко о том, что вечером состоится совещание с представителями правительства о срочных мерах по прекращению продовольственных беспорядков. Оно действительно состоялось поздно вечером 24 февраля в Мариинском дворце. Правительство обещало, идя навстречу Думе, передать в Петрограде продовольственное дело в руки «местных людей», то есть городской думы. И глава правительства князь Голицын, и председатель Думы Родзянко были здесь заодно: им нужно было скорее потушить пожар «голодных волнений», заставить рабочих

вернуться на заводы, чтобы они не мешали сделке «приличных людей», Думы и правительства.

Сведения о беспорядках в столице достигли и Александровского дворца в Царском Селе. Императрица, заканчивая свое очередное письмо Николаю, писала о том, что уже два дня в городе волнения. Свое отношение к Думе она выразила надеждой на то, что Керенского повесят за его речи. «Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость!» — писала она.

А Николай II в Могилеве наслаждался покоем и тишиной. Хотя Протопопов и Хабалов уже известили ставку о событиях в городе, но царь никак не отреагировал и не придал им пока никакого значения. Он думал о том, куда отправить детей поправляться после кори, о том, как, в сущности, прекрасно вышло, что он вырвался из Петрограда. «Мой мозг отдыхает здесь, — писал он в своем письме жене от 24 февраля, — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания». В его «доме» уже «бушевал неукротимый огонь», «пожар обгладывал деревянные балки», на которых покоилось здание его империи, а он благодушествовал в Могилеве. О событиях в Петрограде — ни слова в этом письме. Вот снежные заносы у Казатина, о которых ему также доложили, представлялись ему серьезной проблемой.

Тревожная ночь опустилась над Петроградом. В рабочих районах царило радостное возбуждение. Везде обсуждались события дня. Мужья и жены рассказывали, что видели, где были, что слышали. Приходили соседи. А те, кто сегодня остался у станков или схоронился дома, чувствовали неловкость, слушая, как их соседи и товарищи прорывались по мостам, как намяли бока они полицейским, вымещая вековую злобу беззащитного трудового человека, обиженного представителями власти. Даже те, кто редко бастовал, кто больше думал о семье, о зарплате, и они, захваченные общим чувством, решали про себя, что завтра они будут вести себя, «как все».

В возбуждении, хотя и в некоторой тревоге, были и члены Русского бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургского комитета. Намеченное выступление, несомненно, удалось. Ведь с самого утра все члены ПК, районных коми-

тетов были в заводских районах — больше всего на Выборгской стороне, ставшей центром событий. М. И. Калинин и И. Д. Чугурин, В. Н. Каюров и И. М. Гордиенко, В. Н. Нарчук и Н. Ф. Агаджанова не только выступали на митингах на заводских дворах и перед воротами, но и организовывали выход рабочих с предприятий, пытались образовать четкие колонны. Однако после первых же стычек с полицией колонны перемешивались, часть участников демонстраций поворачивала назад. Еще в колонне, прорывавшейся через Александровский мост, можно было видеть, что рабочие одного и того же завода держались тесной группой, но уже за мостом, куда попала меньшая часть бастовавших выборжцев, все перемешались. К толпам рабочих присоединялись тысячи случайных людей: подростков, студентов, мелких служащих, интеллигентов. Руководить движением этой массы было уже значительно труднее, а то становилось и вовсе невозможно.

Тогда члены ПК и районных комитетов стремились опередитьдвигающиеся массы, встретить их на Невском, у Знаменской площади, у Казанского собора. Там в течение дня 24 февраля выступали К. И. Шутко, И. Д. Чугурин, Н. Г. Толмачев, Н. Ф. Агаджанова. Но рядом с ними были и десятки незнакомых ораторов, совсем случайных людей, захваченных событиями и стремящихся высказаться. Любое свободное слово встречалось восторженным гулом.

Говоря откровенно, это все же колоссальный успех, в который даже как-то не верилось и который тем не менее достигнут. Сегодня на улицах была, по крайней мере, половина питерских рабочих! А казаки? Это, конечно, не переход войска на сторону народа, но что-то вроде нейтралитета... Однако и нейтралитет уже победа. Так что члены ПК смотрели в завтрашний день с надеждой. Правда, у большевиков не было возможности собраться вечером, чтобы обменяться, поделиться своими впечатлениями и опытом, внести коррективы в выработанную уже линию. Они это сделали позже.

Царские власти в ночь на 25-е решили принять все меры, чтобы пресечь движение, а главное, не допустить рабочих в центр города. На ночном заседании под председательством начальника войсковой охраны города полковника Павленкова присутствовали градоначальник Балк, командиры запасных батальонов гвардейских полков, донских казачьих полков и 9-го запасного кав-

лерийского. Казаков было предложено вооружить утяжеленными свинцом нагайками (для чего ассигновывалось по полтиннику на человека). Тактика менялась — главное внимание уделялось мостам и переправам через Неву.

С 6 часов утра 25 февраля полиция уже заняла свои места, к 7 часам стали подходить и солдаты гвардейских частей. У Охтинского, Александровского, Троицкого и Николаевского мостов с двух сторон, у обоих берегов, встали сдвоенные военно-полицейские заставы. Наряды полиции и войск патрулировали Смольнинскую, Воскресенскую, Французскую, Дворцовую и Адмиралтейскую набережные.

Лишь утром 25 февраля на конспиративной квартире на Сердобольской улице, в доме 35, смогли ненадолго сойтись члены большевистского центра — Русского бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургского комитета. Тут были хозяин квартиры Д. А. Павлов, А. Г. Шляпников, П. А. Залуцкий, В. М. Молотов, Н. Ф. Свешников, еще несколько человек. Они приняли текст «боевой листовки», составленной на основе присланного из Москвы документа, написанного известным партийным публицистом М. С. Ольминским. В конце листовки прямо говорилось: «Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию». В отношении же движения в Петрограде была подтверждена прежняя директива: стараться охватить своим идейно-организационным влиянием начавшееся массовое рабочее движение, направить его в русло организованной борьбы против самодержавия и против войны.

С утра на большинстве предприятий всех районов Петрограда начались митинги и собрания. Большевики, ораторы других партий, беспартийные рабочие сменяли друг друга. Рабочие, за два дня познавшие вкус свободы, не собирались прекращать забастовку и демонстрации. Они с восторгом внимали ораторам. Один из выступавших на митинге рабочих завода «Новый Парвиз-нен» на Выборгской стороне закончил свою речь стихами:

Прочь с дороги, мир отживший,
Сверху донизу прогнивший,
Молодая Русь идет!

Гул одобрения и аплодисменты были ответом на эти слова. Атмосфера была накалена. Тысячи глаз сверкали

решимостью. С пением революционных песен пятитысячная масса рабочих завода хлынула на Сампсониевский проспект. Так же поступали и рабочие подавляющего большинства заводов и фабрик Выборгского района. Стачка здесь с самого утра стала всеобщей. К 9—10 часам утра все главные проспекты Выборгской стороны были заполнены народом. Предвидя стычки с полицией, рабочие пытались вооружиться железными прутами, самодельными кинжалами, ножами. У некоторых были револьверы. Тысячи рабочих, особенно подростки и рабочая молодежь, осадили оба полицейских участка Выборгской стороны. Полицейские сочли за благо оставить свои участки и в полном составе двинулись к Финляндскому вокзалу и Александровскому мосту, поближе к мощным заставам конных городских и войск. С наступлением темноты оба участка были разгромлены и подожжены. Это было уже, хотя и единичным, актом открытой борьбы с царской властью.

Многотысячные колонны демонстрантов Выборгской стороны направились к Александровскому мосту. Такие же организованные колонны шли с Петроградской стороны к Троицкому мосту, с Васильевского острова к Николаевскому, с Нарвской заставы к мостам через Обводный канал и Фонтанку. Рабочие Обуховского и Невского районов проходили уже по левому берегу вдоль Невы, но им предстояло совершить путь в 10 километров, прежде чем дойти до центра города. Всюду демонстранты могли видеть наскоро отпечатанные объявления главнокомандующего округа генерала Хабалова. В них говорилось, что рабочие должны выйти на работу не позднее вторника, 28 февраля. А понедельник, 27 февраля, фактически объявлялся нерабочим по приказу начальства. Власти, таким образом, давали рабочим два дня на «раскачку», на обдумывание положения. Но обращение содержало и угрозу. Если забастовка не прекратится, то будут немедленно призваны в войска новобранцы призыва 1917, 1918 и 1919 годов (напомним читателю, что в армию тогда мобилизовывали молодежь, достигшую, как правило, 20 лет). Но эта угроза не подействовала, тем более что срок ее исполнения оттягивался на целых три дня!

Все ближе подходили бастующие к мостам, закрытым заставами. Прорваться через них было почти невозможно. Но солдаты вели себя дружелюбно. Они не двигались с места, но и не направляли своих штыков на

демонстрантов. Вскоре во многих местах рабочие вплотную подошли к солдатским заставам. Завязывались разговоры. Офицеры вели себя пассивно, не имея приказа об открытии стрельбы. Солдаты посмелее балагурили с работницами, перекидывались шутками с рабочими. Кое-где шла настоящая агитация. Кто-то попробовал спуститься на лед рядом с Александровским мостом. Офицеры покричали для вида, но мешать не стали. И скоро демонстранты пошли прямо по льду Невы на левый берег. Выход был найден, и в обход мостов рабочие устремились на набережные и в центр города. Полиция пыталась не пускать рабочих на гранитные входы Французской набережной. Тогда шли на Воскресенскую. А вскоре в десятках мест рабочие забирались на левый берег. Сил полиции стало не хватать.

Такие же картины наблюдались у Троицкого и Николаевского мостов, в районе Охтинского моста и Александрово-Невской лавры. Снова десятки тысяч человек оказались на Невском проспекте. Теперь они шли уже к Знаменской площади, к Казанскому собору. Если войска всюду почти держались нейтрально по отношению к демонстрантам, а иногда и дружелюбно, если казаки пытались быть в стороне от действий против рабочих, то пешие и особенно конные городовые яростно нападали на людей. Рабочие сопротивлялись. Многие уже заранее несли с собой булыжники, гайки, куски металла. Ими они пытались отбиваться от конных городовых. Число раненых с обеих сторон измерялось 25 февраля уже десятками. Несмотря на отсутствие общего приказа об открытии огня, все же были отдельные случаи стрельбы в демонстрантов. Так, у часовни Гостиного двора на углу Невского и Перинной линии в ответ на револьверные выстрелы из толпы спешившиеся кавалеристы открыли огонь. На Трубочном заводе при попытке рабочих забастовать и выйти на улицу поручик запасного батальона гвардии Финляндского полка, присланного вместе с солдатами для охраны завода и противодействия забастовщикам, в упор застрелил рабочего Ивана Дмитриева. Это вызвало всеобщее возмущение. Работа на заводе прекратилась около 13 часов, и 10 тысяч его рабочих влились в ряды демонстрантов на Васильевском острове.

Очевидцы событий рассказывали, что в действиях масс в центре города была заметна уже большая организованность, чем накануне. На ряде предприятий воз-

ники рабочие комитеты из представителей большевиков и других социалистических партий, которые взяли на себя оперативное руководство движением. Опытные старые рабочие, пережившие 1905 год, стали поговаривать о необходимости создания Совета рабочих депутатов.

Знаменская площадь в этот день была центром событий. Людское море заливало огромный треугольник между Лиговкой, Николаевским вокзалом и гостиницей «Северная». Трамвайное движение было остановлено, пути забиты вагонами. У памятника Александру III, защищавшего своим цоколем ораторов, продолжался многочасовой митинг. Полиция, выполняя приказ, попыталась разогнать собравшихся и пробиться к памятнику. Большой отряд полицейских возглавлялся приставом Александро-Невской части (часть эта помещалась в двух шагах, прямо напротив Суворовского проспекта. С пожарной каланчи ее можно было видеть все, что делается на Знаменской площади). Засвистели нагайки, люди стали с криками разбегаться. Но тут казаки, до этого лишь наблюдавшие за действиями толпы, бросились на полицейских. Тяготы войны, произвол власти, близость огромных масс организованного пролетариата изменили и психологию казаков. Один из них взмахнул шашкой. И пристав упал мертвым, с рассеченной головой и туловищем. Остальные полицейские оцепенели. А потом бросились врассыпную назад... Вслед им неслось мощное «ура-а-а!». Казаков качали. Это случилось около 15 часов.

В это же время весь Невский проспект был забит плотной массой демонстрантов. Они медленно двигались то к Знаменской площади, то к Казанскому собору. В разных местах полиция, конные городовые и солдатские заставы пытались остановить еще демонстрантов. У Гостиного двора в середине дня колонне рабочих Выборгского района преградила путь цепь солдат.

— Р-рота! — скомандовал поручик. — На ру-ку! Шагом марш!

Солдаты с винтовками наперевес стали двигаться на рабочих. Большинство последних в замешательстве отступили. Остались большевики Чугурин, Каюров, Александров и еще несколько человек. Чугурин стоял ближе всех к солдатам. Им овладело какое-то каменное упорство. Сердце билось так, что казалось, выпрыгнет сейчас из груди. Он видел, что солдаты остановились в не-

скольких шагах от него. Подбежал поручик с обнаженной шашкой.

— Уходи!!! — заорал он. — Уходи-и-и, если жив хочешь остаться! И вы все убирайтесь! Все уходите, у нас приказ!

— Не уйду, — тихо сказал офицеру Чугурин.

И, отступив на шаг, рванул на себе пальто, рубашку. Обнажил грудь. И, обращаясь прямо к солдатам, видя перед собой их глаза, вопрошающие, любопытные, испуганные, закричал:

— Хле-еба дайте! Дайте свободу! Или убейте меня!! Без хлеба и свободы я отсюда не уйду!

Неистовство охватило Чугурина. Глаза его пылали.

Глядя на него в упор, офицер сплюнул, вложил шашку в ножны и повернулся. Раздался его командный голос:

— На-а пле-чо! Кругом марш!

И скрип снега под удаляющимися солдатскими сапогами.

Чугурина била дрожь, ноги не чувствовали мостовой. Перед глазами все еще были штыки и глаза, испуганные глаза солдат...

Демонстрации, начавшиеся 23 февраля и продолжавшиеся на следующий день, 25-го перерастали в нечто большее.

Это была уже революция.

Заседание Государственной думы в этот день было весьма кратким. Министр земледелия Риттих согласился считать продовольственный вопрос в Петрограде не терпящим отлагательств и от имени правительства сообщил, что продовольственное дело в столице передается в руки города. Члены Думы в своих выступлениях сожалели, что это решение принято так поздно. Шингарев сказал, в частности, что полиция, несомненно, начнет «арестовывать и хватать» представителей общественности, если они попробуют создать свои самостоятельные комитеты в помощь городскому самоуправлению. Чхеидзе и Керенский предложили собраться для обсуждения этого вопроса уже в понедельник, 27 февраля. Однако предложение было отклонено. Дума заседала только 49 минут. Следующее заседание назначалось на вторник, 28 февраля, на 11 часов. Большинство членов Ду-

мы не видели чего-либо необычного в том, что происходило третий день на улицах города. Поэтому и решили «ждать» до вторника. Авось и рабочие приступят к работам. «Левые» же только и просили, что собраться в в понедельник. Никто из них не мог предположить, что за эти два дня произойдет восстание и что заседание Думы от 25 февраля станет последним официальным заседанием IV Государственной думы.

Оценивая события 25 февраля в Петрограде, можно сделать вывод, что они закончились не в пользу правительства. Хотя власти и преуменьшали число бастовавших, но даже Протопопов вынужден был признать, что их было не менее 200 тысяч. А более точные подсчеты дают число 300 тысяч! Фактически это была всеобщая стачка.

Несмотря на отчаянные попытки властей силами полиции, войск и казаков остановить демонстрантов, рабочие и присоединившаяся к ним часть беднейшего городского населения и учащиеся овладели центром города, провели там митинги. Многие рабочие с Выборгской стороны были на улице по 10—11 часов. Они буквально валялись с ног от голода и усталости, но домой не уходили. Лишь с темнотой опустел центр города.

Можно без особого преувеличения сказать, что царское правительство проиграло еще 25 февраля. Это было predetermined исходом событий этого дня. Он оставил глубокий след в сознании солдат гвардейских частей. Военные власти не отдали приказа о стрельбе по демонстрантам. Это облегчило положение солдат. Рядовые из запасных батальонов гвардейских частей сами всего несколько месяцев назад были крестьянами или рабочими, приказчиками, ремесленниками, словом, частью простого народа. И они, чтобы им ни говорили офицеры, не могли видеть в демонстрантах «внутреннего врага». Они знали, что делают эти люди на улицах, знали, чего они хотят, чего добиваются. Они сами ютились на нарах в три этажа, в переполненных душных казармах. Еда была плохая, порции маленькие, служба и занятия выматывали душу и тело. Впереди маячила скорая отправка в окопы. Эти солдаты были подневольными защитниками старого строя. Вот почему они радовались, что им уже второй день не отдавали приказа о стрельбе в народ.

Хабалов и Протопопов были уверены, что им удастся справиться с волнением без стрельбы. И причина этого

лежала не в гуманных соображениях. Военный министр Беляев говорил, что «трупы на Невском произведут ужасное впечатление на союзников». Опасались и дурного впечатления, которое расстрел произведет на действующую армию. Власти боялись нового 9 января в столице. А кроме того, многие из них лишатся своих теплых местечек и станут козлами отпущения для царского гнева. В 14 часов 40 минут генерал Хабалов направил в ставку секретную телеграмму на имя начальника штаба верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева. Он называл события 23--25 февраля забастовкой «вследствие недостатка хлеба». Далее сообщалось об уличных выступлениях и о том, что «толпа рассеяна». Протопопов со своей стороны послал телеграмму дворцовому коменданту В. Н. Воейкову о забастовке на продовольственной почве, «сопровождающейся уличными беспорядками». Его телеграмма кончалась так:

«Движение носит неорганизованный, стихийный характер, наряду с эксцессами противоправительственного свойства буйствующие места приветствуют войска. Прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством. Москве спокойно».

25 февраля над ставкой пробежала легкая тень тревоги. Прибыло несколько офицеров, которые рассказывали, что они видели «своими глазами» 23 февраля. Но распорядок привычной жизни в ставке не изменился. После пятичасового чая¹ император, как обычно, удалился к себе. Он просмотрел почту, доклады, прибывшие из Петрограда от некоторых министров. Затем пришел генерал Алексеев.

— Разрешите, ваше величество?

— А, Михаил Васильевич! Входите, входите. Ну-с, что у нас сегодня нового в обстановке? Да вы садитесь, пожалуйста.

— Прежде чем говорить о военной обстановке, государь, приемлю смелость обратить ваше внимание на сию телеграмму.

Алексеев протянул царю телеграмму Хабалова. Тот внимательно прочитал ее, но выражение лица его ни-

---

¹ Царская семья жила по «английскому распорядку»: завтрак, второй завтрак, пятичасовой чай, обед в 20.00.

сколько не изменилось. Лишь слегка вопросительно он поднял глаза на начальника штаба.

— Полагал, ваше величество, что новость первостепенная, — несколько растерянно пробормотал Алексеев. — Но если распоряжений ваших срочных не будет, перейду к очередному докладу обстановки.

— Докладывайте, Михаил Васильевич. А насчет телеграммы я еще подумаю. Может быть, позже...

Он слушал Алексеева вполуха. На самом деле продолжал думать о прочитанной телеграмме. Острой иглой в сердце кольнуло вдруг предчувствие беды. Но он попытался отогнать его. В конце концов это только забастовка. Они, несомненно, справятся сами и быстро. Однако мысль невольно возвращалась к Царскому Селу, к детям, к Алис. Надо, однако, постараться скорее здесь все закончить. Придется, пожалуй, ехать...

За обедом он был весел, как всегда, хотя, может быть, и чрезмерно. Придворный историограф генерал Дубенский заметил, что «государь как будто встревожен». Обед кончился в 20 часов 30 минут. Дубенский, вернувшись к себе, записал в своем дневнике: «Из Петрограда тревожные известия: голодные рабочие требуют хлеба, их разгоняют казаки; забастовали фабрики и заводы; Государственная дума заседает очень шумно; социал-демократы, Керенский призывают к ниспровержению самодержавной власти, а власти нет. Вопрос о продовольствии стоит очень плохо. Во многих городах, в том числе в Петрограде и Москве, хлеба нет. Оттого и являются голодные бунты».

В это время Воейков принес телеграмму Протопопова. Она гораздо больше встревожила царя. «Беспорядки?» Это уже не забастовка. Это пахнет большим. «Буйствующие» — что еще за слово выдумал наш «Калинин»? Они приветствуют войска, извольте-ка видеть! Хоть и приветствуют, а все равно буйствующие. И уж признает, что есть «противоправительственные эксцессы»! Нет, необходимо действовать. Алексеева надо позвать.

— Прибыл, ваше императорское величество. Что-нибудь срочное?

— Да, Михаил Васильевич. Я тут надумал насчет той телеграммы. Отправьте-ка Хабалову такой приказ: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки». — Тут же поднял глаза Алексеев. Он хорошо помнил, что в его телеграмме такого слова не было, только

забастовки назывались... — Да-да, беспорядки! Так будет порезче, это их подтолкнет! Так, «беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». Прямо за моей подписью. Это действительно безобразие. И в такое время. Вы правы, Михаил Васильевич. Срочное это дело, срочное.

После того как Алексеев ушел и телеграмма была передана в Петроград, ему принесли телеграмму от императрицы: «Совсем нехорошо в городе». Это сначала смутило его. Раз Алис пишет, значит, и верно, совсем плохо. Но он тут же начал себя успокаивать. Она иногда и преувеличивает. У нее такой впечатлительный характер. Потом он уже сделал все, что мог. Телеграмма получилась решительная. Около двенадцати он спокойно заснул.

А около полуночи на Сердобольской, на той же квартире Павловых, опять собрались члены Русского бюро ЦК РСДРП(б). Это были организаторы и руководители «стихийных, неорганизованных выступлений». П. А. Залуцкий рассказал все, что удалось узнать о положении в районах. В ПК приходили рабочие и говорили, что прекратят всеобщую стачку только «по достижении победы над царским правительством».

СТРЕЛЬБА

Царская телеграмма была получена в Петрограде после 21 часа. Для Хабалова это означало: стрельба! Только так можно было выполнить повеление Николая II. Теперь разом отметались и все страхи, и все сомнения. Сам царь приказал! В 22 часа он созвал совещание войсковых и полицейских начальников и отдал там соответствующее приказание.

Хотя улицы, патрулировавшиеся полицией и войсками, были пусты, но город продолжал бурлить — шли собрания, встречи, бесконечные совещания и разговоры. В помещении общества оптовых закупок шло собрание кооператоров, на которое пришло много кадетов и членов «социалистических» партий. Меншевики-оборонцы заседали в здании Центрального Военно-промышленного комитета на Литейном проспекте. На вечернее заседание Петроградской городской думы, органа, весьма

далекого тогда от политики, явились члены Государственной думы Керенский, Шингарев, Чхеидзе, Скобелев, много публики, пришедшей прямо с улицы. Хотя формально на повестке дня стоял вопрос о передаче продовольственного дела в руки города, обсуждение его превратилось в политический митинг. Ораторы возбужденно требовали отставки царского правительства. Вдруг один из участников собрания попросил слова вне очереди. Он сообщил: только что полиция заняла помещение Центрального Военно-промышленного комитета, несколько меньшевиков, в том числе и председатель Рабочей группы при ЦВПК К. А. Гвоздев, арестованы! Поднялся страшный шум. Объявили перерыв. Шингарев побежал звонить прямо председателю совета министров Голицыну. Но тот сказал, что ему ничего об этом случае не известно. Впрочем, он пообещал разобраться, что было с удовлетворением принято собравшимися. Они расценили пустое обещание Голицына чуть ли не как «уступку». Керенский и Скобелев, выступая после этого инцидента, потребовали создания «ответственного министерства». В заключение городская дума приняла резолюцию с требованием немедленного введения свободы слова, собраний и свободы выборов в учреждение, которое будет весть распределением продовольствия в Петрограде. Так и буржуазия при участии лидеров партий меньшевиков и эсеров попыталась присоединиться с опозданием к развертывавшемуся движению народных масс.

Но бюро Прогрессивного блока, члены которого собрались у Милюкова, придерживалось по-прежнему выжидательной тактики. Милюков развивал свои мысли, которые он высказал в обращении к рабочим от 14 февраля. Эти забастовки — провокация! Дело рук либо германских агентов, срывающих таким путем русское военное производство в самом центре обрабатывающей промышленности, либо, еще хуже, дело рук агентов охраны, самого Протопопова. Ведь не случайно войска до сих пор не стреляют в народ?! Протопопов хочет заставить руководство Прогрессивного блока солидаризироваться с забастовщиками. Потом объявить действия Думы незаконными и на этом основании распустить Государственную думу до конца войны! Так что будем осторожны и еще раз осторожны. Ему возражали, говорили, что это чуть ли не революция, что и войска дружелюбно относились к народу, а казаки прямо напада-

ли на полицию! «Э-э! — тянул Милюков. — Видели мы эти революции на два-три дня. Как начнут стрелять, так вся забастовка живо прекратится. А войска? Что ж... Приведите мне два полка с оружием в Думу. И я скажу да. А пока этого нет, лучше повременить и никаких авансов забастовщикам не давать...»

Родзянко ночью звонил в Гатчину великому князю Михаилу Александровичу, с которым давно тайно поддерживал отношения. Председатель Думы просил его приехать срочно в Петроград, «на всякий случай». Ведь во всех комбинациях, которые скрупулезно разрабатывались во всех кружках, от Гучкова до Милюкова, именно Михаилу Александровичу отводилась роль регента при малолетнем великом князе Алексее Николаевиче в случае отречения Николая II от престола. Тот обещал завтра же прибыть в город. Это было совсем нетрудно и не вызвало бы никаких подозрений. Предполагалось скоро отслужить панихиду в Петропавловском соборе по убитому народовольцами 1 марта 1881 года Александру II...

По ночному Петрограду разъезжали машины и кареты. Охранка передала полиции десятки адресов активных деятелей всех партий для их немедленного ареста. Всего был арестован за ночь 171 человек. Из большевиков были арестованы сестра Ленина А. И. Ульянова-Елизарова (с октября 1916 года находившаяся на свободе, но ожидавшая каждую неделю высылки) и Е. Д. Стасова, недавно вернувшаяся из ссылки. Обе они оказывали помощь Русскому бюро ЦК и выполняли его поручения. На явочной квартире на Большом Сампсониевском, 16, были арестованы три члена Петербургского комитета: А. К. Скороходов, А. Н. Винокуров, Э. К. Эйзеншмидт. Удалось предупредить о провале Чугурина, Шутко, Толмачева и Ганшина, направлявшихся на ту же квартиру для участия в заседании ПК. Они едва избежали ареста. Арестованных большевиков сразу же привезли на Мытнинскую набережную, 1, в охранку.

В градоначальство среди ночи прибыл министр внутренних дел Протопопов. Он выслушал доклады об арестах и объявил за ревностную службу всей столичной полиции благодарность.

А на квартире у князя Голицына на Моховой улице шло частное совещание нескольких министров. Они были растеряны, речи их противоречили друг другу. Предлагали позвать Родзянко, благо до его квартиры было

десять минут ходу. Но побоялись. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский и министр земледелия А. А. Ритих, наоборот, вызывались сами ехать на квартиру к Милюкову. Общее желание собравшихся — необходимость скорейшего компромисса с Думой. Решено было просить ее «употребить свой престиж для успокоения толпы». Голицын намекал, что в случае соглашения с Думой придется пожертвовать Протопоповым.

Лишь около 4—5 часов весь город заснул. А спустя полчаса в полковых цейхгаузах стали готовить патроны для раздачи солдатам, которые посылались в это утро в заставы. С 7 утра из казарм строем стали выходить дежурные роты, назначенные в караулы и заставы. Полиция и градоначальник изменили тактику. Сегодня решено было не охранять мосты, так как рабочие все равно обходили заставы по льду. Все силы войск и полиции сосредоточивались в центре города. В десятках мест Невский проспект перегородили заставы. Особенно сильная охрана была у Знаменской площади, у Казанского собора, в районе Садовой улицы и Гостиного двора. Все солдаты были с винтовками, на поясах — подсумки, полные обойм с патронами. Солдаты волновались. Передавался слух, что сегодня прикажут стрелять в народ.

Но на зимних улицах было пустынно. Вот уже 10 утра, 11, а в центре все еще не видно никаких демонстрантов. Протопопов поспешил отослать в ставку Воейкову для передачи царю успокоительную телеграмму: порядок восстановлен, забастовка кончилась!

Только около полудня на улицах стали появляться по-воскресному одетые люди. В отличие от предыдущих дней 26 февраля было морозно, на ясном голубом небе сияло солнце. Это усиливало праздничное настроение. Многие рабочие не стали приходить к своим предприятиям, а направились сразу в центр города к местам, которые стали привычными для сбора десятков тысяч людей: на Знаменскую площадь, к Казанскому собору, на Литейный и Невский проспекты. Всю дорогу, даже с самых дальних окраин, шли пешком. Рабочие и служащие городского трамвая, который 23 и 24 февраля подвергался нападениям со стороны демонстрантов, теперь сами забастовали.

Обстановка воскресного дня затрудняла управление массами даже в той весьма условной форме, в какой проявлялась она в первые три дня революции. Заводские организаторы, члены большевистских ячеек, яче-

ек других «социалистических» партий оказались разорванными. Часть была в своих районах, металась между заводами и домами рабочих, часть, также на свой страх и риск, двинулась к центру города. Что касается большевиков, то на свободе осталось только восемь членов ПК. Руководство всей деятельностью партии в Петрограде взяло на себя Русское бюро ЦК РСДРП(б). Но в нем было всего три человека да несколько добровольных помощников. Русское бюро ЦК поручило Выборгскому районному комитету РСДРП(б) вплоть до восстановления ПК осуществлять практическое руководство движением. Хотя сил было мало, но Чугурин, Шутко, Толмачев, Коряков, Афанасьев, Ганшин, Костина старались хоть в районе Выборгской стороны организовать часть рабочих и построить их в колонны. В значительной мере это им удалось. Сохраняли организованность и группы рабочих, прибывших из пригородов Петрограда — из Колпина (оттуда приехали рабочие Ижорского завода) и из Сестрорецка.

Несмотря на заставы, значительная масса народа прорвалась на Знаменскую площадь. Точно так же и на различных участках Невского массы рабочих и присоединившихся к ним горожан стояли перед воинскими заставами. Рабочие пели революционные песни. Над головами людей реяли красные флаги с надписями: «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Дайте хлеба!» Слышались возгласы: «Долой царя!», «Долой Николая!», «Хлеба и мира!» На Невском около 16 часов начались митинги. Казаки, патрули которых виднелись на проспекте, по-прежнему относились к участникам митингов и демонстраций нейтрально или дружелюбно. Среди праздничной толпы, а сегодня в ней было особенно много посторонней публики — гимназистов, студентов, служащих, женщин, — господствовало убеждение, что солдаты, как и в предыдущие дни, стрелять не будут...

Но в пятом часу офицеры стали требовать от участников демонстраций разойтись. Потом следовал сигнал рожком. Люди недоуменно и недоверчиво смотрели на солдат. Немногие, помнившие пятый год, громко закричали:

— Товарищи! Расходись! Сейчас стрелять будут!!

— Да нет! Не может быть! Солдаты — наши братья, они не будут стрелять, — слышались протестующие голоса.

Свист пуль над головами прорезал морозный воздух. Но толпа будто окаменела. Тогда дула винтовок опустились. Новая команда. Залп! Охнув, толпа метнулась назад. Люди бросались в подъезды и подворотни. На снегу оставались тела убитых. Корчились раненые.

Через некоторое время бледные лица стали высываться из укрытий. Самые смелые оттаскивали раненых и убитых. Солдаты недвижимо продолжали стоять в шеренгах. Они тупо глядели на дело рук своих. Только на Знаменской площади было убито и ранено 40 человек. На углу 1-й Рождественской и Суворовского — 10 убитых и несколько раненых. Еще десятки убитых и раненых были унесены рабочими и добровольцами-санитарами с угла Невского и Садовой, от Казанского собора.

Однако первое замешательство, которое овладело рабочими, вскоре прошло. За десятками осмелевших рабочих, снова вышедших на мостовые, потянулись сотни, потом тысячи. Перед солдатами опять были плотные толпы народа. Снова взметнулись вверх красные флаги, зазвучали революционные песни, громкая речь ораторов. Теперь они призывали к борьбе до конца, к мести царю-убийце и его верным «псам» — полицейским и жандармам. С укором обращались наиболее отчаянные к солдатам, стыдили их. Но снова зазвучали рожки на Невском. Люди не могли поверить этому. Неужели мало крови? Мало тех жертв, которые только что пали под залпами царских палачей. Послышались вызывающие крики из толпы. Рабочие кинулись к кучам льда, сколотого с мостовых. Лед и комья снега полетели в солдат. После предупредительных выстрелов вверх никто не расходился. Только прямые залпы в людей заставляли демонстрантов отступить и прятаться. Но ненадолго. Лишь после третьего, а то и четвертого-пятого залпов удавалось полностью рассеивать огромные скопления народа.

Только 4-я рота Павловского полка, расквартированная в зданиях Конюшенного ведомства, отказалась действовать против народа. Когда солдат стали выводить на Екатерининский канал, чтобы занять посты в заставах у Казанского собора, они решили не идти. Вскоре они увидели, как на канал выехал взвод конно-полицейской стражи. Солдаты открыли огонь по конным городовым. Один человек был убит, несколько ранено. Офицеры с трудом восстановили порядок. В начавшемся замешательстве 21 солдат с винтовками исчез. Остальных

немедленно вернули в казармы и заставили сдать оружие. После этого роту окружили и под угрозой общего предания военно-полевому суду заставили выдать «зачинщиков». Посоветовавшись, солдаты назвали 19 человек. Они немедленно были арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость для предания военно-полевому суду.

А исчезнувшие солдаты бежали в Михайловский сад, затем, построившись, они вышли на Инженерную и, перейдя мосты через Мойку и Лебяжью канавку, зашли в Летний сад. Там, у музыкальной раковины, они спрятались и стали ожидать темноты. Вскоре павловцы обнаружили по соседству еще несколько солдат, сбежавших из своих частей. С ними был офицер. Это был поручик Петров, фронтовик, георгиевский кавалер, только что прибывший в Петроград в отпуск. Он принял командование над этими первыми добровольцами революции. В это время с Марсова поля раздались выстрелы — командир Павловского полка послал учебную команду искать беглецов. Кто-то указал им на Летний сад. Боясь попасть в засаду, павловцы стали стрелять через Лебяжью канавку «просто так». И вдруг из сада тоже послышались винтовочные выстрелы. Пули засвистели над солдатами учебной команды. Они стали роптать и были тут же уведены прочь. А беглые павловцы под командой Петрова вскоре выскользнули из Летнего сада. Взломав парадную дверь одного из домов на соседней, Пантелеймоновской улице, они забрались на чердак и там заночевали.

На следующее утро перед рабочими встал вопрос о вооружении. Ни у кого не было сомнения, что надо вооружаться всеми доступными средствами, чтобы продолжать борьбу. Не было уныния и сожаления. Преобладали чувства озлобления и негодования. События дня были главной темой разговоров рабочих по пути домой. Среди соседей, на улицах, в трактирах и чайных — всюду говорили об одном: завтра надо собираться у своих заводов и снова выступать, идти на Невский с флагами, с песнями. Брать каждому любое оружие — то, что найдется. Из уст в уста передавались случаи удачных: стычек с полицейскими, отображения оружия и шашек. Говорили, что на Невском кто-то взорвал даже самодельную бомбу.

Пока же полиция и войска хозяйничали в центре города. Производились аресты подозрительных прохожих.

По требованию охраны полиция начала новую серию «ликвидаций». К ночи было арестовано уже 170 человек. Полиция окружила магазин Елисеева на углу Невского и Малой Садовой. Над магазином располагался театральный зал, где, по сведениям охраны, должно было состояться собрание «левых» с участием Керенского и адвоката, внефракционного социал-демократа Н. Д. Соколова. Целью собрания, по данным охраны, было «обсуждение вопроса о наилучшем использовании в революционных целях возникших беспорядков и дальнейшем планомерном руководительстве таковыми».

Что же касается лидеров буржуазной оппозиции, то только на фоне событий 26 февраля — упорных демонстраций, стычек с полицией, расстрелов безоружных демонстрантов — они начали проявлять активность чуть большую, чем в предыдущие дни. Однако по-прежнему они избегали вступать в какой-либо контакт с рабочими и их руководителями. Родзянко в ночь на 26-е побывал так у князя Голицына. Тот, с одной стороны, припугнул председателя Думы: показал готовый бланк указа царя о роспуске Государственной думы; туда всего лишь надо было вписать дату! Но, с другой стороны, предлагал и «мировую»: просил устроить совещание с участием лидеров фракций кадетов и октябристов в Думе — Милюкова и Савича, чтобы подействовать на забастовщиков. В. А. Маклаков встретился 26 февраля с министром иностранных дел Н. Н. Покровским. «Патриот Прогрессивного блока», как называл Маклакова лидер «прогрессивных националистов» В. В. Шульгин, предложил немедленно сменить правительство и назначить новых министров, что, может быть, успокоит народ. Но он при этом не шел далеко и не говорил об «ответственном министерстве» или правительстве доверия. Нет, он просил только обновить правительство назначением туда министров, не скомпрометированных распутинщиной, вроде А. А. Поливанова, А. В. Кривошеина, П. Н. Игнатьева с генералом М. В. Алексеевым во главе.

Пока велись эти переговоры, в Таврическом дворце шло непрерывное заседание бюро Прогрессивного блока. Несмотря на сопротивление Милюкова, все еще опасавшегося провокации и роспуска Думы, бюро «на всякий случай» обсудило список министров, если царь обратится к ним с предложением дать своих людей. Дележ шку-

ры неубитого медведя чрезвычайно взвинтил нервы всех участников совещания и тех, кто слонялся в те дни по кулуарам неработавшей Думы. В уголке буфета сошлись Керенский, Скобелев, В. А. Маклаков и Шульгин. Чуть заикаясь, Скобелев говорил:

— Ва-асилий А-алексеевич! Чего же вы ждете? Смотрите, что на улице делае-ется! Ведь скоро два года как Прогрессивный блок заявил претензию на власть. Сейчас самое время. Боритесь! Обратитесь к народу. Все вас поддержат. Рабочие прежде всего. Умоляйте царя, в конце ко-о-онцов! Блок должен добиться немедленной смены власти, правительства доверия. Иначе все полетим в та-ар-тарары!

— Что вы, Матвей Иванович! Господь с вами. Куда нам обращаться, кто нас послушает? Это все Милюков иллюзии питает, что убоится и к нему убегут. Никакого правительства доверия быть не может. Да и не надо. Тут нужны люди, опытные в делах государственного управления. Вы ведь не первый год в Думе. Знаете уже, чтобы нашей Россией-матушкой управлять, это надо стальные нервы иметь. Да и война!

— Вы что же, — вступил в разговор Керенский, — предлагаете оставить все по-старому?! Ведь это, простите, нонсенс! Кровь на улицах пролилась. Убийцы не могут оставаться у власти!

— Зачем же так, Александр Федорович? Зачем же убийц у власти оставлять? Надо нам толковых, честных бюрократов, с незапятнанной репутацией. Вот Поливанов, Кривошеин, Сазонов... Скажу вам по секрету, кое-что я уже предпринял в этом направлении.

— Нет, господин Маклаков, — жестко прервал его Керенский. — Боюсь, досточтимый Василий Алексеевич, что вы уже отстали от жизни. Не возьмете власть сегодня, завтра можете ее и не получить! Да-с. Пойдем, Матвей...

Родзянко, прослышав про царскую телеграмму и приготовления военных властей, поехал еще днем к Хабалову. Умолял отменить приказ о стрельбе. «Зачем кровь? — истерически вопрошал он Хабалова. — Новый пятый год вызовете!» Находившемуся тут же военному министру Беляеву Родзянко говорил: «Ну, разгоняйте, черт с вами, это дело ваше, приказ, наконец. Но не стреляйте! Вот я слышал, за границей брандспойты пожарные применяют. И вы давайте. Холодная вода, ей-ей, лучше горячей крови!» Но его не послушали, и он уехал ни с чем. Вечером

Родзянко показался в Думе. Он вызвал в свой кабинет Милюкова, Савича, беседовал с Шульгиным и Маклаковым. Родзянко предлагал направить царю коллективную телеграмму. Но все отказывались из осторожности. Тогда он сам решил отправить в ставку телеграмму следующего содержания:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

Копия телеграммы была отправлена из Таврического дворца главнокомандующим армий всех фронтов, чтобы они поддерживали председателя Думы в нажиме на императора. Телеграмма намеренно искажала картину событий в городе. Разруха и паралич правительства явно преувеличены. О стрельбе в народ сказано как о «беспорядочной» и скрыто, что объектом этой стрельбы были рабочие. Раздут факт перестрелки на Екатерининском канале. Родзянко допускал эти искажения вполне сознательно. Ибо цель их заключалась в требовании назначения новым главой правительства «лица, пользующегося доверием страны». Под этим лицом Родзянко понимал самого себя. И все же в одном Родзянко был, безусловно, прав: всякое промедление с политическим решением возникшего кризиса было подобно смерти для романовской монархии. Председатель Думы видел, что движения рабочих масс и городских низов направлены против самодержавия, против Николая II и всей династии Романовых. Он делал отчаянную попытку спасти монархию и спасти себя, спасти привилегии всего правящего класса России. Но и эта попытка оказалась бесплодной. Слишком далеко Могилев был от Петрограда. Слишком верил Николай II «поставленным от Нас властям», и только им. Тревога, охватившая царя поздно вечером 25 февраля, на следующий день поулеглась. А главное, от «подлежащих лиц» он получал совсем другие заверения. Поэтому он счел телеграмму Родзянко вздором, на которую не следует и отвечать. Напрасно Родзянко ждал ответа. Его не было ни из Могилева, ни от командующих фронтами.

Однако он получил новый удар от правительства. Если в ночь на 26-е правительство князя Голицына колебалось, склонно было к компромиссу с Думой, то к вечеру 26-го, после расстрела демонстраций, министры осмелели. Теперь они тоже решили не считаться с Думой. Тем более что вполне можно было ожидать неприятностей не только от оппозиций в лице трудовиков и меньшевиков, но и бюро Прогрессивного блока могло поставить правительству вопрос о стрельбе в народ. Поэтому в новых условиях работающая Дума стала бы помехой для правительства. Кто знает, на что еще придется пойти, чтобы справиться с движением. А тут эти болтуны! И поздно вечером 26 февраля князь Голицын позвонил Родзянко и зачитал ему царский указ о том, что занятия Государственной думы и Государственного совета прерывались и срок возобновления их назначался «не позднее апреля 1917 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». У Голицына было два подписанных царем бланка с разными формулировками: один — о полном роспуске Думы (им он грозил Родзянко накануне), а второй — о перерыве в работе Думы, прием, к которому власти прибегали много раз с осени 1915 года.

На ночном заседании правительства генерал Хабалов, бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков, бывший председатель совета министров А. Ф. Трепов (теперь представитель группы правых в Государственном совете), известный реакционер и крайний националист князь А. А. Ширинский-Шахматов предложили немедленно объявить перерыв в работе Думы, а еще лучше вовсе распустить ее под предлогом «чрезвычайных обстоятельств» и тотчас объявить Петроград на осадном положении. Тогда же Покровский и Риттих доложили о своих переговорах с представителями бюро Прогрессивного блока. Теперь, вечером 26 февраля, после одержанной на улицах Петрограда «победы», совет министров признал условия, выдвигавшиеся Родзянко и В. А. Маклаковым (призыв «лица, пользующегося доверием страны», для формирования нового правительства или формирования нового кабинета по почину самого царя из «честных бюрократов»), неприемлемыми и высказался за немедленный перерыв в работе законодательных учреждений. На соответствующем указе была проставлена дата «26 февраля 1917 года», и он был сообщен теперь Родзянко и председателю Государственного совета И. Г. Щегловитову.

Сам текст указа, не дожидаясь его официального опубликования, отправили с нарочным на квартиру Родзянко на Фурштадтской улице. Председатель Думы был возмущен подобным непочтительным отношением и тем, что его не вызвали предварительно для согласования сроков возобновления работы Думы. Он тут же позвонил поздно вечером председателям фракций кадетов и октябристов Милюкову и Савичу и просил их завтра, 27 февраля, прибыть в Думу пораньше. Надлежало не во вторник, а завтра же, в понедельник, созвать официальное заседание Думы, на котором довести до сведения ее членов царский указ.

Вечером 26 февраля подводило итоги революционное подполье. Надо сказать, что полицейские акции 25—26-го числа нанесли серьезный удар как большевистской организации, так и организациям «межрайонцев», левых эсеров, даже меньшевиков, включая оборонцев. Тем не менее многие революционеры были на свободе и действовали. Но в целом события 26 февраля отличались меньшей организованностью, чем 25-го. Это было вызвано условиями воскресного дня, небывалым обилием представителей всех, а особенно низших слоев городского населения, в массах демонстрантов в центре. Если 23—24 февраля его участниками были исключительно рабочие, а 25-го преимущественно рабочие, то 26-го на улицы вышли и другие городские слои народа. Это был показатель того, что мелкобуржуазная масса потянулась к политике. Даже крестьянство, переодетое в солдатские шинели, имело своих представителей среди демонстрантов. Ими были несколько тысяч солдат роты Павловского полка, отказавшиеся выступить против демонстрантов и открывшие огонь по конным городским. Среди добровольцев-санитаров на Невском были студенты, гимназисты, курсистки и даже профессиональные врачи. Хотя этот всенародный характер движения и радовал его руководителей, но он одновременно снижал уровень организованности, повышал стихийность. Вместе с тем он давал возможность большевикам заключать временные соглашения для борьбы с самодержавием с оружием в руках и с другими революционными организациями и партиями. Такие соглашения практически сложились на ряде предприятий 23—25 февраля, где создавались стачечные комитеты из представи-

телей разных партий. 25 февраля некоторые члены Русского бюро ЦК РСДРП(б) и ПК участвовали в совещаниях самого широкого представительства «социалистических партий». Это участие преследовало информационную цель. Но уже на них говорили о возможности создания в скором времени Петербургского Совета рабочих депутатов. Однако практически никакого единого центра для руководства движением не было создано.

Большевики оставались самой сильной, боевой и многочисленной руководящей силой подполья. Параллельно действовали и другие организации. Отдельно от них работали трудовая и меньшевистская фракции Государственной думы.

Совсем в стороне были фракции, объединившиеся в буржуазный Прогрессивный блок Государственной думы. Последний все еще отгораживался от революции. Мы знаем теперь, что ниточкой, втайне связывавшей большинство этих организаций, особенно легальных, было масонство. Но скоротечность событий Февральской революции, необходимость строжайшей конспирации, плохие коммуникации, опасность попасть в руки полиции — все это затрудняло действия его представителей 25 и особенно 26 февраля. К тому же масонство не имело никакого влияния на большевиков, самую значительную силу революционного подполья.

Еще 25 февраля ПК на заседании на явочной квартире (Кронверская улица, 5) выработал план вооруженного восстания, которое надлежало провести в случае дальнейшего удачного развития событий. В план входило издание листовки к солдатам с призывом встать на сторону народа, провести 26 февраля новый пленум ПК для выработки мер по «управлению уже возбужденными, но недостаточно еще организованными массами бастующих рабочих». С 27 февраля намечалось (в случае, если это подтвердит собрание 26 февраля) приступить к строительству баррикад в рабочих районах, к прекращению подачи электричества, отключению водопровода, телеграфа, созданию заводских комитетов на заводах и пр. В выработке плана участвовали Чугурин, Залуцкий, Ганшин, Скороходов. Участником совещания был провокатор Я. Я. Озол-Осис, казначей ПК. Он немедленно выдал охранке план, что, в частности, побудило полицию энергично охотиться за членами ПК 25—26 февраля 1917 года. В связи с аре-

стами заседание 26 февраля не состоялось, а руководство движением по поручению Русского бюро ЦК взял на себя Выборгский районный комитет.

Вечером 26 февраля в помещении Лутугинского народного университета на Полюстровском проспекте собрались члены Выборгского районного комитета с активистами своей организации. Они обсуждали события прошедшего дня. По мнению большинства, настроения рабочих были боевыми, преобладала решимость продолжать борьбу.

В это время в районе станции Удельная состоялось совещание членов Русского бюро ЦК РСДРП(б), ряда членов ПК, избежавших ареста, отдельных членов Выборгского районного комитета. Решено было завтра, в понедельник, отказаться от проведения мирной демонстрации и призвать рабочих к вооруженной борьбе с царским строем. Это решение было сообщено участникам совещания в Лутугинском университете. Большевики собирались возглавить новый этап борьбы рабочих с самодержавием.

Несмотря на многочисленные колебания в первые дни революции, вечером 26 февраля сходную позицию занял и Петроградский межрайонный комитет РСДРП. Он вступил в контакты с большевиками и со своей стороны также призвал рабочих к восстанию. 25 февраля с просьбой о присоединении обратились к «межрайонцам» и отдельные немногочисленные группы левых эсеров. Совместно они сумели выпустить три листовки к солдатам с призывом присоединиться к движению. 25 февраля определили свою позицию и анархисты. Они активно участвовали в стычках с полицией, стараясь заполучить в свои руки отобранные у полицейских револьверы и винтовки. Их боевики взорвали самодельную бомбу. Единую линию попытались выработать на совместном собрании большевики, «межрайонцы» и левые эсеры Василеостровского района утром 26 февраля. Они призвали закрыть в этот воскресный день места развлечений, а всех рабочих вызвать на улицы. Вечером 26 февраля «межрайонцы» подготовили текст листовки (она вышла уже днем 27-го), где говорилось о необходимости для рабочих захватить в свои руки телеграф, телефонную станцию, электростанции, вокзалы, Государственный банк, министерства, а также выбирать представителей для образования Временного революционного правительства. Так, вслед за большеви-

ками ряд наиболее решительных представителей революционного подполья также подходил к идее начала вооруженного восстания рабочих против царского строя. День 27 февраля должен был показать, смогут ли рабочие пойти за этими призывами. Однако рабочий класс города был еще практически безоружен. Кустарное производство оружия на заводах было не налажено, так как заводы стояли, а рабочие бастовали. Поэтому, прежде чем вести рабочих на вооруженную борьбу, необходимо было создать боевые дружины, вооружить хотя бы их. Эта работа еще только начиналась. В этих условиях было целесообразнее добиться перехода войск петроградского гарнизона на сторону рабочих.

Уличные беспорядки, свидетелями которых стали и представители стран Антанты и нейтральных государств в Петрограде, сильно встревожили их. Донесения платных и добровольных осведомителей английского, французского и итальянского послов были противоречивыми, но заставляли серьезно задуматься над судьбой царского строя. Часами дежурили сотрудники посольств в российском министерстве иностранных дел на Певческом мосту у Дворцовой площади, надеясь получить официальные комментарии по поводу событий. Но и сам министр иностранных дел Покровский был вовлечен в водоворот политических событий. 27 февраля, около часу ночи возвращаясь к себе домой на Французскую набережную, Морис Палеолог, посол Франции в Петрограде, встретил В. А. Маклакова. Эта беседа в час ночи на зимней пустынной улице не показалась странной ни тому, ни другому.

— Мсье Маклаков, как вы оцениваете ситуацию? Чего можно ждать в ближайшие дни? — спросил Палеолог.

— Знаете, господин посол, я многое повидал за эти дни, я видел свое призвание в том, чтобы не избегать никаких сфер, и думских, и правительственных, слушал я и то, что говорили сегодня рабочие на улицах. И вот что я вам скажу. Мы имеем дело с крупным политическим движением. Все слои общества измучены настоящим режимом. Если император не даст стране немедленно широких реформ, волнения могут перейти в восстание! А от восстания до революции — один шаг...

— Я совершенно с вами согласен. Боюсь, что Рома-

новы нашли в Протопопове фигуру, которая погубит их. Но, мсье Маклаков, если события будут развиваться скорым темпом, вам, кадетам, наверное, придется играть в них роль? Я умоляю вас, и прежде всего вас лично, Василий Алексеевич, не забывать тогда об элементарных обязанностях, которые налагает на Россию война.

— Что же, возможно, будет и так, — сказал Маклаков в задумчивости, — но, во всяком случае, на меня вы можете положиться!

В те же ночные часы Протопопов в своем кабинете в министерстве внутренних дел на Театральной улице трудился над сочинением очередной телеграммы в ставку, рисуя положение правительственного лагеря более прочным, чем оно было на самом деле. «Сегодня порядок в городе не нарушался до четырех часов дня, — сообщал Протопопов, — когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, не подчинявшаяся требованию разойтись. Ввиду сего возле городской думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там скопище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечениях Невского с Владимирским проспектом и Садовой улицей, причем во всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска камнями, комями сколотого на улицах льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть к стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые и раненые, большую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. В начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разъезды. Войска действовали ревностно, исключение составляет самостоятельный выход четвертой, эвакуированной роты Павловского полка, сыгравший значительную роль в разворачивающихся событиях. Охранным отделением арестованы 30 посторонних лиц в помещении группы Центрального Военно-промышленного комитета и 136 партийных деятелей, а также революционный руководящий коллектив из пяти лиц. Моему соглашению командующим войсками контроль распределением, выпечкою хлеба, также учетом

использования муки возлагается на заведующего продовольствием империи Ковалевского. Надеюсь, будет польза. Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам. Москве спокойно. М. В. Д. Протопопов». Эта телеграмма была отправлена из Петербурга в ставку дворцовому коменданту Воейкову в 4 часа 20 минут 27 февраля 1917 года.

ВОССТАНИЕ НАЧАЛОСЬ

Да, войска петроградского гарнизона действовали на улицах города 26 февраля «ревностно». Тут Протопопов был прав. Но каковы же оказались последствия этого ревностного исполнения приказов о стрельбе в народ? Неожиданными и катастрофическими для судьбы царского строя. Необходимость стрелять в своих, в соотечественников, моральные муки и колебания, которые испытал почти каждый солдат, участвовавший в расправе, кровь, пролитая руками солдат, кровь русских людей — все это сильно подействовало на участников войсковых застав и постов, которым пришлось выполнять приказы о стрельбе. Ни обильная в этот день пища в казармах, ни порции водки, розданные в некоторых частях, не могли заглушить чувство вины, голос совести, который нашептывал каждому солдату, что тот поступил нехорошо, не «по-христиански», как Каин...

Это были уже не те солдаты, которые усмиряли в 1905 году вооруженные восстания в Москве и других городах. Тогда семеновцы состояли из набранных из глухих деревень крестьян, которых в течение четырех лет оболванивали верноподданнической «словесностью», многочасовой ежедневной муштрой, жесточайшей палочной дисциплиной. Здесь же были люди, лишь несколько месяцев назад оторванные от своего повседневного крестьянского и городского труда, многие из них были уже немолодые — с жизненным опытом, с недоверием к царской власти. Кроме того, в каждом запасном батальоне имелась 4-я рота из «эвакуированных» солдат, то есть тех, кто уже побывал на фронте, но был ранен, контужен или находился в кратковременном отпуске. «Эвакуированные» уже повидали фронт, понюхали пороху. Часто это были наиболее революционно настроенные по отношению к самодержа-

вию элементы, с воинской дисциплиной у них было хуже всех. Именно «эвакуированные» подняли бунт в Павловском полку.

Но в каждом запасном батальоне имелся и антипод четвертой роте — «учебная команда». В этой команде готовились по особой программе унтер-офицеры из солдат. Здесь, напротив, дисциплина была самая строжайшая. Но те, из которых готовили младших командиров царской армии, были люди, также лишь недавно призванные на службу. «Учебные команды» особенно четко выполняли 26 февраля все приказы. Потому чувства раскаяния и вины у солдат «учебных команд» были наиболее сильными. Во многих казармах после отбоя солдаты не могли заснуть, переговаривались, обсуждали прошедший день. Находились среди солдат и большевики, но их было мало. Тем не менее каждый из них вел активную пропаганду. Возбуждение нарастало. И вот, не зажигая света, они стали сходиться и решать, как бы завтра выразить свой протест¹. И решили: как только их командир, штабс-капитан Лашкевич, придет завтра утром на построение команды и поздоровается с ними, отвечать ему не обычным «здравия желаем!», а криком «ура!». Эта договоренность была заключена между старшим унтер-офицером Кирпичниковым и взводным. (О другом они потом не рассказывали. Стояли на том, что сговорились только на этой в общем-то невинной проделке. Конечно, в марте 1917 года солдаты еще боялись, что, если вернется царская власть, тогда всех их предадут военному суду за организацию такого невиданного солдатского бунта. Несомненно, сговор не кончился на решении прокричать «ура!».)

Когда в начале седьмого часа утра 27 февраля командир «учебной команды» запасного батальона гвардии Павловского полка штабс-капитан Лашкевич построил солдат и поздоровался с ними, раздался нестройный крик «ура!». Лашкевич заподозрил недоброе. Он быстро повернулся и пошел от строя. Тут раздался выстрел. Лашкевич упал, пораженный в спину.

---

¹ Впоследствии, когда все уже совершилось и Союз офицеров-республиканцев старался выяснить, кто же все-таки подал мысль в Волинском полку о неподчинении офицерам и о восстании, то назвались шесть человек, каждый из которых утверждал, что это он. Но потом сами солдаты-волинцы, переговорив между собой, указали на старшего унтер-офицера Тимофея Кирпичникова как на «зачинщика» событий в «учебной команде» полка.

Кто стрелял, выяснить не удалось. В возникшей суматохе был убит еще один младший офицер. Все 600 человек солдат «учебной команды» бросились в полковой цейхгауз. Они разобрали винтовки с патронами и выскочили на улицу. Стреляя в воздух, солдаты побежали по Парадной улице, а затем по Кирочной. Они ворвались в расположение Литовского полка и призвали солдат присоединиться к ним. Следуя дальше по Кирочной, к волынкам и литовцам присоединилась одна из рот запасного батальона Преображенского полка. К 7 часам утра общее количество восставших солдат и унтер-офицеров достигло 25 тысяч человек.

У них не было никакой программы. Они только были против стрельбы в народ и против офицеров и всех властей, заставивших их это делать вчера. Тем самым они были и против царской власти. Но это они поняли не сразу. И тут пришла новая идея: надо идти к рабочим! Ведь это их заставляло разгонять начальство, в них стрелять. Значит, рабочие знают, что делать, как бороться. Рабочие были на Выборгской стороне. Следовательно, надо бежать на Литейный проспект, а по нему через Александровский мост на Выборгскую сторону. И огромная масса солдат по трем параллельным улицам — Кирочной, Фурштадтской, Сергиевской — метнулась к Литейному проспекту. Вскоре солдаты побежали и по четвертой — Захарьевской. На Кирочной около Спасо-Преображенского собора они ворвались еще в казармы запасного саперного батальона. Через двадцать минут и саперы пополнили восставшую массу солдат. Для успеха и быстрого развертывания солдатского восстания огромное значение имело то, что около 30 тысяч солдат были сконцентрированы в казармах, расположенных практически по соседству — по Парадной и Кирочной улицам.

По мере продвижения к Литейному проспекту движение приобретало все более антиправительственную окраску. Солдаты стреляли в воздух, слышались крики: «Долой царя!», «Да здравствует республика!», «Ура!» Из домов выбегали люди и присоединялись к толпе солдат. Член Государственной думы Владимир Николаевич Львов в восемь часов утра был разбужен криками, доносившимися с Захарьевской улицы, на которой он жил. Львов увидел, что вся улица заполнена солдатами с винтовками, которые быстро шли по направлению к Литейному. Между тем восставшие сол-

даты выходили уже на проспект. Вместе с саперами волынцы присоединили также одну артиллерийскую часть, которая на руках выкатила несколько пушек на Литейный и поставила их дулами в обе стороны проспекта. Но главные события разыгрались между Сергиевской и Шпалерной улицами. Тут солдаты наконец соединились с рабочими. Это были рабочие Петроградского орудийного завода и гильзового отдела Петроградского патронного завода. Оба завода занимали старинное здание, раскинувшееся на целый квартал по Литейному проспекту между вышеуказанными улицами. Перед воротами завода шел митинг. Видны были красные флаги с надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!» Солдаты присоединились к митингу. Теперь у революции появилась своя вооруженная сила. Пусть еще слабо организованная, но уже сила. Это тотчас почувствовали царские власти. Как раз напротив Орудийного завода находился окружной суд. И первый призыв к действию прозвучал:

— Товарищи! Братцы! Захватим суд, где десятки лет судили революционеров. Уничтожим это гнездо царского произвола!

Вскоре были не только разбиты двери, взломаны замки, но и подожжено само здание. Десятки тысяч судебных дел запылали. Черный дым повалил из разбитых окон, а затем плотным столбом стал подниматься к небу. Пожар окружного суда стал символом восстания, факелом, зовущим к дальнейшей борьбе.

К зданию окружного суда по Захарьевской и Шпалерной вплотную примыкал дом предварительного заключения, тюрьма для подсудимых. Большевики, а также члены других партий и случайные ораторы (а в то утро на Литейном появился даже Г. С. Хрусталева-Носарь — журналист Носарь, избранный в Петербургский Совет 1905 года по документам рабочего Хрусталева и ставший председателем Совета, а потом отошедший от политической деятельности. Так вот, Хрусталева-Носарь, тоже призывал жечь окружной суд и идти на дом предварительного заключения) повели туда солдат и рабочих. Они стали штурмовать ворота тюрьмы с обеих улиц и вскоре добились, чтобы их открыли.

Солдаты и рабочие освободили заключенных, среди которых было немало членов революционных партий, арестованных в последние дни. Они с радостью привет-

ствовали своих освободителей и тотчас влились в ряды восставших. Они стали звать солдат перейти на Выборгскую сторону и соединиться с рабочими этого района. На Выборгской рабочие утренней смены в подавляющем большинстве своем к работе не приступили. Всюду состоялись митинги и собрания, на которых большевики и представители других подпольных партий призывали рабочих продолжать войну с самодержавием.

Громили оружейные магазины и склады, отнимали оружие у полицейских. Среди участников митингов появились уже рабочие, вооруженные охотничьими ружьями, револьверами и даже казенными трехлинейками, полученными от солдат. Под охраной вооруженных рабочих демонстрации с Сампсониевского и Безбородкинского проспектов потянулись к Финляндскому вокзалу. Вскоре вокзал, прилегающие к нему улицы и площадь перед вокзалом оказались забитыми десятками тысяч рабочих. Так Выборгская сторона превратилась во второй центр восстания 27 февраля 1917 года. Лишь подступы к Александровскому мосту охранялись усиленными нарядами конной полиции и мощной заставой солдат запасного батальона гвардии Московского полка с пулеметами. На Петроградской стороне большая толпа жителей города собралась у входа на Троицкий мост. Но тут их сдерживала сильная воинская застава. Как и у Александровского моста, толпа опасалась напирать на заставы, так как участники демонстраций по опыту вчерашнего дня не хотели нести напрасные жертвы. Вышли на улицы также рабочие Нарвского, Петергофского, Александро-Невского, Невского и других пролетарских районов столицы. Революция продолжалась.

Солдаты и рабочие Орудийного и Патронного заводов, увлеченные речами партийных агитаторов, двинулись плотной массой от Шпалерной улицы к Александровскому (Литейному) мосту. Полицейская застава, которая наблюдала за происходящим с левого берега реки, разбежалась. Солдаты и рабочие беспрепятственно взойшли на мост. Вот пройдено сто метров, двести. За горбом моста стали видны солдаты Московского полка. Донеслись звуки какой-то команды, и передние демонстранты увидели, как улеглись пулеметчики. Но замедлить свой ход огромная масса демонстрантов уже не могла. По крайней мере, 30—35 тысяч людей

шли в этой колонне, сжатой перилами моста. Расстояние между головой колонны и заставой неумолимо сокращалось с каждым шагом. Вдруг пулеметчики вскочили с земли и стали растаскивать пулеметы в стороны, освобождая проход. Офицеры надрывались, кричали, размахивали обнаженными шашками. Но солдаты-москвичи не слышали их. Они смотрели на колонну демонстрантов, подошедшую совсем близко, на петлицы волынцев, грозно наступавших в первых рядах прямо на них. Солдаты разбежались, и под крики «ура!» огромная толпа врзалась, как утюг, в заставу Московского полка, прижала ее к перилам и захватила с собой. Путь на Выборгскую сторону был открыт!

У Финляндского вокзала и прилегающих к нему улиц ядро восставших солдат Волинского и Литовского полков, запасного саперного батальона соединилось с рабочими Выборгской стороны, находившимися под значительным влиянием большевиков. При поддержке волынцев рабочие по призыву М. И. Калинина установили полный контроль над Финляндским вокзалом. На Выборгской среди рабочих были И. Д. Чугурин, Ф. З. Евсеев, И. А. Рахья, А. П. Тайми и многие другие большевики. Солдаты приветствовали лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!», написанные на маленьких, наспех сделанных знаменах. Но они сдержанно относились к выставленному большевиками лозунгу «Долой войну», поскольку он казался им противоречащим данной уже воинской присяге. С присоединением солдат общедемократический, всенародный характер движения постепенно стал более заметным. Многие участники событий 27 февраля, захваченные стихийной ненавистью к угнетателям, к царскому строю, не имели четкого понятия о том, чем заменить царское правительство, если его удастся свергнуть.

Лишь большевики по-прежнему принципиально проводили свою линию по всем этим вопросам. Утром 27 февраля на собрании членов ПК на Петроградской стороне был составлен текст листовки к рабочим с призывом продолжать борьбу. «Необходимо свергнуть эту власть, — говорилось в листовке, — настало время решительной борьбы! Всеобщая всероссийская стачка — наше главное оружие. Для борьбы с конными и пешими палачами народа нам должны помочь наши друзья всех родов оружия. Пусть солдаты, наши братья и дети,

идут в наши ряды с оружием в руках. Тогда пробьет последний час романовской монархии!» Большевики правильно указывали на необходимость присоединения армии к рабочему движению как следующий этап революции. Но когда эта листовка вышла, переход огромной массы солдат на сторону революции стал уже фактом.

Большевики старались закрепиться на Финляндском вокзале, сделать его центром восставшего народа. Спешно была выпущена листовка, размноженная на гектографе. В ней говорилось:

«Настал желанный час. Народ берет власть в свои руки. Революция началась. Не теряйте ни минуты времени, создайте сегодня же Временное революционное правительство. Только организация может укрепить нашу силу. Прежде всего выбирайте депутатов, пусть они свяжутся между собой. Пусть под защитой войска создастся Совет депутатов.

Крепкой связью вы присоедините к себе остальных солдат. Идите к казармам, зовите остальных. Пусть Финляндский вокзал будет центром, куда соберется революционный штаб. Захватывайте все здания, которые могут послужить опорой для вашей борьбы.

Товарищи солдаты и рабочие! Выбирайте депутатов, связывайтесь между собой. К организации для победы над самодержавием. Организуйте Совет рабочих депутатов».

Часть солдат осталась на вокзале. Но большая часть гораздо активнее отозвалась на призыв развить восстание дальше: захватывать здания, идти к казармам других воинских частей. Поэтому разделились на два потока. Один из них двинулся по Арсенальной набережной к тюрьме «Кресты», а другой — по Нижегородской, Боткинской и на Сампсониевский проспект в направлении казарм гвардии Московского полка. Солдатам особенно не терпелось присоединить к себе москвичей, застава которых встречала их на Литейном проспекте. Этот поток, в котором по мере продвижения становилось все больше рабочих, так как шли они по главной пролетарской артерии 1-го Выборгского участка, достиг местного полицейского участка, который 25 февраля уже брали один раз молодые рабочие и солдаты-волынцы. В участке было обнаружено несколько десятков револьверов, патроны, несколько винтовок. Это оружие пошло на вооружение дружинников.

Вскоре забастовщики были у казарм Московского полка, широким прямоугольником из десятков зданий раскинувшихся между Сампсониевским проспектом, Литовской улицей и Лесным проспектом. Восставшие взломали ворота, и все находившиеся в казармах солдаты-москвичи с оружием в руках присоединились к ним. Дальше демонстранты двинулись по проспекту, но у казарм 1-го Самокатного батальона наткнулись на вооруженный отпор. Оставив наблюдателей, толпа отхлынула и повернула на Гренадерский мост через Большую Невку. Сразу же за мостом (он не охранялся) находились казармы Гренадерского полка. Солдаты-гренадеры с восторгом присоединились к восставшим. Теперь революционные силы неудержимо растекались по Петроградской стороне. В их составе были солдаты шести воинских частей, перешедших на сторону народа, а также много рабочих заводов 1-го Выборгского участка, к которым примкнули теперь и десятки тысяч рабочих Петроградского района. Постепенно они вышли к Каменноостровскому проспекту и по нему двинулись к Троицкому мосту. Там они во второй половине дня смяли заставу у моста и открыли движение в центральную часть города и по Троицкому мосту. Лишь Петропавловская крепость безмолвно стояла с закрытыми воротами. Солдаты крепостного гарнизона пока отказывались вступать в контакты с восставшими.

Другой поток солдат и рабочих двинулся к тюрьме «Кресты». Вскоре около 20 тысяч рабочих и солдат расположились вдоль красного кирпичного забора тюрьмы. Основные силы, естественно, были у ворот. Стража отказывалась открыть ворота тюрьмы, где в это время находилось 2400 человек (из них несколько сотен политических заключенных). Солдаты настойчиво барабанили в ворота. Оттуда слышались выстрелы. Это взвинтило настроение толпы. Слегка отступив, солдаты стали стрелять по воротам из винтовок, стремясь попасть в замки и сбить их. Слышались вопли и стоны раненых. Ворота медленно открылись, и людской поток устремился вперед. Восставшие заполнили тюремные дворы и заставляли надзирателей открывать двери корпусов и камер. Через несколько минут все две тысячи с лишним заключенных оказались на свободе. Слышались крики «ура!». Солдаты обнимали и целовали всех без разбора. Но если уголовники старались поско-

рее улизнуть, то освобожденные политические заключенные тут же устроили митинг.

Но получилось так, что инициативу в этом митинге захватили меньшевики-оборонцы, члены Рабочей группы при ЦВПК, арестованные еще в конце января 1917 года. И раньше они плелись в хвосте либеральной буржуазии. Да и теперь, не поняв перемен, которые произошли, стали агитировать за поддержку Государственной думы. Кузьма Гвоздев, посаженный в «Кресты» только 26 февраля, обращался к народу, собравшемуся у тюрьмы:

— Товарищи! Большое русское спасибо вам, воины, защитники нашего отечества, за то, что вы освободили нас. Спасибо и вам, дорогие мои братцы рабочие, что вы не оставили нас, своих братьев, гнить в царской тюрьме. То, что вы делаете, будет способствовать возрождению нашей родины, которая напрягает все силы в борьбе со страшным врагом, германским хищником, германским милитаризмом! Но берегитесь остаться одинокими, остаться изолированными. В этой борьбе у нас есть добрый союзник, который представляет хоть и цензурную общественность, но вместе с нами борется против отжившего режима Николая Кровавого. Этот союзник, товарищи, Государственная дума! Только что мне сказали, что царские опричники распустили Государственную думу с сегодняшнего дня. Даже в ней правительство видит своего врага. В этом учреждении, где заседают представители всех слоев и классов земли русской. Я призываю вас, дорогие товарищи, проявить солидарность с Государственной думой перед лицом защитников царского строя. Давайте все вместе пойдем прямо сейчас к Таврическому дворцу. Давайте дружно скажем вместе все: будьте с нами, народные избранники! Мы за вас, будьте и вы за нас. Все вместе добьемся победы. В единении сила!

— Ура-а-а! — разнеслось по набережной.

Солдатам понравился и сам Гвоздев, и его призыв. Хотя в толпе слышались протестующие возгласы большевиков, общее настроение митинга, на котором преобладали солдаты, повернулось в сторону поддержки предложения лидеров Рабочей группы при ЦВПК. Ведомые К. А. Гвоздевым и Б. О. Богдановым, а также другими меньшевиками, членами Рабочей группы при ЦВПК, солдаты повернули от «Крестов» к Литейному мосту обратно. За ними, увлеченные общим потоком,

потянулись и другие участники этого митинга, в том числе рабочие. Вскоре двадцатитысячная толпа вытянулась по всей Арсенальной набережной, затем перешла Александровский мост и завернула на Шпалерную, направляясь к Таврическому дворцу. Они шли, занимая всю ширину улицы, в восторженном и радостном настроении. Полиции уже не было видно. Весь Литейный проспект был запружен народом. Десятки тысяч людей, как замороженные, смотрели на пылающий окружной суд. Здание теперь горело на все свои три этажа. Огромный столб черного дыма подымался к небу. Хлопья сажи и сгоревшей бумаги плавали в нагретом воздухе. Снег на тротуарах около здания стоял, и грязная вода стекала на проезжую часть. С треском обрушивались сгоревшие балки перекрытий, снопы искр вылетали из оконных проемов.

Солдаты радостно хохотали, глядя на пожар. В свою очередь, тысячи людей из толпы, стоявшей близ окружного суда, увидев процессию с меньшевиками-оборонцами во главе, присоединялись к ней. Реяли над толпой красные флаги, слышались революционные песни. Оборонцам казалось, что с запозданием на две недели исполнился их замысел привести к Государственной думе шествие рабочих для демонстрации солидарности с буржуазными либералами из Государственной думы. А тут еще и солдаты! Те были очень довольны. Теперь у них будет влиятельный защитник. Оказывается, они Думу защищали, с ней были солидарны. Поэтому военное начальство их тронуть не посмеет и никакого наказания за «бунт» не будет...

После 10 часов утра собрались руководители фракций, члены совета старейшин Думы, рядовые депутаты. Все они были встревожены слухами с улицы, сбиты с толку, терялись в догадках. Лишь немногие, как, например, Львов, видели что-то собственными глазами. Милюков, скажем, буквально проспал начало событий, хотя жил прямо рядом с казармами Волынского полка. О том, что полк «взбунтовался», лидер Прогрессивного блока узнал от дворника, который счел своим долгом сообщить ему столь важную новость и разбудил. Подойдя к окну, Милюков увидел открытые ворота казарм, около них солдат без папах, в расстегнутых шинелях, приветствующую их небольшую толпу. Значи-

тельная часть солдат уже давно покинула казармы и находилась на Литейном проспекте. Милюков быстро оделся и в сопровождении жены пошел в Таврический дворец. Парадная улица, по которой три часа назад прошли восставшие волынцы, теперь была пуста, но со стороны Литейного доносились отдельные выстрелы. Малолюдно было и на Кирочной, и на Таврической. По пути Милюков все время мучился сомнениями: что происходит? Чьих рук это дело? Все казалось ему странным и нереальным. То ли это германские агенты мутят воду? Но неужели они добрались и до петроградского гарнизона? Это было бы ужасно! То ли это агенты охраны? И все это затея Протопопова, чтобы уничтожить Прогрессивный блок и его, Милюкова, в первую очередь? Он бы еще понял, если бы это исходило от гучковского кружка, который планировал свой военный переворот. Но нет, даже вчера ничего не было слышно о гучковской аванюре. Или все это произошло стихийно? Во всяком случае, не надо торопиться, необходимо выждать, пока ситуация не прояснится.

С Петроградской стороны, с Большой Дворянской шли в Думу Шульгин и Шингарев. Они предъявили свои билеты командиру воинской заставы на Троицком мосту, и он беспрепятственно пропустил их. Они уже знали, что вчера подписан указ о перерыве в работе законодательных учреждений.

— Знаете что, Василий Витальевич, — говорил Шингарев, — я ведь до сегодняшнего утра, до последней, можно сказать, минуты надеялся. Ну, вдруг просветит господь бог. Ну, вдруг уступят, поймут... Так нет! Не осенило. Распустили Думу. А ведь смотрите, это же был последний момент, последний срок. Согласие с Думой, какая она ни на есть — это ведь была последняя возможность избежать революции.

— А вы думаете, Андрей Иванович, началась революция?

— Похоже на то...

— Так ведь это конец!

— Как сказать, может, конец, а может, и начало?

— Нет, вот в это я не верю. Если началась революция — это конец, конец нашей России!

— Может быть, вы и правы. Если не верить в чудо. А вдруг будет чудо? Во всяком случае, Дума стояла между властью и революцией. Раз нас долой, раз нам

по шапке, значит, им самим придется стать лицом к лицу с улицей.

Собравшиеся члены Думы обменивались тревожными новостями: знали уже, что на Выборгской стороне восставшими рабочими занят вокзал, что там идут какие-то «выборы», что «взбунтовались» четыре полка. что ловят и убивают полицейских, начались пожары. Еще до 11 часов состоялось заседание бюро Прогрессивного блока, но ввиду разногласий никаких решений не было принято. Тогда Родзянко созвал совет старейшин. На нем также проявились острые разногласия. Массонское ядро — Некрасов, Ефремов, Чхеидзе, Керенский — предлагало, чтобы Дума не подчинилась царскому указу о перерыве в ее работе до апреля, а официально продолжала бы свою сессию. Но для большинства представителей фракций и для самого Родзянко такое предложение было неприемлемо и невыполнимо. В результате было принято компромиссное решение, по которому совет старейшин предлагал Государственной думе не расходиться, а всем депутатам оставаться на своих местах. Основным лозунгом момента, говорилось далее, «является упразднение старой власти и замена ее новой». В осуществлении этой задачи Государственная дума должна была принять живейшее участие. Но «для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие». Таким образом, даже здесь Дума протягивала руку старой власти и обещала восстановить спокойствие и порядок. Резолюция, принятая советом старейшин, могла иметь силу лишь после ее официального одобрения членами Думы на своем официальном заседании.

Около 12 часов дня Родзянко принесли телеграммы от главнокомандующих Юго-Западного фронта А. А. Брусилова и Северного фронта Н. В. Рузского, в которых говорилось, что они присоединились к предыдущей телеграмме Родзянко от 26 февраля и «свой долг перед Родиной и Царем» исполнили. Это означало, что, по крайней мере, два высших военных начальника присоединились к просьбе председателя Государственной думы о смене старого правительства и о призыве к власти «лица, облеченного доверием страны», то есть Родзянко. Затем пришло известие, что к восставшим рабочим и солдатам присоединился запасный батальон гвардии Кексгольмского полка. Это говорило о том, что очаг восстания переброшен в другую часть

центра. И действительно, вскоре кексгольмцы вместе с подошедшими рабочими Путиловского завода взяли штурмом еще одну мрачную петроградскую тюрьму — Литовский замок на берегу Крюкова канала. Все заключенные были выпущены, а само здание подожжено. Казармы Кексгольмского полка располагались рядом с Центральным телеграфом и почтамтом. Недалеко было от них и до Мариинского дворца, резиденции царского совета министров. Это еще больше обострило обстановку. Из «Крестов» в Думу сообщили, что солдаты взяли приступом эту самую большую петроградскую тюрьму и сейчас освобождают всех заключенных. Затем сообщили и о том, что выпущенные политзаключенные призывают толпу идти к Таврическому дворцу.

Тогда Родзянко после краткого раздумья решил послать царю в ставку вторую телеграмму. В ней он общал Николаю II, что правительство совершенно бессильно подавить беспорядки и «на войска гарнизона надежды нет». Запасные батальоны гвардейских полков «охвачены бунтом», убивают офицеров и присоединяются «к толпе и народному движению». Председатель Думы делал вывод о том, что «гражданская война горит и разгорается». Он умолял отменить указ о перерыве в работе законодательных учреждений и созвать их немедленно снова.

Около часу дня Родзянко сообщили, что его желает видеть «делегация солдат восставших полков». Кто организовал эту делегацию, кого она представляла, истории пока не выяснили. Во всяком случае, это были не те солдаты, которые восстали утром и сейчас находились в разных местах города. Делегация пришла, чтобы осведомиться о «позиции, занятой народными представителями». Родзянко дал им текст резолюции совета старейших Думы, копию своих телеграмм в ставку, ответы генералов Брусилова и Рузского. И хотя последняя телеграмма царю была передана солдатам в несколько отредактированном виде («Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии»), они могли сделать вывод, что Дума требует от царя только смены правительства. Члены Думы хотели отставки старого правительства и назначения нового, «правительства доверия страны». Вопрос о монархии, о свержении Николая II этими документами не ставился. Более того, Дума умоляла царя

немедленно сменить правительство именно для того, чтобы сохранить монархию и самого Николая II на троне.

Едва делегация ушла, как Родзянко позвали к телефону. Звонил глава царского правительства, князь Голицын. Он сказал председателю Думы, что подал в отставку. А совсем скоро распространился в кулуарах Таврического дворца слух, что все министры уже подали в отставку, кроме Протопопова. Во фракциях Думы шла лихорадочная работа. Обсуждали постановление совета старейших, предлагали свои проекты. В эти же минуты огромная масса солдат, рабочих и горожан подходила к Таврическому дворцу...

Воинский караул высыпал перед портиком дворца. Взяв винтовки наперевес, солдаты не пускали прибывших в Думу. К толпе вышли «левые» депутаты — Чхедидзе, Керенский, Скобелев. На ступенях дворца начался митинг. Большевики и эсеры воздавали должное восставшим солдатам, но тут же призывали к организованности, порядку и дисциплине. Они обещали, что будут в Думе защищать интересы рабочих и солдат. Но огромная масса волновалась. Солдаты и рабочие, уже ощущавшие себя хозяевами положения, теперь пожелали сами посмотреть на то, что делается в Государственной думе, раз уж они сюда пришли. Они стали требовать, чтобы их пустили внутрь. Караул отказывался. Назревал взрыв.

Тогда Керенский выступил вперед. Обращаясь к первым двум десяткам волынцев во главе с Кирпичниковым, он закричал:

— Революционные солдаты! Я от имени народных представителей назначаю вас новым народным караулом Государственной думы! Старый караул! Слушай мою команду! Сдать пост новому народному караулу!

Послышался рев восторга. Огромная масса солдат и рабочих «влилась» во дворец. Вместе с ними вошли и меньшевики, члены Рабочей группы ЦВПК, сотни журналистов, тысячи любопытных. «Левые» депутаты Думы и прибывшие члены «социалистических» партий заняли почту и телеграф Думы, поставив посты революционных солдат, установили контроль за телефонными аппаратами. Таврический дворец перешел под контроль восставших. Это стало еще одной победой восстания.

Таврический дворец был занят восставшими 27 февраля около двух часов дня. Буквально с каждой минутой стечение многих обстоятельств, случайных и закономерных, поставило Таврический дворец в центр всей Февральской революции. В утренние часы в качестве такого центра большевики справедливо выдвинули Финляндский вокзал. И он действительно сыграл такую роль в начале восстания. Здесь соединились рабочие Выборгской стороны и восставшие солдаты из центра города, проходил огромный митинг, звучали призывы к продолжению борьбы, шла бойкая агитация среди солдат. Большевики хотели создать там Совет рабочих и солдатских депутатов. Но призыв к расширению восстания был воспринят как более подходящий и настоятельный, чем призыв оставаться на вокзале в качестве оплота революционного центра. И десятки тысяч солдат и рабочих покинули Финляндский вокзал. Ушли вместе с массами многие большевики — организаторы и агитаторы. Когда же стало известно, что после взятия «Крестов» меньшевикам-оборонцам удалось повернуть огромную массу народа для похода к Государственной думе, часть большевиков была вынуждена присоединиться к этой колонне, чтобы не остаться за бортом движения. Финляндский вокзал, оставшийся под защитой караула, опустел...

Значение Таврического дворца как центра революции быстро возрастало. Сюда пришло огромное количество солдат, которые сразу же стали рассматривать залы и коридоры огромного помещения как свое временное пристанище, поскольку о возвращении в казармы они не хотели и помышлять. Здесь собрались известные в те дни руководители мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, как находившиеся на легальном положении, так и только что выпущенные из тюрьмы. Поминутно росло и число журналистов и служащих, считавших себя революционерами в душе или даже состоявших когда-то в революционных партиях, но потом прекративших эту деятельность.

Солдаты при прямой поддержке вооруженных рабочих захватили средства связи Государственной думы — почту, телеграф, телефон, служащие которых восторженно объявили о своем переходе на сторону революции. Вскоре был захвачен и «министерский павильон». Он

также имел дополнительные средства связи. Революционеры получили множительную технику Государственной думы: пишущие машины, ротаторы, шапирографы и прочее.

Наконец, нельзя забывать и о значении самой Государственной думы, которая, во всяком случае с 1915 года, завоевала в глазах весьма широких слоев народа, не только буржуазии и городского населения, но и в глазах мелкобуржуазной части населения — крестьян, солдат, городских низов и даже части рабочих — определенный авторитет своей критикой царского правительства. Свою роль сыграло и то, что тех солдат и рабочих, которые заняли Государственную думу в силу случая, возглавили не большевики, а меньшевики-оборонцы, сами по себе склонные к оглядке на Думу, к проведению политики соглашательства с вождями буржуазии. Все это предопределило образование в Таврическом дворце двух центров по руководству переворотом и революционным движением, которые были организованы в первые же часы после занятия его восставшими солдатами и рабочими, заполнившими фойе и коридоры дворца, Екатерининский зал, хоры.

Но Белый зал заседаний и находившийся за ним Полуциркульный зал, а также кабинет председателя Думы оставались свободными. Родзянко решил, что больше уклоняться от вмешательства в события у Государственной думы просто нет возможности. Подчеркивая неофициальный характер своего предложения, он созвал присутствующих депутатов на «частное совещание» в Полуциркульный зал. Оно началось под председательством Родзянко в половине третьего дня 27 февраля.

Не желая отрезать путь для возможного компромисса с Николаем II, Родзянко призвал участников совещания проявлять осторожность в «династическом вопросе», так как соотношение сил, по мнению председателя Думы, еще не известно. Первым взял слово Некрасов. Кивнув в сторону Родзянко, он сказал, что далек от того, чтобы предлагать создание принципиально новой власти. Но он считает, что ввиду явной растерянности и неспособности царского правительства справиться с положением необходимо тотчас передать власть какому-либо пользующемуся доверием человеку и в по-

мощь ему дать несколько членов Думы. Они должны немедленно восстановить порядок в городе обещанием быстрых и решительных реформ. В качестве кандидата на пост своеобразного диктатора Некрасов выдвинул генерала А. А. Маниковского. Генерал не был известен своей боевой деятельностью. Он ведал артиллерийским снабжением русской армии. Но зато он был рядом — в Главном штабе. А главное, как потом рассказал сам Некрасов, еще в конце 1916 года установил отношения с ним и Гучковым в связи с планами военного переворота. На Маниковского, таким образом, радикально-массонские круги русской буржуазии могли вполне положиться.

Идею Некрасова поддержал и лидер фракции октябристов Думы Н. В. Савич. Однако он предложил на этот пост еще и военного министра генерала А. А. Поливанова. Последний тоже мог устроить многих, так как всем была также известна его многолетняя дружба с Гучковым. Кроме того, еще летом 1915 года, в момент своего назначения министром, Поливанов готов был сотрудничать с Государственной думой и «правительством доверия», если бы оно было создано. Прогрессист М. А. Караулов, сам военный, предлагал вместо генерала создать исполнительную комиссию Думы, которой и поручить все организационные вопросы момента. Другой прогрессист, А. П. Сидоров, предлагал вызывать сюда трудовиков и меньшевиков и заслушать их мнение как «демократических депутатов». Прогрессист В. А. Ржевский возражал против приглашения «генерала из старого правительства» и тоже предложил выбрать комитет для сношения с армией и народом. В. И. Дзюбинский от имени трудовиков заявил протест против затягивания решения вопроса о власти: совет старейшин Государственной думы должен немедленно взять власть в свои руки и объявить об этом народу. Некрасов обратил внимание собравшихся на то, что аппарат власти все еще находится «в старых руках» и поэтому надо найти какой-нибудь компромисс. Приглашенный на совещание лидер меньшевистской фракции Чхендзе резко возражал против этого, называл план Некрасова «ложным путем» и требовал создания «народной власти».

В это время в Полуциркульном зале появился Керенский. Многие участники совещания были ему благодарны за то, что он разрешил конфликт на ступеньках

дворца перед лицом вооруженной толпы и избавил Думу от затруднений. В глазах буржуазно-помещичьих депутатов Думы значение его сразу возросло. Для них стала несомненной мифическая связь между народным движением и его таинственными руководителями и Керенским. Ведь послушались же его перед дворцом рабочие и солдаты. «Он у них диктатор!» — шептали депутаты один другому.

— Господа! — с завыванием начал Керенский. — Все подтверждает, что медлить нельзя! Никак нельзя. Я постоянно получаю сведения, что войска продолжают волноваться! И оставшиеся полки могут выйти на улицу. Господа! Я еду сейчас по полкам! Что я им скажу от вашего имени? Что я могу им сказать?? Могу ли я сказать им от имени вас, от всех вас, что Государственная дума с ними? Что она берет на себя ответственность и что именно она становится во главе движения?

Раздался разноголосый шум, возгласы и одобрения и отрицания. Все закричали одновременно, а Керенский, не дождавшись формальных полномочий, исчез. Кое-как успокоившись, депутаты продолжали свое частное совещание. Кадеты Н. К. Волков и М. С. Аджемов предложили создать особый комитет Думы и передать ему власть. Затем выступил Милюков. Лидер Прогрессивного блока все еще выжидал. Он не верил в основательность начавшегося движения, не видел в нем настоящей революции. Он все гадал — кто вызвал это движение, кому оно выгодно? Во всяком случае, не кадетам и не Государственной думе. Некрасовский план он отверг сразу: какой генерал против царя пойдет? Против присяги? Нельзя даже ставить военных перед такой дилеммой. Меньшевистский план создания абсолютно новой власти также невозможен. Надо искать что-то реальное. Надо разделить власть между представителями династии и Думой. Так лидер российской буржуазии отказывался сделать даже полшага навстречу народной революции в момент, когда уже наметился ее успех.

Милюков лишь разозлил левых. Дзюбинский, выступая во второй раз, предложил немедленно объявить Государственную думу Учредительным собранием, чтобы от имени народа создать именно новую власть. Его поддержал трудовик Н. О. Янушкевич и даже кадет князь С. П. Мансырев. С другой стороны, В. В. Шульгин призывал сохранять осторожность и утверждал, что

члены Думы не могут быть во всем солидарны с составившей частью населения. «Разве вы не видели, — говорил он, — что они носили плакаты «Долой войну!», «Да здравствует демократическая республика!»?»

На голосование Родзянко поставил четыре предложения: передать власть совету старейшин, образовать особый комитет, объявить Думу Учредительным собранием, выбрать комиссию, которой передать организацию власти. Большинство высказалось за то, чтобы совет старейшин избрал особый комитет. Милюков и Родзянко надеялись, что через этот комитет им удастся вести переговоры со старой властью. Через 20 минут был избран «Комитет Государственной думы для водворения порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами». Ничто в его названии не указывало на желание Думы взять власть в свои руки. При любом повороте событий Дума могла не опасаться репрессий. Ближайшей же задачей объявлялось водворение порядка в столице, то есть как раз то, чем пытались с 23 февраля заниматься и царские власти. Все это показывает, насколько далеки были восторженные надежды мало-сознательной части мелкобуржуазного населения России на Государственную думу от реальности, насколько пропитались руководители буржуазной оппозиции духом соглашательства с самодержавием. В состав комитета вошли Родзянко, Некрасов, Коновалов, Дмитриюков, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Шидловский, Милюков, Караулов, В. Н. Львов и Ржевский. Фактически это было бюро Прогрессивного блока, в которое теперь входили еще и главы фракций трудовиков и меньшевиков. Но так или иначе, во второй половине дня Государственная дума создала свой политический командный центр, который получил полномочия для вступления в контакт как с представителями старой власти, так и с революционерами, что закрепляло за Таврическим дворцом место одного из центров всей революции.

Окончательно оно было установлено после создания во дворце еще одного центра — Петроградского Совета рабочих депутатов. Память о Петербургском Совете рабочих депутатов 1905 года, фактически проявившем себя как один из органов революционной власти, жила в сознании пролетариата столицы. Разговоры о необходимости возрождения Совета возникали в любой момент обострения политической ситуации в столице. Так было и в момент июльских боев 1914 года, и осенью

1915 года, и в 1916-м. Большевики по совету Владимира Ильича Ленина всякий раз разъясняли массам, что создание Совета целесообразно только в момент вооруженного восстания против царизма.

Идея об образовании Совета вновь возникла в первые дни Февральской революции. Зачатками его были временные стачечные комитеты, созданные на предприятиях 24—25 февраля большевиками и членами других социалистических партий. 25 февраля разговор о необходимости выбирать депутатов в Петроградский общегородской Совет шел и на информационных собраниях представителей подпольных организаций. Но полицейские аресты, расстрел демонстраций 26 февраля прервали эти попытки. Снова вопрос об организации Совета встал уже только в момент восстания 27 февраля 1917 года.

Большевики верно оценили задачу создания Совета в утренние часы этого дня. Об этом свидетельствует приводившаяся выше листовка, призывавшая посылать депутатов для организации Совета на Финляндский вокзал. Но события повернулись независимо от воли большевистских организаторов так, что Финляндский вокзал весьма быстро утратил роль центра восставших солдат и рабочих. Этим центром стал, как мы знаем, Таврический дворец. В то время как большевики сражались на улицах, вместе с восставшим народом захватывали опорные пункты царизма, меньшевики и эсеры (в основном члены рабочей группы военно-промышленного комитета), заняв комнаты в Таврическом дворце, провозгласили создание Петроградского Совета. Там между двумя и тремя часами дня была сделана практическая попытка создания Петроградского Совета. Исходила она от меньшевиков.

Когда дворец был захвачен народом, лидеры меньшевистской фракции Государственной думы вместе с гвоздевцами-оборонцами, солдатами и рабочими захватили большие комнаты № 11 и 13 Таврического дворца (помещения финансовой и бюджетной комиссий Думы). Вместе с «социалистами» и журналистами, самостоятельно проникшими во дворец, они предложили немедленно создать из присутствовавших Временный исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов. Это предложение было с энтузиазмом принято. Во временный Исполком Совета вошли К. А. Гвоздев, Б. О. Богданов, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, мень-

шевики, меньшевик-интернационалист К. С. Гриневич, внепартийные «социалисты» Н. Ю. Капелинский и франко-русский, внефракционный социал-демократ Н. Д. Соколов, бундовец Г. М. Эрлих. Сразу же решено было выпустить воззвание к рабочим с призывом выбирать депутатов и направлять их в Таврический дворец. Создан организационную ячейку Совета, меньшевики, а они преобладали во Временном исполкоме, сумели перехватить инициативу в организации Петроградского Совета из рук большевиков, истинных руководителей рабочего движения. В сотнях экземпляров на ротаторе была размножена листовка, которую вскоре читали во многих районах города.

«Граждане!

Заседающие в Государственной думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 часов в помещении Государственной думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату.

Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов».

Двукратное упоминание в этой листовке Государственной думы должно было закрепить в сознании революционных масс связь между революцией и Думой, между революцией и Таврическим дворцом. В соответствии с листовкой на многих предприятиях или прямо на улицах в колоннах рабочих проводились 27 февраля во второй половине дня выборы в Петроградский Совет. Для многих большевиков, увлеченных уличной борьбой, листовка о выборах, подписанная Временным исполнительным комитетом, оказалась полной неожиданностью, как и сами выборы. А. Г. Шляпников позднее вынужден был признать: «Наши товарищи увлеклись боевыми задачами и упустили выборы». Все это сказалось впоследствии на политической позиции Совета, и особенно его руководства.

Что же происходило во второй половине дня и вечером 27 февраля в городе, как развивалось восстание, успех которого не только военный и организационный, но и политический становился с каждым часом все очевиднее? Шло восстание на Петроградской стороне. Хотя

гарнизон Петропавловской крепости еще хранил верность царскому правительству, но по соседству с ним революционные силы действовали весьма успешно. Присоединился к революции запасный автобронедивизион, вернее, его автомастерские, располагавшиеся на Малой Дворянской, 19. Солдаты вывели несколько броневых машин на улицы, чем значительно усилили мощь восставших. На огромных машинах, носивших имена «Олег», «Ярослав», «Святослав», краской написали крупные буквы: РСДРП. Солдаты запасных автобронемастерских захватили особняк бывшей царской фаворитки и морганатической супруги одного из великих князей балерины М. Ф. Кшесинской. Рабочие потребовали также открыть ворота Кронверкского арсенала, расположенного напротив Петропавловской крепости, на другом берегу Заячьей протоки. Рабочие Петроградского, Выборгского и других районов сумели вынести из «Арсенала» 40 тысяч винтовок и 30 тысяч армейских револьверов. Оружие было немедленно роздано рабочим-дружинникам и составило основу для вооружения рабочей милиции и Красной гвардии на весь период мирного развития революции вплоть до июльских дней. Тут же на Петроградской стороне рабочие и солдаты штурмовали полицейские участки. Петроградский район, вслед за Выборгским и Литейным, стал третьим районом города, перешедшим в руки восставших (за исключением Петропавловской крепости). Среди зданий, захваченных рабочими и солдатами, было и охранное отделение на Мытнинской набережной, где были освобождены из-под ареста члены ПК А. К. Скороходов, А. Н. Винокуров и Э. К. Эйзеншмидт.

Василеостровский район находился еще под контролем царских властей. Сильные заставы на Биржевом и Тучковом мостах изолировали остров от Петроградской стороны. Под контролем находились и мосты через Большую Неву. 180-й пехотный запасный полк и запасный батальон гвардии Финляндского полка, дислоцировавшийся на Васильевском острове, сохраняли верность правительству. Рабочие района вели агитацию среди солдат этих полков. Происходили и стычки с полицией. В частности, вооруженные рабочие разгромили 2-й Василеостровский участок. Адмиралтейская часть напротив Васильевского острова на левом берегу Невы также в основном все еще находилась под контролем правительства. Исключение составляли казармы Кекс-

гольмского полка. Но здесь под сильной охраной еще действовали и само царское правительство в Мариинском дворце, штаб Петроградского военного округа, градоначальство, Главный, генеральный и Морской генеральный штабы, большинство министров. На рабочих окраинах: в Невском и Обуховском районах, в Петергофском и Нарвском — практически контроль принадлежал рабочим. Разнесся слух, что в Нарвских воротах находится полицейский архив. Путиловцы подожгли внутренность ворот. Однако вскоре выяснилось, что бумаги, хранившиеся внутри ворот, безобидны. Это был архив городской думы с екатерининских времен. Но пожар потушить уже было нельзя. Запылали полицейские участки. Большой пожар охватил полицейскую часть на углу Гороховой улицы и Загородного проспекта как раз напротив того дома, где еще недавно жил Распутин. Рабочие и солдаты захватили небольшую тюрьму в Качаево переулке и выпустили находившихся там заключенных. Была захвачена около Нарвских ворот военная гауптвахта — солдаты-заключенные, многим из которых грозил военно-полевой суд и расстрел, были освобождены.

К вечеру успех восстания стал очевиден, но чем ближе к центру города, тем сильнее становилась неразбериха в расположении сил революции и контрреволюции. Островами высились казармы воинских частей, еще сохранявших верность правительству. Отсюда солдат не посылали уже в заставы, а наглухо запирали за воротами, перед которыми стояли сильные караулы. А совсем рядом рабочие открыто праздновали свою победу. Началась ловля полицейских, многие из которых спешно переодевались в гражданское платье и пытались скрыться. С наступлением темноты усилилась случайная стрельба. Кое-где воздух разрывали пулеметные очереди. Это полицейские пытались устраивать засады.

В половине шестого вечера солдаты привели в Таврический дворец бывшего министра юстиции Щегловитова, в это время являвшегося председателем Государственного совета. Он был передан в руки Родзянко. Так председатель низшей палаты российского «парламента» вынужден был взять под арест председателя верхней палаты. Щегловитов, «Ванька-Каин», как звали его за жестокость в народе, стал первым узником Таврического дворца. Однако далеко не последним. Скоро сюда стали приводить министров, генералов, чиновни-

ков, полицейских. Так вопреки воле депутатов Государственной думы Таврический превращался в штаб настоящей народной революции.

Генерал Хабалов телеграфировал в ставку в 12 часов, что воинские части гарнизона отказываются «выходить против бунтующих». Но военный министр М. А. Беляев в своей телеграмме, отправленной в 13 часов 15 минут, представлял дело так, что волнениями охвачены только некоторые части и что он подавит их «беспощадными мерами». Князь Голицын забрал назад свою отставку, как только к нему на квартиру приехали военный министр Беляев и Хабалов. Правда, Хабалов был уже сломлен и подавлен событиями и, по свидетельствам очевидцев, находился в тяжелом моральном состоянии. Беляев вынужден был фактически назначить ему замену в лице генерала М. К. Занкевича. До четырех часов дня отсюда Голицын, Беляев и Занкевич отдавали по телефону приказы полиции и войскам. Но связь становилась все более ненадежной.

Решено было в 17 часов собраться всем в Мариинском дворце. По пути Беляев заехал в градоначальство на Гороховой, 2. Военные и полицейские начальники, собравшиеся там, были в растерянности. Особое беспокойство вызвало сообщение о том, что посланный еще Хабаловым довольно большой отряд гвардейской пехоты, кавалерии и артиллерии, численностью до 2 тысяч человек, сумел дойти только до Литейного проспекта. А там завяз в плотной людской массе и вскоре буквально растаял. Командир его, полковник Преображенского полка А. П. Кутепов чудом добрался до градоначальства. Сюда же прибыл и командир гвардейского флотского экипажа великий князь Кирилл Владимирович. Он посоветовал Беляеву для «успокоения» немедленно сообщить об отставке министра внутренних дел Протопопова. Прибыв в Мариинский дворец, Беляев незамедлительно поставил в известность об этом министров. Прямо в присутствии Протопопова, которого многие из министров считали виновным во всем, что происходило сегодня в столице, решили его сменить — причиной выставить его внезапную «болезнь». По приказу князя Голицына генерал Тяжельников напечатал извещение о болезни Протопопова и о замене его заместителем министра — «товарищем», как тогда говорили. Протопо-

пов протестовал, но вынужден был смириться. Он поднялся и ушел, громко бормоча: «Я застрелюсь, господа! Я сейчас же застрелюсь!» Никто не обращал больше на него внимания. Протопопов уехал, намереваясь просить поддержки в Царском Селе у императрицы.

В 18 часов из Мариинского дворца за подписью Голицына пошла телеграмма в Могилев Николаю II. В ней содержалась просьба объявить Петроград на осадном положении, назначить во главе «оставшихся верными войск» популярного генерала из действующей армии. Правительство признавалось, что оно не в силах справиться с создавшимся положением и предлагает самораспуститься, с тем чтобы царь назначил новым председателем «лицо, пользующееся общим доверием», и составил «ответственное министерство». Таков был бесслышный конец царского правительства.

В 19 часов 22 минуты Беляев телеграфировал начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву, что положение «весьма серьезное», военный мятеж оставшимися верными частями «погасить пока не удастся», многие из них присоединяются к мятежникам. Военный министр спешно просил прислать с фронта надежные части, притом в достаточном количестве. В это время в Думе решено было направить делегацию комитета в составе Родзянко, Некрасова, Савича и Дмитрюкова для переговоров с князем Голицыным и великим князем Михаилом Александровичем. Последний, как помнит читатель, намечался и гучковскими заговорщиками, и руководством Прогрессивного блока Государственной думы в регенты при малолетнем Алексее Николаевиче в случае удачи переворота в любой форме. Особенно прочные контакты имел младший брат Николая II с председателем Думы Родзянко.

Собрались в доме военного министра Беляева на Мойке, 67. Там была и делегация, и князь Голицын, приехавший из расположенного неподалеку Мариинского дворца, и великий князь. Представители Думы требовали, чтобы Михаил Александрович немедленно объявил себя диктатором в Петрограде (эту идею высказывали на «частном совещании» Думы и Некрасов и Савич), уволил бы своей властью старый совет министров и объявил бы о создании «ответственного министерства». Голицын согласен был уступить свое место другому, но требовал, чтобы кем-нибудь из представителей верховной власти было сделано соответствующее

распоряжение, чтобы не получилось, что правительство ушло в отставку «самовольно». Если бы это сделал Михаил Александрович, то Голицын не возражал бы. Но Михаил долго упирался. Он боялся своего старшего брата. И вполне основательно. Он хорошо помнил, как тот несколько лет не признавал его морганатического брака. Мягкий характер Михаила делал для него крайне затруднительным принятие любого определенного решения, тем более так тесно связанного с судьбами всей страны. Только в девятом часу вечера он согласился. Отправлена была по прямому проводу телеграмма в ставку от имени Михаила Александровича, в которой тот просил брата пойти навстречу Думе: уволить нынешних министров и назначить новым премьер-министром князя Г. Е. Львова. Николай II не пожелал подойти к аппарату. Через генерала Алексеева он передал о своем отказе принять предложения Думы. Голицын же до получения ответа на собственную телеграмму с просьбой об отставке также отказывался формально объявлять об уходе правительства. К 21 часу делегация комитета ни с чем вернулась в Таврический дворец.

Пока лидеры Прогрессивного блока занимались этим политическим торгом с представителями царской власти, подлинные руководители рабочих — большевики решили публично заявить о нуждах революционных масс, тем более что Временный исполнительный комитет Петроградского Совета в своем первом обращении к массам ничего не сказал о политической цели движения. Еще днем 27 февраля большевики Выборгского района составили проект обращения к народу и передали его представителям Русского бюро ЦК РСДРП(б). А. Г. Шляпников и В. М. Молотов отредактировали текст и утвердили его в качестве манифеста ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России».

«Граждане! — говорилось в манифесте, который был отдан в печать поздно вечером 27 февраля и вышел в свет утром 28-го. — Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели

и краха, который приготовило царское правительство. Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стянул с себя вековое рабство. Задача рабочего класса и революционной армии — создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя».

В числе «задач такого правительства манифест говорил о временных законах, защищавших все права и вольности народа, о конфискации помещичьих земель, введении восьмичасового рабочего дня, созыве Учредительного собрания». Необходимо было обеспечить продовольствием население и армию, подавить всякие противонародные контрреволюционные замыслы «гидры реакции». Немедленной и неотложной задачей Временного революционного правительства должно было, по мнению большевиков, стать установление связи с пролетариатом воюющих стран для немедленного прекращения войны. Манифест обращался к рабочим фабрик и заводов, а также к восставшим войскам с призывом немедленно выбрать «своих представителей во Временное революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии».

Манифест ЦК РСДРП призывал к открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками, к необходимости «брать в свои руки дело свободы», по городам и селам создавать «правительство революционного народа».

Создавая этот манифест, большевики использовали текст листовки Выборгского районного комитета, призывавшей создать Совет депутатов под защитой войска. Но, учитывая, что партийным большевистским лозунгом являлось создание Временного революционного правительства как органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которую надо создать в результате победоносного восстания против царизма, авторы манифеста употребили Совет и Временное революционное правительство как синонимы. Об этом же говорит и призыв создавать «правительство революционного народа» по городам и селам всей страны. Подобное отождествление революционных правительств с Советами депутатов часто встречалось и в агитационной практике большевиков в годы первой русской революции. Наверное, поэтому Совет прямо не упоминался,

хотя, по сути дела, именно он и имелся в виду. Интересно, что в мандатах некоторых депутатов Петроградского Совета говорилось, что они выбраны «во Временное революционное правительство».

Издание большевистского манифеста явилось важной вехой на пути сплочения революционного пролетариата на республиканской и антивоенной программе.

Огонь восстания еще бушевал во многих районах Петрограда, но центр политической жизни прочно переместился в Таврический дворец. Его коридоры по-прежнему были заполнены многими тысячами солдат и рабочих с оружием. Представители революционных масс чувствовали себя здесь как дома. Они курили, сидели и лежали прямо на полу. Между ними осторожно сновали депутаты Думы, совершенно ошарашенные событиями. В столовой Государственной думы быстро организовали питательный пункт для солдат, поскольку большинство их все еще опасались возвращаться к себе в казармы и целый день ничего не ели. Курсистки ряда высших женских заведений Петрограда варили обед, подавали и убирали тарелки, мыли посуду. По коридорам плавал синий дым махорки.

После 19 часов в Таврическом стали собираться вновь избранные депутаты Петроградского Совета. Однако прибыли еще не все, и по просьбе большевиков открытие заседания было отсрочено до 21 часа. Но и после начала заседания прибывали новые его участники. Всего было около 100 человек, из них 40—50 депутатов, избранных от заводов и фабрик, а также представители партийных организаций и солдатские депутаты. Председателем Совета был избран меньшевик Чхеидзе. Его имя часто встречалось во всех газетных отчетах о заседаниях Государственной думы, и как представитель и председатель фракции РСДРП в Думе он и был предложен в председатели Петроградского Совета. Заместителями председателя были избраны известный также думский меньшевистский деятель М. И. Скобелев и председатель фракции трудовиков Керенский. Последний, правда, вскоре заявил, что он принадлежит и всегда принадлежал к партии эсеров. Кроме них, было избрано еще 12 членов Исполнительного комитета Совета, среди которых было два большевика, члена Русского бюро ЦК РСДРП(б) — А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. Третий член бюро, В. М. Молотов, также присутствовал на этом заседании, но в состав Исполкома не был из-

бран. Эсеров в первом выборном Исполкоме Совета было двое — кроме Керенского, еще левый эсер П. Александрович, меньшевиков — шесть и пять внефракционных социал-демократов. Последние были ближе к меньшевикам, хотя по отношению к войне часто объявляли себя интернационалистами. Так, уже в первом выборном Исполнительном комитете Петроградского Совета, как и во временном, определенно проявилось засилье меньшевиков, что не могло не отразиться как на политической позиции Совета, так и на его практической деятельности.

Исполнительный комитет Совета в первую очередь рассмотрел продовольственный вопрос, который и либералы и меньшевики считали главной причиной волнений 23 февраля и всех последующих событий. Была организована продовольственная комиссия, которая должна была совместно с Временным комитетом Государственной думы выработать меры по бесперебойному снабжению хлебом и другими продуктами армии и населения Петрограда. Решено было конфисковать запасы муки и снабдить ею пекарни. Заседание образовало также военную комиссию для руководства дальнейшими выступлениями гарнизона, литературную — для издания собственных «Известий» Совета, листовок и воззваний и выбрало десять эмиссаров для организации районных отделений Петроградского Совета. Острые дискуссии разгорелись по поводу вхождения представителей Исполнительного комитета Совета во Временный комитет Государственной думы.

— Товарищи! — говорил от имени большевиков Шляпников. — Мы ни в коем случае не должны посылать туда своих представителей! Там окопались либеральные буржуа, которые только и делали, что всю войну предавали интересы рабочего класса. Они позорно терпели арест наших депутатов в четырнадцатом году и суд над ними! Неужели вы забыли, как всего две недели назад Милюков вместе с царским сатрапом Хабаловым просил вас не ходить к Думе, чтобы не мешать сговору Прогрессивного блока с царскими опричниками!

Собрание встретило речь Шляпникова аплодисментами. Но тут встал Чхеидзе. С мягким кавказским акцентом он стал убеждать собравшихся не рвать контактов с думским комитетом:

— В том, что говорил здесь товарищ большевик,

много правды. И мы не любим буржуазных либералов. Вы все помните, как на протяжении всей войны мы критиковали и кадетов, и октябристов, и бюро Прогрессивного блока. Но задача наша, товарищи, сейчас еще не в том, чтобы лишить власти буржуев. У них и власти-то еще нет! Нет, наша задача в том, чтобы показать кузькину мать Николаю Кровавому (бурные аплодисменты всего зала). А в этой борьбе и либералы могут пригодиться. Мы еще успеем с ними побороться, когда наша славная революция снимет все препоны с развития капитализма в России. Вот тогда мы и для нового вина найдем новые мехи. Отказываться же от совместных действий сейчас? Это неразумно!

— Да, товарищи! — с пафосом начал Керенский, как бы продолжая речь Чхеидзе. — Мы боролись в Думе с реакционерами в мрачные годы старого режима. Неужели же вы думаете, что мы не справимся с ними сейчас, когда уже близко царство свободы? Мы будем там револьвером, приставленным к виску российской буржуазии! Вашими верными стражами, товарищи! К тому же раскрою вам один секрет. Мы уже включены туда постановлением совета старейшин Государственной думы, которое обязательно для нас как членов действующего еще учреждения. Но мы с товарищем Чхеидзе не сочли возможным принять это постановление, не посоветовавшись с вами, без вашего одобрения. Доверяете ли вы нам, товарищи?

— Доверяем, доверяем! Привет борцам за свободу! Долой царя! Ура-а-а-а! — неслись с разных концов зала одобрительные крики и возгласы.

Всего на этом заседании присутствовало около 25 большевиков и сочувствующих им, поэтому меньшевистскому большинству только что сформированного Исполкома удалось добиться принятия решения об одобрении вхождения Чхеидзе и Керенского в состав Временного комитета Государственной думы. Собрание Совета кончилось уже после полуночи. Несмотря на многие недостатки, первое общее собрание Петроградского Совета явилось крупнейшим успехом восстания 27 февраля 1917 года. Создан был политический и организационный центр рабочего движения, получили политическое и организационное руководство солдаты, составившие стихийно.

И лидеры буржуазной оппозиции, вернувшиеся после бесплодных переговоров с Михаилом Александро-

вичем и князем Голицыным, столкнулись с фактом организации сил революционной демократии. В кабинете председателя Думы собрались все члены Временного комитета. Началась резкая дискуссия, затянувшаяся до 1—2 часов ночи на 28 февраля. Вопрос, что делать Думе в условиях проявившегося успеха вооруженного восстания против старой власти, вставал со всей остротой. Спорили с ожесточением, укоряли друг друга, сводили старые счеты. Но слегка прикрытые личные расчеты Родзянко стать главой правительства, несмотря на согласованное решение бюро Прогрессивного блока проводить на эту должность главу Всероссийского земского союза князя Г. Е. Львова, трезвый ум Милюкова, больше всего опасавшегося царских репрессий против Думы как учреждения, — все это неизменно возвращало острейшие перепалки к исходному вопросу: что делать?

Львов рассуждал так:

— Господа, я все сам видел. И как окружной суд подожгли, и как Носарь на тумбу залезал, все! И вот сейчас только что с улицы. Волнение, скажу вам, в каждой части. Думаю, взбунтовалось уже тысяч 50—60! Но все равно, это же не революция! Это ж солдатский бунт. И только! Где офицеры, где штаб? Надо что-то делать. Протопопов, говорят, к императрице поехал! Они там с царем телеграммами обмениваются. Завтра пришлют сюда десять тысяч георгиевских кавалеров! Они всю эту солдатню мигом к ногтю. Тут и нам достанется. А какая резня пойдет в городе! Как хотите, но этого допустить нельзя. И медлить нельзя. Сегодня у нас в Питере генералов сюда тащат — видели, уже трое сидят в Полуциркульном зале под арестом! Солдатня же тешится. А как завтра на фронт все это перекинется? А? Мятеж там, офицеров бьют, фронт открыт. И не мы в Берлине, а Вильгельм свой флаг над Зимним дворцом водрузит! Позорище-то какое для России. Век не отмоешься!

А кто в бюджетной-то комиссии заседает сейчас? Совет! А что такое Совет — одни пораженцы и полпораженцы. Они нам всю войну прекратят. И не только, извините, Павел Николаевич, Царьграда не видать, но и Польша с Галицией плакали. Надо сделать так, чтобы вся эта революция пошла под лозунгом войны, а не мира! А для этого один выход. Не бояться надо, а сейчас же брать власть!

Многие считали Львова человеком взбалмошным и несерьезным. Поэтому, как только он закончил свою речь, Родзянко устало махнул рукой:

— Что вы несете, Владимир Николаевич! Если для солдата отказ от присяги бунт, то и для нас — бунт! Вы что, забыли, что подписывали торжественное обещание члена Государственной думы, что будете верно-подданно служить государю императору? Многие из нас и в армии служили, присягали. Я присягал, господа! И не желаю присягу нарушать, не желаю бунтовать.

— Конечно, Михаил Владимирович, все мы понимаем ваше положение, — сказал Милюков. — Но смотрите. Ведь телеграммы государю вы посылали? Посылали. Их солдатам здесь в кабинете читали? Читали. Поставленному государем председателю совета министров уйти в отставку добровольно предлагали? Предлагали. Про нас я уже не говорю. И вы, Николай Виссарионович, и еще кое-кто сделали уже многое такое, за что не только в Сибирь, но и на виселицу попасть можно. Поэтому, дорогой Михаил Владимирович, Дума уже замешана в это дело, и достаточно глубоко! Я позволю себе сказать, что если движение это — мне как-то не хочется называть его революцией, уж очень оно подозрительно — будет подавлено, то с нами разделаются все равно, как справедливо заметил уважаемый Владимир Николаевич. Так что аргумент насчет присяги я бы не выдвигал. Она уже нарушена... А вот соображения насчет войны и пораженческой агитации, которая может сейчас начаться, их мы должны иметь в виду в первую очередь!

В это время в кабинет вошел полковник Б. А. Энгельгардт. Он уже давно вышел в отставку, состоял в кадетской фракции Думы, но во время войны Энгельгардт, которому сейчас было 40 лет, вернулся в свой Преображенский полк и сейчас руководил занятиями в запасном батальоне, совмещая службу и деятельность депутата Государственной думы.

— Господа! — громко заговорил полковник. — Я потрясен. Я пришел, чтобы сказать вам, что весь запасный батальон моего родного, Преображенского полка перешел на сторону бунтовщиков, то есть, правильнее сказать, на сторону революции. Да-с!

И он сел, не в силах вымолвить больше ни слова. Вслед за ним вошел секретарь Думы Иван Иванович Дмитриуков и подтвердил, что пять тысяч преобра-

женцев строем и с оружием прибыли в Таврический дворец и заявили, что будут охранять Государственную думу от любого покушения.

— Это меняет дело, — тихо, но внятно произнес Милюков. — Михаил Владимирович, я разрешу ваши сомнения. Если преображенцы примкнули к движению, то, пожалуй, это уже не бунт. А если вам не нравится слово «революция», то назовем это «переворотом». Так что берите власть, Михаил Владимирович! Правительства все равно нет. Не возьмем мы, не ровен час, возьмут другие, из комнаты бюджетной комиссии.

— Я все же колеблюсь, — отвечал Родзянко.

— Да что вы, Михаил Владимирович, — стал горячо убеждать его и Шульгин. — Предположим, революция будет подавлена царем. Ну наш Временный комитет и сдаст власть новому правительству, которое государь назначит. А если революция разгорится дальше, а мы все власть брать не будем, то, право, Совет может свое правительство назначить. Вспомните пятый год, вспомните, как они все нас пугали своим Временным революционным правительством. Так что берите, берите власть, Михаил Владимирович!

— Ладно! — сказал басом Родзянко.

Он надулся, напыжился и сказал:

— Только, господа, я требую от вас всех беспрекословного подчинения!

Так около полуночи и Временный комитет Государственной думы решил проявить активность и срочно заменить собой фактически уже свергнутое восстанием царское правительство князя Голицына. Второй центр заработал в том же Таврическом дворце. Оформилось двоевластие.

Победа

В ПЕТРОГРАДЕ

Решив активно вмешаться в события, чтобы не допустить захвата власти Петроградским Советом рабочих депутатов, Временный комитет Государственной думы сразу принял несколько мер. Вновь был пересмотрен список членов комитета. На первом месте в нем остался Родзянко, сразу же за ним стояли фамилии Керенского и Чхеидзе. Комитет был дополнен тринадцатым членом, полковником Энгельгардтом, назначенным «комендантом восставшего петроградского гарнизона». В час ночи 28 февраля Энгельгардт приступил к исполнению своих нелегких обязанностей. Затем были составлены два обращения. В 2 часа ночи их отвезли в Государственную типографию, где обычно печатались официальные правительственные документы и отчеты Государственной думы. В первом воззвании солдат призывали во имя общих интересов щадить государственные и общественные «учреждения и приспособления», не допускать посягательств на жизнь, здоровье и имущество частных лиц. Второе обращение носило чисто политический характер:

— Временный комитет членов Государственной ду-

мы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознавая всю ответственность принятого им решения, комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием.

Это и была резолюция комитета о взятии власти. Ни слова о монархии, о революции, как мы видим, в ней не говорилось. Дума лишь призывала восстановить порядок. Вину за внутреннюю разруху она возлагала на старое правительство. Единственным новым словом было обещание создать «правительство доверия страны». Даже в обстановке революции комитет умудрился сохранить внешнюю лояльность Николаю II и оставлял за собой полную свободу выбора путей формирования новой власти.

Но и Петроградский Совет в те же часы сумел напечатать собственное воззвание к населению Петрограда и России. Но в отличие от воззвания комитета Петроградский Совет призывал не к восстановлению порядка, а к новой борьбе:

— Борьба еще продолжается: она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России. Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию.

Под этой организацией и понимался Совет рабочих депутатов, о создании которого 27 февраля сообщалось далее в воззвании. Говорилось, что Совет ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Целями народной борьбы назывались полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Это воззвание немедленно было отпечатано отдельной листовкой, а кроме того, включено в первый номер газеты Петроградского Совета, который срочно составлялся литературной комиссией. В нее вошел и больше-

вик В. Д. Бонч-Бруевич — опытный издательский работник большевистской партии.

После краткого перерыва в 3 часа ночи 28 февраля вновь начал работать Петроградский Совет. В 4 часа утра было принято несколько важных решений. Подтверждалось постановление об организации власти в районах. Теперь центрами ее должны были стать «районные комитеты». Затем были объявлены сборные пункты для вооруженных рабочих и войск. Дело в том, что огромные массы вооруженных солдат все еще находились на улицах города, опасаясь возвращаться в казармы, ночуя то в Таврическом дворце, то в парадных домов. В Выборгском районе таким пунктом объявлялось рабочее потребительское общество при заводе «Парвиайнен». На Петроградской стороне — биржа труда напротив Народного дома (у Сытного рынка). На Васильевском острове тоже биржа труда на 13-й линии, в Рождественском районе — столовая попечительства о бедных на Мытнинской улице. На все пункты были направлены представители Петроградского Совета. Там они прежде всего организовали кормление солдат, а затем учитывали, из каких они частей, устраивали на отдых. Этих солдат и вооруженных рабочих можно было использовать для завершения борьбы с защитниками самодержавия.

Исполнительный комитет постановил также организовать рабочую милицию из расчета 100 человек на каждую тысячу. Рабочие-милиционеры должны были направиться на сборные пункты к 10—11 часам. Следующее заседание Совета назначалось на 12 часов 28 февраля.

До рассвета оставалось еще несколько часов. В пять часов утра вооруженные рабочие и солдаты, наступавшие от сборного пункта напротив Народного дома, подошли к Биржевому и Тучкову мостам, соединявшим Петроградскую сторону с Васильевским островом. Там, у мостов, всю ночь дежурили заставы солдат Финляндского полка, все еще остававшегося верным старому правительству. Увидев массу вооруженных людей, вплотную подходивших к ним, солдаты не выдержали и раступились. Сняв заставы, людской поток устремился на Васильевский остров, где очаги восстания перемежались с казармами войск, подчинявшихся царским властям. Прибытие революционных солдат и рабочих Выборгской и Петроградской сторон на Васильевский остров

придало силы рабочим местных заводов, и в 7—8 утра революция начала шириться и в этом районе столицы. Восстали солдаты 180-го пехотного полка. Скоро и финляндцы, запертые в казармах, заволновались. С помощью солдат других частей они взломали ворота и присоединились к восставшим. Солдаты проникли на территорию 2-го Балтийского флотского экипажа, матросы которого также перешли на сторону революции.

К полудню весь район фактически оказался в руках восставших. Были заняты все полицейские участки. Рабочая милиция, организовавшаяся по призыву Петроградского Совета, взяла на себя охрану улиц Васильевского острова. Вместе с рабочими в событиях приняли активное участие студенты Петроградского университета, Горного института, курсистки Высших женских курсов. Они также организовали несколько отрядов народной милиции.

У Троицкого моста на Петроградской стороне в распоряжении правительства все еще оставалась Петропавловская крепость, имевшая салютационную батарею из 11 шестидюймовых орудий, расположенную на верках Нарышкинского бастиона на Невской стороне, значительный гарнизон. Только около 12 часов после многочасовой осады, переговоров членов Государственной думы с начальником гарнизона крепости последний решил сдаться. Гарнизон крепости полностью перешел на сторону революции.

Закончилось и очищение Выборгской стороны от последнего очага сопротивления правительственных войск. Засевший в казармах самокатный батальон упорно отстреливался. Солдаты запасного батальона гвардии Московского полка и рабочие-милиционеры доставили пулеметы и подвергли казармы жестокому обстрелу. Тогда самокатчики около полудня 28 февраля сдались, а командир батальона был убит, как только показался на улице. К этому времени территория, контролировавшаяся старыми властями, сократилась до небольшого пространства вокруг Дворцовой площади. Это был Зимний дворец, в подвалах которого находился отряд солдат Преображенского полка. В самом дворце на втором этаже со входом из Иорданского подъезда (с Невы) размещался госпиталь, содержавшийся Дворцовым ведомством, где находилось на излечении около тысячи раненых. В распоряжении командующего войсками Пет-

роградского военного округа генерала Хабалова находилось в этот момент всего четыре роты гвардейской пехоты, пять эскадронов кавалерии и две батареи. Сообщив об этом по прямому проводу в ставку в 11 часов 20 минут, генерал Хабалов заявил, что «прочие войска перешли на сторону революции» и «весь город во власти революционеров».

По Невскому ходили ликующие толпы народа. С фронтонов аптек, магазинов — поставщиков императорского двора — рабочие, солдаты, питерские подростки с гиканьем и свистом сбивали императорские гербы, двуглавого орла с тремя коронами, скипетром и державою. Тут же на мостовых их складывали в кучи и поджигали. Незыблемый восторг наполнял души людей, глядевших на эти костры. Сегодня день победы наконец настал. Горят и корчатся символы власти, рассыпаются черными головешками хищные клювы и когти, терзавшие десятки народов страны. Глядя на веселые языки пламени, плясавшего над царскими гербами, вспоминали обиды и несправедливости, полученные от полицейских и урядников, офицеров и непосредственных начальников, вспоминали испытания, которые выпали на долю страны в годы войны.

В разных местах города подымались к ясному голубому небу черные столбы дыма. Восставшие сожгли Литовский замок, тюрьму на набережной Крюкова канала, несколько полицейских участков. На Литейном проспекте, заполненном торжествующим народом от Невского до Александровского моста, десятки тысяч людей зачарованно смотрели на курящийся остов окружного суда.

Еще утром в градоначальстве городские, чувствуя неизбежный конец, стали волноваться. Градоначальник Балк отдал распоряжение: тем, кто опасается оставаться в здании, разоружиться, спороть погоны и идти куда хочет. Через двадцать минут в здании не осталось ни одного городского. Большинство их переделось и пряталось. Но десятки и сотни, не в силах вынести крушения своего положения, собирались в небольшие группы и на свой страх и риск устраивали засады. В разных местах города неожиданно раздавались пулеметные очереди. Люди шарахались и прятались. На мостовых оставались убитые и раненые. В наэлектризованной атмосфере 28 февраля и последующих первых дней марта каждый факт стрельбы из такой засады обрастал

комом слухов, каждый пулемет превращался в десять¹. К местам пулеметной стрельбы устремлялись революционные солдаты и рабочие-милиционеры, посылались броневые машины. Они обстреливали чердаки, устраивали обыски. В большинстве случаев никого не находили. Если же ловили переодетых полицейских, то под насмешки и улюлюканье доставляли их в Таврический дворец или Петропавловскую крепость. Полицейских в форме и с оружием беспощадно уничтожали на месте.

Район Дворцовой площади был еще пустынен. Лишь воинские заставы стояли у Адмиралтейства и Зимнего дворца. В 12 часов морской министр потребовал у Хабалова вывести правительственные войска из здания Адмиралтейства из-за опасений за сохранность здания и секретных архивов Морского генерального штаба. Хабалов вынужден был подчиниться. Пехота и офицеры укрылись в коридорах Зимнего дворца, а кавалерия и батареи вошли во двор. Туда перешел с горсткой своих помощников и градоначальник Балк. Между тем к Дворцовой площади подтягивались войска, посланные военными комиссиями Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Петроградского Совета. Они вскоре обнаружили, что градоначальство опустело, и заняли здание. А представители морского министерства заверили восставших, что и в здании Адмиралтейства нет правительственных войск и начальствующих лиц. Началась осада Зимнего. После недолгого размышления Хабалов решил сдаться. В 15 часов он, Балк и все высшие офицеры, находившиеся с ними, были арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. Правительственные войска перешли на сторону народа. Это была уже настоящая победа восстания и революции в столице.

Другой дворец — Таврический превратился в центр формирования и деятельности новых, революцией порожденных властей. Петроградский Совет с утра засе-

---

¹ Уже в наши дни историки задались целью проверить, как и каким путем полицейские получили пулеметы, где имелись засады. Увы, они обнаружили отсутствие в делопроизводственных материалах полиции и военных властей сведений об установке пулеметов и даже о передаче их в руки полиции. Удалось только выяснить, что в целях противовоздушной обороны пулеметы были установлены на крышах многих высоких зданий военными властями. Возможно, именно они были использованы полицией. Во всяком случае, факты стрельбы во многих местах подтверждаются достоверными свидетельствами тех дней.

дал почти непрерывно. Пополнялся его состав. Мандатная комиссия регистрировала десятки и сотни вновь прибывших депутатов от фабрик и заводов, от воинских частей. Приветствия, здравницы занимали значительную часть времени. Но, несмотря на восторженность и приподнятость, Совет сумел рассмотреть и решить много важных вопросов. Среди них был и такой первоочередной, как продовольственный. Еще в ночь на 28 февраля Исполнительный комитет Совета создал продовольственную комиссию во главе с меньшевиком В. Г. Громяном. На общем собрании 28 февраля он отметил необходимость установить контроль за прибытием продовольственных грузов и создать для этой цели железнодорожную комиссию Совета. Она была немедленно создана. Ей поручалось восстановить железнодорожное сообщение между Петроградом и Москвой. Однако, отражая общее настроение меньшевистского большинства руководства Совета, продовольственная и железнодорожная комиссии Петроградского Совета стали координировать свою работу с аналогичными органами Временного думского комитета. Впоследствии комиссии обоих органов были объединены.

Неотложным был и военный вопрос. Еще поздно вечером накануне Исполнительный комитет — раньше, чем это сделал комитет Государственной думы, — создал свой «повстанческий штаб» из революционно настроенных офицеров для руководства восставшими солдатами. Его возглавил подполковник, преподаватель Академии Генерального штаба С. Масловский, по своим политическим взглядам примыкавший к левым эсерам. Он привлек к работе лейтенанта, эсера В. Н. Филипповского, инженера П. И. Пальчинского, офицера, эсера М. М. Добраницкого. Принимал участие в его работе и Керенский. Штаб получил официальное название военной комиссии Совета свой кабинет и канцелярию товарища председателя Государственной думы (комнаты № 41 и 42). Но уже 28 февраля соглашательский курс руководства Совета нашел свое отражение и в том, что военная комиссия Совета не возражала против пополнения ее состава офицерами от Временного комитета Государственной думы. В ходе событий 28 февраля обе комиссии фигурировали уже как единый орган, а вскоре он перешел под главенство думского комитета, хотя и был пополнен представителями Петроградского

Совета. Совет выпустил 28 февраля обращение к солдатам:

— Временный комитет Государственной думы при помощи военной комиссии организует армию и назначает начальников ее частей. Не желая мешать борьбе со старой властью, Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов не рекомендует солдатам отказываться от прочной организации и от подчинения распоряжениям военной комиссии и назначенных ею начальников.

Но плоды этой соглашательской политики выяснились очень скоро. Оказывается, под утро 28 февраля «комендант» восставшего гарнизона Энгельгардт вместе с членом Государственной думы Бубликовым написали приказ по гарнизону, который подписал Родзянко. В нем от имени Временного комитета Государственной думы предписывалось всем воинским частям, офицерам и «отдельным нижним чинам» немедленно возвратиться в казармы. Офицеры должны были водворить порядок в частях, а командиры явиться в Таврический дворец к 11 часам 28 февраля. Такой приказ солдаты не могли одобрить, так как заподозрили в нем попытку наказать их за «военный бунт». На общем собрании Совета 28 февраля они требовали отмены этого приказа. Решено было этот приказ не исполнять, как контрреволюционный. Таково было мнение большинства солдат.

— Думские лидеры, товарищи, тащат нас назад! Это реакционный приказ, — говорил солдат Грибков.

— Товарищи! — выступал депутат Сухаревский. — Приказ Родзянко — контрреволюционный акт. Надо обратиться к товарищам солдатам с призывом исполнять только те приказы, которые подписаны нами, Петроградским Советом!

— Такие действия, как приказ Родзянко, товарищи, — говорил солдат Савинков, — направлены против того дела, за которое в эти дни проливают кровь рабочие и солдаты!

— Мы должны, — предлагал член Русского бюро ЦК РСДРП (б), депутат Петроградского Совета В. М. Молотов, — признать приказ Родзянко контрреволюционным и ввиду этого сжечь его!

— Товарищи, товарищи! — протестовал бундовец Рафес. — Так же нельзя сразу. Это может обострить наши отношения с думским комитетом. Можно же выяснить, уточнить вопрос, договориться в конце концов.

Товарищи Керенский и Чхеидзе пойдут к Родзянко. Они ведь члены этого же комитета. Пусть они все выяснят. Если уж вы хотите протестовать, то давайте протестовать от имени партий. От РСДРП, от Трудовой группы, но не от имени Совета официально.

— И то верно, — соглашался Чхеидзе. — Не настало время делить шкуру неубитого медведя, скажу я вам, товарищи. Слишком многое поставлено на карту. Обещаю вам, что мы выясним отношения между Советом и думским комитетом, а на следующем заседании дадим вам ответ.

— Предлагаю, чтобы Исполком связал этот ответ с освещением общего политического положения и с вопросом о тактике рабочего класса в настоящий момент, — добавил В. М. Молотов.

Лихорадочно работал в эти часы и Временный комитет Государственной думы, опираясь на актив депутатов, входивших во фракции Прогрессивного блока, на добровольных помощников из офицеров, студентов, гимназистов, курсисток и даже бойскаутов. Дума стала назначать комиссаров в министерства и государственные учреждения. Прогрессист Бубликов первым был назначен особым комиссаром по министерству путей сообщения. Не было даже отменено пассажирское движение между Петроградом и Москвой. При помощи железнодорожного телеграфа, существовавшего отдельно от общегосударственной сети, Бубликов послал циркулярное воззвание, подписанное Родзянко. В нем от имени Временного комитета Государственной думы извещалось о событиях в Петрограде и железнодорожники призывались к работе с удвоенной энергией. Во многих местностях России телеграммы Бубликова по железнодорожному телеграфу стали первым сообщением о революции. Было также напечатано сообщение о положении на железных дорогах для населения Петрограда. В нем утверждалось, что теперь уже нет никаких оснований тревожиться за доставку хлебных грузов и «надлежит с полным спокойствием и доверием взирать на будущее». Контроль над аппаратом министерства путей сообщения позволил Временному комитету Государственной думы сразу быть в курсе всех передвижений грузов и войск, что весьма пригодилось в последующие тревожные дни.

Были отправлены комиссары на почтамт, на Центральный телеграф, в Петроградское градоначальство. По четыре комиссара посылалось в министерство внутренних дел и министерство земледелия, по три — в министерство юстиции, по два — в военное и морское министерства, в министерство финансов и министерство торговли и промышленности. Большинство из этих комиссаров прибыли на свои места уже 28 февраля. Их появление способствовало тому, что технический и оперативный аппарат государственного управления бесперебойно продолжал свою работу, хотя царские министры и многие их заместители были арестованы восставшим народом.

Временный комитет Государственной думы поручил гласному Петроградской думы архитектору М. А. Крыжановскому организовать вместо разбежавшейся старой полиции новую, народную милицию для охраны города. Крыжановский прибыл в градоначальство, но когда он стал посылать своих представителей по районам, то они почти всюду наталкивались на созданную уже рабочими по призыву Петроградского Совета рабочих депутатов собственную милицию, охранявшую не только предприятия, но и улицы и проспекты столицы.

Продовольственная и военная комиссии Временного комитета работали успешно: начали подчинять себе деятельность аналогичных комиссий Петроградского Совета. Пользуясь сначала железнодорожным телеграфом, а потом и Центральным, передавала воззвания Думы комиссия по связи с провинцией. Информация о революции стала поступать к населению всей огромной российской провинции. Не знали отдыха и члены комиссии «по принятию и задержанию военных и высших гражданских чинов». В 11 часов 15 минут 28 февраля в Таврический дворец явился последний министр внутренних дел царского правительства Протопопов и сдался первому попавшемуся солдату. С триумфом и ликованием доставили его к Керенскому, а затем в министерский павильон Таврического дворца, где содержалось уже немало задержанных. Вскоре их под конвоем отправили на автомашинах в Петропавловскую крепость.

Укреплялось официальное положение Временного комитета Государственной думы. Послы Великобритании и Франции спешили признать его фактическое су-

ществование как высшего правительственного учреждения в тот момент. В их совместном заявлении говорилось, что «правительства Англии и Франции вступают в деловые отношения с Временным комитетом Государственной думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России».

От имени Временного комитета Родзянко послал две телеграммы командующим Балтийским и Черноморским флота и главнокомандующим фронтов, а также начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву в Могилев. Говорилось, что ввиду устранения всего состава старого совета министров правительственная власть перешла в настоящее время к комитету, который и водворит порядок в тылу. Войска же призывались к продолжению борьбы против «внешнего врага». Временный комитет обещал создать «новую правительственную власть».

Вся эта работа творилась впопыхах, в тесноте, на краешках столов, так как весь огромный Таврический дворец по-прежнему был затоплен морем революционного народа. В течение всего дня 28 февраля к нему подходили десятки воинских частей. Они несли наспех изготовленные знамена и плакаты с лозунгами демократической республики, Учредительного собрания, земли и воли. Полки подходили к крыльцу дворца, делегации вызывали членов Временного комитета. Потом, смешав свой строй, проникали внутрь дворца, растекались снова, встречались то в Екатерининском зале, то в Белом и снова требовали, чтобы перед ними выступали. Они восторженно приветствовали каждого оратора, что бы он им ни говорил. Лишь бы в его речи было осуждение старого строя, прославление революции. Это очень скоро оценили члены Временного комитета Государственной думы, которые стали наперебой предлагать свои услуги, чтобы выступать перед солдатами и рабочими.

— Павел Николаевич, — говорил Родзянко Милюкову, — опять требуют выступить! А что сказать?

— Идите, идите, Михаил Владимирович! В их глазах мы с вами — победители. Не лично, а Дума, Таврический дворец, если хотите. Символ, что ли. Вот и выступайте. Вы ж у нас глава Временного комитета, чуть не Временного правительства.

И, приосанившись, сделав безуспешную попытку подтянуть огромный живот, Родзянко выходил в Екате-

рининский зал. Он выступал 28 февраля по меньшей мере четыре раза. Перед солдатами-преображенцами, юнкерами разных училищ и кавалеристами 9-го запасного полка. Всюду говорил одно и то же:

— Спасибо вам, братцы солдаты, за то, что вы пришли приветствовать Государственную думу. Дума решила восстановить порядок, который нарушало старое правительство! («Ура-а-а!») Я надеюсь, что вы, наши чудо-богатыри, поможете в этом Государственной думе. («Ура! Поможем! Верьте нам, народные избранники!») Но, солдаты, я сам служил и скажу вам как старый воин. Армия без дисциплины не существует. Вы должны слушаться офицеров, своих командиров. (Настороженное волнение.) Они вас дурному не научат! (Молчание.) У нас здесь, в Думе, много офицеров, которые действуют в согласии с нами. (Одобрительный гул.) Солдаты! Я верю, что вместе с вами мы одержим победу над немцем, над нашим заклятым врагом Вильгельмом. Да здравствует наша матушка-Россия! Православные воины, не посрамям святую Русь! Ура! (Долгое «ура!».)

Так члены Государственной думы не только стремились вернуть солдат под командование офицеров-монархистов, но и убедить их в том, что революция сделана под руководством Государственной думы, а главная цель этой революции — победа над внешним врагом. Дело в том, что с присоединением солдат петроградского гарнизона к революционному движению рабочих солдат превратился в столь же равноправного участника революции, как и питерский пролетарий. Более того, многие буржуазные лидеры внушали солдатам мысль, что именно их выход на улицы 27 февраля решил судьбу революции, а поэтому они главные ее участники. Что же касается степени организованности солдат гарнизона и даже политической сознательности, то она далеко уступала степени организованности и сознательности рабочего движения. Военные организации большевиков и других революционных подпольных партий в войсках гарнизона до 28 февраля были крайне малочисленными. Они не могли оказывать решающего политического, а тем более организационного влияния на огромную солдатскую массу.

Уже к полуночи 27 февраля к революции активно примкнули 66 тысяч солдат. Вечером же 28 февраля число солдат, перешедших на сторону революции, достигало, по данным военной комиссии Временного ко-

митета Государственной думы, 127 тысяч человек! Практически весь гарнизон в столице объявил о своем присоединении к движению. Солдаты плохо разбирались в различиях между комитетом Государственной думы и Исполнительным комитетом Совета. Государственная дума была для них скорее синонимом Таврического дворца, руководящего центра революции. Они с восторгом шли туда и без разбора кричали «ура!» и меньшевику Чхеидзе, и помещику-октябристу Родзянко. Но и лидеры Исполнительного комитета Совета, и руководители Временного комитета Государственной думы начинали понимать, что от того, за кем пойдет эта солдатская масса, будет зависеть решение вопроса, кому будет принадлежать реальная власть в нарождавшемся соотношении политических сил. Поэтому уже с 28 февраля началась все более обострявшаяся борьба за гарнизон, за политическое руководство солдатскими массами. К тому же включение солдат в число участников революционного движения отразилось и на его политическом характере и лозунгах. Если 23—25 февраля большевистские лозунги пользовались наибольшей популярностью среди участников рабочих демонстраций и вместе с призывами к свержению самодержавия рядом всюду были лозунги «Долой войну!», то теперь антивоенный характер движения несколько растворился в общедемократическом потоке, во всенародном движении за свободу, против самодержавия. К руководству этим движением примкнули и ярые меньшевики-оборонцы, и центристы. Они были широко представлены в Исполнительном комитете Петроградского Совета, что же касается Временного комитета Государственной думы, то его представители прямо выступали за продолжение империалистической войны в тесном единении с союзниками.

Так, Милюков был приглашен выступить перед солдатами 1-го запасного пехотного полка. Сначала он произнес речь перед офицерами и сказал им, что единственная власть в тот момент — это «Временный комитет Государственной думы. Никакого двоевластия быть не может». Для утверждения власти комитет нуждается в вооруженной силе. Офицеры должны безоговорочно присоединиться к Временному комитету и выполнять все его распоряжения.

Обращаясь к солдатам, Милюков говорил:

— Господа солдаты! Приветствую вас от лица Государственной думы, возглавившей протест народа против

старой власти! Спасибо вам за поддержку, которую вы оказали нам, Временному комитету Государственной думы. Я призываю вас быть вместе с офицерами, которые пойдут рука об руку с Государственной думой. Только что я беседовал с вашими командирами, которые заверили меня, что они как один идут вместе с Государственной думой. Будьте вместе с ними! (Ура-а-а!) Повинуйтесь приказам коменданта петроградского гарнизона, члена Государственной думы Энгельгардта! Комитет принимает срочные меры по восстановлению порядка. Только это позволит нам с вами разделаться с немцем внешним и покончить с немцем внутренним!

То же самое говорил Милюков и перед солдатами запасного батальона гвардии гренадерского полка. Даже речи Керенского, в какой-то мере продолжавшего себя ощущать членом Государственной думы, не очень отличались от речей Родзянко и Милюкова. Он обещал, что старый «варварский строй падет безвозвратно», но, однако же, призывал «в три дня создать полное спокойствие в городе», к полному единению солдат и офицеров, которые должны быть «старшими товарищами солдат».

С речами выступали также Львов, Чхеидзе, Скобелев. Как и Керенский, они старались скорее подчеркнуть то общее, что роднило их с Временным комитетом Государственной думы, чем говорить об особой политической позиции Петроградского Совета. 28 февраля на ступенях Таврического дворца впервые появился Гучков. Этот глава заговора против Николая II упустил момент для осуществления своего предприятия. Гучков к Государственной думе четвертого созыва никакого отношения не имел. Он числился в верхней законодательной палате, Государственном совете. Он, как и Дума, начал свою работу 14 февраля 1917 года. Гучков привлек к себе внимание столичной прессы тем, что 20 февраля 1917 года выступил с обоснованием запроса 35 членов Государственного совета по злободневному тогда продовольственному вопросу. Черносотенные газеты стали тогда вновь нападать на него. «Земщина» 22 и 26 февраля назвала его «неусыпным Катонем из Замошворечья»¹. Орган правых намекал таким образом

¹ Катон — вождь республиканской партии в Древнем Риме I века до нашей эры. Он выступал против заговора Катилины, занимал должности народного трибуна и претора. В период первого триумvirата и гражданской войны выступал на стороне Помпея против Юлия Цезаря.

на антиправительственную деятельность Гучкова. Несомненно, заговорщики постоянно общались между собой в дни 23—27 февраля, но народное движение, зародившееся и развивавшееся без всякого их участия, пугало и смущало их. Гучков и его ближайшие сподвижники по заговору против Николая II выжидали.

Солдатское восстание вызвало, естественно, у Гучкова, как одного из лидеров русской буржуазии, отрицательную реакцию. Он звонил утром 27 февраля генералам Хабалову и Занкевичу, советовал быстро подавить «бунт» военными мерами, пообещав одновременно провести внутренние реформы. Гучков жил на Фурштатской улице между Воскресенским и Литейным проспектами, которые стали ареной солдатского восстания и первым «театром военных действий» против старого строя. Поэтому он вскоре лично убедился в тщетности всяких надежд на подавление восстания 27 февраля военными силами в Петрограде. Поздно вечером 27 февраля он составил от имени членов Государственного совета телеграмму императору в ставку. Гучкову удалось собрать под этой телеграммой подписи еще 21 члена верхней законодательной палаты. В ней члены Государственного совета верноподданно умоляли царя уволить в отставку старое правительство, которое бессильно справиться с «грозным положением». Далее в письме говорилось:

«Мы почитаем последним и единственным средством решительное изменение Вашим Императорским Величеством направления внутренней политики согласно неоднократно выраженным желаниям народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить Вам, государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страной в полном согласии с народным представительством».

Таким образом, Гучков делал решительный шаг в сторону поддержки платформы не столько Государственной думы или ее Прогрессивного блока, сколько лично Родзянко. Судя по всему, он советовался с ним и при составлении самого этого текста. Поэтому вполне логично, что утром 28 февраля Гучков явился в Таврический дворец и отдал себя в распоряжение Родзянко. Временный комитет, хотя и не включил Гучкова в свой

состав, поручил ему войти в число членов военной комиссии, надеясь на «связи» Гучкова с военными. Участвуя в приеме войск в Государственной думе, объезжая казармы, Гучков постепенно обрел присущую ему энергию и уверенность в себе. С обостренным вниманием он стал следить за ходом событий, чтобы не упустить момент для возвышения своей личной роли в совершавшемся перевороте. И скоро такой момент настал...

В СТАВКЕ

До 27 февраля царская ставка сохраняла обычный ритм жизни. О событиях в Петрограде знал очень ограниченный круг лиц. Успокоительные телеграммы Протопопова, Хабалова и Беляева о стрельбе в демонстрантов 26 февраля и очищении центра города от «буйствующих» — все это внушало Алексееву и самому Николаю II уверенность в победе. Власти справились с беспорядками, и о них можно больше не думать.

Но 27 февраля с каждым часом тревога и беспокойство в Могилеве стали нарастать. Офицеры делились полученными из разных источников сведениями и слухами:

- Говорят, была сильная стрельба на Невском!
- Да, у Казанского собора! И много убитых.
- Слышали? По Питеру ходят бронированные автомобили. И стреляют из пулеметов. Чем все это кончится?

— Его величество как будто решил завтра возвращаться в Царское Село. И мы все поедem.

Придворный историограф ставки Дубенский спрашивал консультанта начальника штаба верховного главнокомандующего профессора Трегубова, только что побывавшего у Алексеева:

— Сергей Николаевич! Ну что там слышно? Скажите ради бога!

— Алексей сказал, когда я его спросил, что в Петрограде, — «Петроград в восстании»! Вот до чего дело дошло. А я ему говорю: первое, что надо сделать, убить Протопопова. Ей-богу! Он ничего не делает, шарлатан!

К полудню в ставке имелись ночные и утренние телеграфные донесения из Петрограда, телеграммы Родзянко. Последним Николай II не доверял и игнорировал

их содержание. Военный же министр Беляев все еще выражал уверенность, что скоро наступит «спокойствие», для коего принимаются необходимые меры. Однако Хабалов просил «прислать немедленно надежные части с фронта». В обстановке сбивчивых сообщений тревога в ставке во второй половине дня 27 февраля стала нарастать. Генерал Алексеев несколько раз совещался с императором, докладывал ему поступающие из Петрограда новости.

Николай был сдержан. Как обычно, он слушал, но ничего не говорил. После файф-о-клока сел за письмо Александре Федоровне: «После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо...» Императору, привыкшему к простейшему «приему государственного управления», смене лиц, такой путь представлялся очень подходящим: стоит назначить нового подгонялу, и все вопросы решатся сами собой! Вскоре прибыла телеграмма от председателя совета министров князя Голицына, отправленная из столицы в 18 часов. Он сообщал, что правительство не может справиться с положением, просит распустить его и назначить лицо, пользующееся общественным доверием, составить новое правительство. Военный министр Беляев с запозданием констатировал, что «погасить мятеж» ему не удастся, и просил о присылке с фронта надежных частей.

Тогда царь вызвал Алексеева и заявил, что нужно возвращаться в Царское Село. Решили, что отправятся в ночь на 28-е. Николай II приказал спешно отправить в Петроград кавалерийские части. В 19 часов 06 минут 27 февраля он телеграфировал Александре Федоровне:

«Выезжаю завтра в 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в город. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены».

Оставшееся время до обеда он просидел в своем кабинете в полном одиночестве и в молчании... Тем временем Дубенский, одержимый идеей записать все «для истории», вышел на улицу в поисках новых источников информации. Направлялся он на вокзал станции Могилев, где решил навестить проживавшего в своем личном

вагоне генерал-адъютанта Н. И. Иванова. У него был лейб-медик профессор С. П. Федоров.

Втроем они обсуждали последние новости из Петрограда. Общее мнение сводилось к тому, что если послать в столицу несколько хороших полков, то пожар можно еще потушить. Дубенский и Федоров убеждали генерала пойти к царю и убедить его энергично действовать. Иванов отказывался, ссылаясь на то, что государь, видимо, на него обижен. Что уже 11 месяцев как он в ставке, после того как сдал командование Юго-Западным фронтом А. А. Брусилову. Делать он тут ничего не делал. Всего лишь дважды посылали его на инспекционные поездки. А ведь он боевой генерал! И ему всего лишь 66 лет! А Николай II видит его каждый день за общим обедом, но за все эти 11 месяцев не сказал ему ни одного слова! Не обидно ли это? Он пожаловался своим гостям, что еще 12 декабря просился в отставку, но царь не отпустил его, хотя и обещал «подумать». Поэтому генерал отказывался идти к царю. Но собеседники горячо убеждали, что как раз его положение «стороннего наблюдателя» дает ему возможность пойти к государю и дать совет. Долго крепился генерал, но в конце концов сдался на эти уговоры. После обеда он попросил приема у Николая II.

К этому времени была получена телеграмма, подробно рассказывающая о выступлении 4-й роты Павловского полка 26 февраля. Появился и Воейков, неся очередную телеграмму от Протопопова. Николай II решил отправить в Петроград не только гвардейскую кавалерию, но и артиллерию, и пехотные войска с Северного фронта. Тут пришел к нему Иванов.

— А, Николай Иудович! — сказал император приветливо. — Заходите, пожалуйста, заходите. С чем пожаловали? Я ваш вопрос не решил, скажу сразу.

— Нет, нет, ваше императорское величество. Я совсем по другому поводу. В связи с текущим моментом, если позволите.

— Что же, пожалуйста, послушаю вас.

— Ваше императорское величество! Позвольте доложить, что положение мне представляется очень серьезным. Глубокое недовольство разъедает страну. Государственная дума превратилась в очаг смуты. Она возбуждает общество, но за ней стоят и определенные силы. Надо пойти с ними на какое-то соглашение. Необходимо принять меры, которые могли бы удовлетворить раз-

ные группы народа. Ответственное министерство, что ли. Как они там его называют? Ведь вы знаете, что недовольство проникло даже в войска! А это очень опасно.

Царь слушал, и целый ряд мнений вдруг начал соединяться и выстраиваться в цепочку. А во главе этой цепочки стоял генерал Иванов. Эврика! Его послала сама судьба. Пусть-ка он и отправляется в Петроград наводить порядок! Надо ему подчинить всех главных министров, включая и Протопопова, тот все-таки явно не на месте. Пусть он их подгоняет! К тому же военная власть — пусть будет новым главнокомандующим войск Петроградского военного округа. А чтоб не явился с пустыми руками, придать ему эшелон с фронта. Вот как складно получается. И он слегка улыбнулся сам себе, больше не слушая генерала, вежливо дожидаясь, пока тот кончит.

— Я совершенно с вами согласен, — сказал император, когда Иванов замолчал. — Назрела необходимость кое-что сделать. Дорогой Николай Иудович! Я прошу вас принять должность главнокомандующего Петроградского военного округа и выехать на место. Ваши мысли, ваши идеи и ваш опыт позволят вам навести порядок. Я уже отдал распоряжение направить в Петроград войска с фронта. Вы сможете опереться на них в борьбе с бунтовщиками.

— Простите, ваше императорское величество, но как-то так сразу. Не ожидал я... Это приказ?

— Приказ.

— Благодарю за доверие. Буду стараться. Но это совершенно неожиданно для меня... Вы говорите, «войска». Но что это за войска? Я не знаю их настроений. Как я смогу опереться на них? И потом, скажу вам от души, я хорошо знаю, что войска, входящие в мятежный гарнизон, увы, часто переходят на сторону мятежников. Боюсь, как бы и здесь этого не случилось. Поэтому, ваше величество, одних войск мало. Нужно создать и психологические предпосылки. Вы сказали, что согласны со мной насчет реформ. Насчет ответственного министерства?

— Да, министерство доверия, я помню. Конечно, конечно, я подумаю. Вы, главное, собирайтесь поскорее. Готовьтесь, ночью выедете.

— Я, что же, я всегда готов. Я, ваше величество, одиннадцать месяцев все собираюсь, да вот только сейчас ехать придется. И куда!

— Ну что вы, Николай Иудович! Я всегда про вас помнил, всегда был вами доволен. Но вот ведь и Брусилов после вас отличился. Теперь и ваш черед настал.

— Слушаюсь! Только вот насчет реформ...

— Да-да, помню.

Об этом приходилось думать, хоть и было крайне неприятно. Но вот ему принесли две телеграммы от Алис! Одна отправлена в 11 часов 12 минут из Царского Села: «Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Алис». А другая — в 1 час 30 минут: «Уступки необходимы. Стачки продолжают. Много войск перешло на сторону революции». Да-а, дело серьезное. Алис даже пишет «революция»! Но это ужасно! Как она-то там? И с больными детьми. Надо немедленно возвращаться!

А за стенами кабинета Николая II, в ставке, паника разрасталась. Новости из Питера стали достоянием уже десятков офицеров и генералов. Набегавшись по коридорам и улицам, Дубенский записывал:

— Уже определилось Временное правительство, заседающее в Думе под охраной войск, перешедших на сторону революционеров. Войск, верных государю, осталось меньше, чем против него. Гвардейский Литовский полк убил командира. Преображенцы убили батальонного командира Богдановича. Председатель Думы Родзянко прислал в ставку государю телеграмму, в которой просил его прибыть немедленно в Царское Село, «спасать Россию!».

Около 22 часов состоялись переговоры по прямому проводу генерала Алексеева с князем Голицыным и великим князем Михаилом Александровичем. В 22 часа 30 минут Алексеев передал Михаилу по приказу царя: «Завтра государь император выезжает в Царское Село. Государь приказал до его возвращения никаких перемен в составе совета министров не производить». Далее сообщалось, что 28 февраля в Петроград выезжает генерал Иванов, а с ним надежные части с Западного и Северного фронтов.

Так что уступки уступками, а сдавать власть Николай II никак не собирался, назначать новым председателем совета министров Родзянко или князя Львова тоже не спешил. В 12 часов ночи решили еще раз попить чаю. Затем царь простился с высшими офицерами и пошел к себе в сопровождении Воейкова и министра двора

графа В. Б. Фредерикса. Они вскоре вернулись и объявили, что отъезд в Царское назначен безотлагательно. Николай II принял генерала Алексеева, как обычно, остававшегося в Могилеве, через которого Родзянко и все другие посредники и добродетели из Петрограда, не решаясь и не имея права обращаться прямо к царю, вели переговоры. Алексей особенно осторожен должен был быть с Родзянко, который вроде бы уже возглавил «революционное правительство». Поэтому при последнем докладе царю генерал Алексей позволил себе посоветовать ему принять предложение председателя Думы о назначении новым главой правительства лица, пользующегося доверием. Царь сказал, что он уже думает над этим.

После ухода Алексева стали готовиться к отъезду. В 2 часа 10 минут ночи 28 февраля на Могилевский вокзал прибыл Николай II. Едва он поднялся в вагон, как ему доложили, что генерал Иванов просит его срочно принять. Иванов, как бы угадывая замысел Николая II, решил просить у него полномочий на то, чтобы его указания министрам земледелия, промышленности и торговли, путей сообщения и внутренних дел выполнялись ими «без задержек». Царь с радостью согласился и подписал бумагу, где категорически предписывалось: «Чтобы все министры исполняли требования нового главнокомандующего Петроградского военного округа беспрекословно». Согласился Николай и с предложением Иванова не вводить сразу карательные войска в столицу вплоть до окончательного выяснения дела. Этим генерал хотел уберечь приданные ему войска от влияния революционных солдат петроградского гарнизона.

— А что же, ваше императорское величество, будет сделано для удовлетворения народа? Намерены ли вы перейти к системе министерства общественного доверия? — спросил в заключение Иванов.

— Да, — коротко ответил царь.

Гудели паровозные гудки, слышался лязг буферов. В 4 часа утра отправили свитский поезд. К 5 часам был готов к отправке и царский поезд. Генерал Иванов провожал Николая II у вагона:

— Ваше величество, так позвольте еще раз напомнить насчет реформ. Без этого мне не справиться.

— Да-да. Мне и генерал Алексей напоминал об этом. Министерство доверия, ответственное министерство.

Поезд тронулся. Генералы и офицеры на перроне застыли по стойке «смирно». Освещаемый редкими станционными фонарями царь стоял на площадке своего вагона, приложив два пальца к краю папахи...

Проводив поезд, Иванов приказал прицепить свой вагон к эшелону с георгиевскими кавалерами, батальон которых был передан под его начало. Отряд направлялся на узловую станцию Орша, где должен был быть усилен, а затем по более короткому пути через Витебск прибыть в Царское Село раньше, чем свитский и царский поезда, которые двигались из Могилева в Смоленск, потом в Вязьму и в Лихославль. На последней станции они выходили на Николаевскую железную дорогу, по которой им предстояло следовать почти до самого Петрограда. В Царском Селе их должны были встретить 13 батальонов пехоты, 16 кавалерийских эскадронов и 4 артиллерийские батареи. Это были немалые силы, и при опытном командовании и высоком моральном духе войск они представляли серьезную угрозу для революционного Петрограда.

Но революция опрокинула все расчеты. За те сутки, которые требовались поездкам, чтобы добраться до Петрограда, победа революции обозначилась во всей полноте, и не только отряд генерала Иванова оказалось невозможным использовать против рабочих и солдат столицы, но и поезд Николая II не смог добраться до Царского Села...

Пока же литерные поезда шли вперед. В Орше от генерала Алексеева была получена телеграмма членов Государственного совета с просьбой о безотлагательном даровании ответственного министерства. На станции был последний аппарат телеграфного прямого провода. После этого двусторонняя прямая связь между царским поездом и ставкой прекратилась. В 5 часов 28 февраля Николай II дал телеграмму из Вязьмы, в 21 час 27 минут — из Лихославля. Всего шесть-семь часов езды отделяли теперь его поезд от Петрограда.

Около полуночи Николай лег спать. Проехали Бологое, где были получены сведения, что из столицы выехали навстречу царским поездкам войска, чтобы не пропустить их в Петроград. Однако поезд продолжал двигаться дальше. В половине третьего ночи на 1 марта 1917 года прибыли в Малую Вишеру. Начальник станции в панике заявил, что в Любани, всего в 90 километрах вперед к Петрограду, уже находятся две роты

Матросы с «Авроры».

Рабочая милиция.

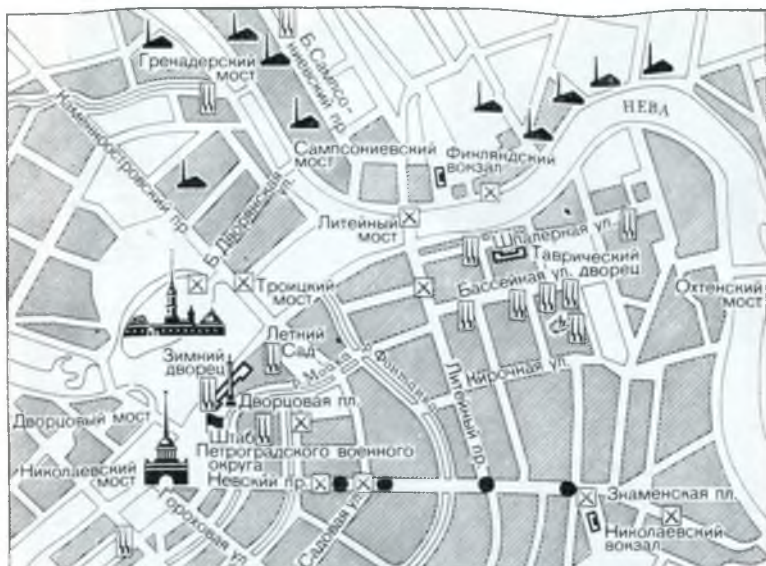
Студенты Технологического института,
образовавшие милицейский отряд 27 февраля 1917 года.

Рабочий-милиционер (рисунок 1917 года).

Государственная дума призывала и офицеров «признать революцию». Делать было нечего, и над санитарным автомобилем был поднят красный флаг (патрульная машина на Невском проспекте).

И в штатском
платье за версту
был виден
переодетый
полицейский.

Митинг
в Таврическом
дворце.

Заседание солдатского комитета.

В Белом зале Таврического дворца теперь решает свои дела солдатский «парламент».

Члены Временного комитета Государственной думы (слева направо): В. П. Львов, В. А. Ржевский, С. В. Шидловский, М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, И. И. Дмитрюков, Б. А. Энгельгардт, А. Ф. Керенский, М. А. Караулов.

Так рождался знаменитый «Приказ № 1».

Приказъ № 1.

1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградскаго Округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, и рабочимъ Петрограда для извѣдѣнія.

Советъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ роткахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военного флота немедленно выбрать комитеты изъ избранныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Советъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ роты, которымъ и вѣстись съ письменными удостовѣреніями въ зданіи Государственной Думы изъ 10 часовъ утра 1-го сего марта.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленияхъ воинская часть подчиняется Совету Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комиссіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчаютъ приказамъ и постановленіямъ Совета Рабочихъ и Солдат. Депутатовъ.

5) Всякого рода оружіе, какъ то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и въ военъ случаевъ не выдаваться офицерамъ, даже не изъ требованій.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, во всякой службѣ и строю, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть ущемлены въ тѣхъ правахъ, которыми пользуются всѣ граждане.

Въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести въ службѣ отменяется.

7) Равнымъ образомъ отменяется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ военныхъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на «ты», воспрещается и о всякомъ изрушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до извѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ роткахъ, батальонахъ, полкахъ, эскадронахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ

Петроградскій Советъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Солдаты революции.

Солдаты автобронемастерских — одни из первых в гарнизоне стали поддерживать большевиков. Скоро эти броневики отправятся к Финляндскому вокзалу встречать В. И. Ленина!

Пока он еще в штатском. Но через некоторое время Керенский попытается стать диктатором России.
(Керенский на параде в Царском Селе. Март 1917 года.)

Экстренное приложение

№ 4.

3 марта 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

ПЕТРОГРАДСКАГО СОВѢТА

Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

ОТРЕЧЕНІЕ ОТЪ ПРЕСТОЛА.

Депутатъ Карауловъ явился въ Думу и сообщилъ, что государь Николай II отрекся отъ Престола въ пользу Микханла Александровича. Михаилъ Александровичъ въ свою очередь отрекся отъ Престола въ пользу народа.

Въ Думѣ происходятъ грандіознѣйшіе митинги и оваціи. Восторгъ не поддается описанію.

Текстъ извѣстій Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Петербурга

Тако вѣсть чю тави — анимированнѣмъ кромѣ...
 Прѣдѣ пуганомъ, фанатѣмъ болѣванъ
 Зѣмлетъ ии прохвѣстѣмъ водномъ
 Мы вранѣмъ своимъ лѣтѣмъ

Почтовая
агитационная
открытка.
Лето 1917 года.

Почтовая
агитационная
открытка.
Февраль — март
1917 года.

Съ глубокой радостью извѣщаемъ родныхъ и знакомыхъ,
 что послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни 27 Февраля
 1917 г. окончился самодержавный деспотическій режимъ.

Гражданинъ Свободной Россіи

Прозвонилу етхав страна, ссодынайтсє!

Товарищи!

Из Петербурга уволенные Солдаты присоединились к рабочим. Из стороны города перешли Преображенский, Васильевый, Пискаревский и Сеславинский районы. После жестоких столкновений в центре присоединился Невский район. Возникли небольшие группы (клетки). Наиболее значимая армейская, артиллерийское управление и выделенную технику (Кресты), из которой выпустили артиллерийских офицеров. После этого начался период волевого восстания. Петроградская армия. На основании неопределенных моральных принципов, восстание приближалось к завершению. Поздней

Российский пролетариат должен поддержать
Петербургские восстание! Иначе миллион пролитой
этой священной крови останутся безжалостными

ТОЖАРИЩЕ, бресавте работи! Седматъ: Помини-
те себича рѣшатъ судьба народа! Неб на улу-
пу! Неб позъ вратни члениа революциѣ! Выбъ
райтъ на себѣ рабочѣа депутатѣ! Слѣдѣ-
тѣе на оѣну революционѣу еѣу! Наша задача —
создатъ армѣиѣи революционѣи правительствѣа
за соѣма УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИА

Lyapunovovskiy, Semyonovskiy

Д-р инж. Сергей Николаевич Демидов

Dr. Iratze Etxepare, Presidente de la Asociación de
Universidades de País Vasco

Долой войну!

Московский Суд Членом Службы Кошмана Р. С. Д. Р. Р.

Дом в Цюрихе, где жил
В. И. Ленин. 1916 — 1917 годы.

революционных солдат с пулеметами, которые могут расстрелять царский поезд. Разбудили царя, который, выслушав доклады, согласился с предложением доехать до «ближайшего Юза» (то есть до телеграфного буквопечатающего аппарата системы Юза, который позволял вести переговоры по прямому проводу со ставкой и Петроградом). Таким ближайшим местом был Псков, ставка главнокомандующего войск Северного фронта генерала Н. В. Рузского. Перецепили паровоз, и поезд тронулся в обратном направлении. Весь день 1 марта царский поезд медленно двигался к Пскову. Никакой связи со ставкой установить не удавалось. Не меняя паровозов, литерные поезда проследовали через Старую Руссу. Там узнали, что генерал Иванов со своим отрядом лишь недавно проследовал станцию Дно. Николай II был поражен этим фактом: ведь еще утром 1 марта Иванов должен был уже находиться в Царском Селе!

— Отчего же он так медленно едет? — спрашивал император Воейкова.

Между тем телеграфисты тех железнодорожных станций, мимо которых следовал царский поезд, стали сообщать комиссару Государственной думы Бубликову в министерстве путей сообщения данные о продвижении литерных составов. Так что в ночь на 1 марта в Петрограде знали о приближении царского поезда. Один из помощников Бубликова, некий поручик Греков, послал циркулярную телеграмму по сети Николаевского железнодорожного телеграфа: не допустить поворота литерных поездов на Царское Село в узловой станции Тосно (в 60 километрах от Петрограда), а направлять их прямо на Николаевский вокзал столицы. Это вызвало настоящую панику в следовавшем первом (свитском) литерном поезде «Б». Тогда-то Дубенский написал записку лейб-медику Федорову с предложением в Бологом повернуть на Псков, чтобы, опираясь на штаб Северного фронта, начать операции против Петрограда. Но царь, которому Федоров доложил об этом предложении, ответил: «Во что бы то ни стало пробираться в Царское Село». Поэтому литерный «Б» дошел до Малой Вишеры, где панические вести о наличии революционных войск в Любани заставили охрану остановить поезд, занять всю станцию и дожидаться прибытия царского поезда. После этого и было начато отступление. Но когда оба поезда вновь уехали в направлении Бологого, телеграфисты мигом сообщили об этом в Петроград.

Последовало распоряжение задержать поезд в Бологом, куда к Николаю II собирался ехать Родзянко. Но поезда, не меняя паровозов, так быстро проскочили узловую станцию, что задержать их не удалось. Это было расценено в Петрограде как стремление царя уклониться от встречи и продолжать борьбу. Последовал приказ Бубликова занять какой-либо разъезд впереди товарными поездами и сделать невозможным дальнейшее продвижение царского поезда на Дно. Неисполнение этого приказа рассматривалось Временным комитетом Государственной думы как «измена отечеству».

На самой станции Дно железнодорожники попытались устроить крушение балластного поезда, но станционные жандармы предотвратили крушение и арестовали железнодорожников. Царский поезд, а вслед за ним и свитский беспрепятственно достигли станции Дно. Царю доложили здесь только что полученную телеграмму Родзянко:

«Выезжаю на станцию Дно для доклада вам, государь, о положении дел и необходимых мерах для спасения России. Убедительно прошу дождаться моего приезда, ибо дорога каждая минута».

Пока меняли паровозы, царь ожидал Родзянко, однако никаких сведений о времени его прибытия не поступило, и решено было продолжить движение на Псков, который во всех отношениях представлялся царю и его окружению более подходящим местом для переговоров. В 7 часов 05 минут литерные поезда прибыли в Псков. Выбор этого города носил отчасти случайный характер: он был ближе всего, но отчасти и обдуманый: Псков — город прифронтовой, военный, центр Северного фронта, откуда часть войск должна была следовать в Петроград. Еще накануне генерал Алексеев в разговоре по прямому проводу с начальником штаба Северного фронта генералом Ю. Н. Даниловым требовал послать в Петроград части «из самых прочных, надежных», поставить во главе их «прочных генералов», распорядительных и смелых. Начальник штаба верховного главнокомандующего настаивал на том, что «обстоятельства требуют скорого прибытия войск». Данилов срочно выполнил это распоряжение и вскоре, днем 28 февраля, сообщил номера частей и фамилии генералов, предназначенных для отправки в Петроград. Главнокомандующий войск Северного фронта, со своей стороны, отдал приказ об обеспечении перевозок и недопущении «беспорядков» в ты-

ловых районах фронта. Но это была лишь внешняя сторона дела.

На самом деле Северный фронт и его штаб оказались не столь надежными, как казалось Николаю II и генералу Алексееву. Бурное развитие революции быстро поколебало лояльность Рузского и подавляющего числа военных начальников, да и сам генерал Алексеев 1—2 марта перешел на сторону Временного комитета Государственной думы. Генерал Рузский вплоть до 1 марта 1917 года сохранял лояльность к царской власти, но настроен был скорее оппозиционно. Настроение это усилилось с осени 1916 года, когда Петроград стал подчинен Рузскому в военном отношении. Постоянные нехватки в продовольствии и снабжении войск столичного гарнизона заставляли его отрывать необходимое от действующей армии. После октябрьских и ноябрьских забастовок шестнадцатого года Рузский познакомился с положением дел на петроградских предприятиях. Он увидел не только глухое недовольство всех рабочих, но и готовность значительной их части к открытой борьбе. Ему стало ясно, что размещенные в Петрограде войска крайне неохотно пойдут на подавление рабочего движения. Когда Николай II выделил петроградский военный округ из управления штаба Северного фронта, Рузский специально предупреждал Хабалова, чтобы тот остерегался давать приказ о подавлении беспорядков силою оружия, ибо это может привести к «ужасным последствиям, учесть кои впереди даже нельзя». Чрезвычайное раздражение вызывал у генерала и последний министр внутренних дел царского правительства Протопопов.

Уже 27 февраля Рузский получил телеграмму от Родзянко, где тот писал о событиях в городе и считал единственным выходом из создавшегося тяжелого положения просить Николая II даровать ответственное министерство. Рузский безотлагательно решил выполнить эту просьбу и передать телеграмму в ставку, приложив к ней и свое ходатайство. Через два часа один из его ближайших помощников — генерал-квартирмейстер Северного фронта генерал В. Г. Болдырев писал в своем дневнике:

«Рузский отправляет телеграмму государю, извещая его о получении телеграммы Родзянко, которую приказано в копии передать в ставку. Данилов пригласил меня переговорить по поводу этой телеграммы, мы из-

менили ее в двух частях, носящих характер условности. Данилов говорил, что выход один — выбор 30 доверенных лиц, которые, в свою очередь, выбрали бы кандидата, которому и вручить судьбу России. Теперь важен даже не столько человек, сколько призыв к чувству народа, который помирил бы народ с надвигающимся голодом. Все это так, но «Сам» уверен, что все это бредни, что Россия благоденствует».

Конечно, эти дневниковые записи нельзя назвать революционным призывом, но они свидетельствуют, что самая верхушка высшего офицерства вообще, и прежде всего на Северном фронте, который своим вмешательством мог изменить ход событий в Петрограде, была заражена оппозиционными настроениями. «Это мнение, — продолжал Болдырев, — по словам Данилова, разделяет и великий князь Георгий Михайлович, бывший сегодня у главнокомандующего. Верно, что нет большей слепоты, чем у людей, которые ничего не хотят видеть. Рузский исправил конец телеграммы, указав, что репрессии не достигнут цели умиротворения. Любопытно, какой последует ответ на эту историческую телеграмму? Рузский поступил, как велел долг; интересно, писал ли Родзянко другим главнокомандующим?» Итак, если Данилов и Болдырев смягчили тон телеграммы, придав требованиям Родзянко элемент условности, то сам Рузский, наоборот, усилил данные требования уступок, указав, что репрессии цели не достигнут. Однако требование ставки о подготовке двух дивизий для отправки в Петроград было выполнено.

— Учуют ли немцы, — задавал себе вопрос генерал Болдырев, — что мы на целых две дивизии ослабили себя для новой борьбы, теперь уже со своим, потерявшим и веру, и терпение, народом?

28 февраля в штабе Северного фронта из полученных телеграмм уже знали, что весь Петроград в руках восстановших. Офицеры с удовлетворением и затаенной радостью отмечали, что отправка войск задерживается из-за недостатка подвижного состава.

— Зачем войска? Что будет, если мы вовлечем во все это дело армию?

— За что хотят бороться? За призрак?

— Верно! Ведь кругом явное и тайное сочувствие!

— Все будет зависеть от того, что удастся сделать генералу Иванову.

— Верно, верно, — так говорили между собой генералы Данилов и Болдырев.

1 марта обстановка в Пскове стала еще более определенной. Стало ясно, что события в Петрограде приняли такой характер, что отряду Иванова явно не справиться с полумиллионной массой победившего народа, тем более имеющего уже свою военную организацию. Лукомский и Алексеев понимали, что для организации крупных воинских соединений — одной или двух армий для посылки в столицу — потребуется 10 дней, а то и две недели. И придется воевать по всем правилам искусства! Из Питера поступали сведения о работе там «нового правительства» из двенадцати членов Думы, о полном устранении старых властей — полиции и жандармерии, об аресте министров. Высшие воинские начальники стали больше задумываться о спасении армии и фронта, чем о судьбе Николая II. Защита отечества требовала быстрого и решительного компромисса с новой властью ради спасения армии, ради того, чтобы уберечь ее от волнений. В таком виде стала поступать информация из Могилева главнокомандующим фронтов, и в том числе в Псков.

Алексеев направил телеграмму в Царское Село для вручения ее Иванову. В ней говорилось, что ему стало известно воззвание думского комитета, в котором подтверждалась незыблемость монархического начала в России, но одновременно требовалось применять «новые основания» для выбора и назначения правительства. Если эти сведения верны, то генерал Иванов должен изменить образ своих действий, «переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу». Алексеев особенно хвалил воззвание «нового министра путей сообщения Бубликова к железнодорожникам», полученное им «кружным путем». Оказывается, Бубликов зовет к работе всех, чтобы наладить расстроенный транспорт. Начальник штаба верховного главнокомандующего поручал Иванову доложить все это царю и «убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию».

Однако из Царского Села сообщали, что Иванова с отрядом все еще нет. Тогда Алексеев продублировал содержание телеграммы Иванову прямо в Псков. Затем генерал послал новую телеграмму в Псков Николаю II. В ней он умолял императора «ради спасения России и

династии поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту — это единственное спасение». Таким образом, в момент, когда Николай II завершал свой долгий маршрут от Могилева до Пскова, высшие военачальники как в ставке, так и в Пскове от попыток военного подавления революции в Петрограде перешли к поискам соглашения с Временным комитетом Государственной думы на условиях, предложенных последним. Им казалось, что быстрый компромисс пресечет дальнейшее развитие революционных событий, уберекет армию от беспорядков и волнений, позволит без особых потрясений удержать фронт.

Обо всем этом царь и его ближайшее окружение понятия не имели, когда поезд подошел к Псковскому вокзалу. На перроне его встречали генералы Рузский, Данилов, Болдырев, Савич. Николай II вышел к ним навстречу и поздоровался с каждым за руку. После этого сразу начали обедать в императорском вагоне.

ДВОЕВЛАСТИЕ

1 и 2 марта в Петрограде стояла хорошая погода. Изредка шел небольшой снежок, выглядывало солнце. Оно озаряло громадные массы народа, наполнявшие Невский и Литейный проспекты, Шпалерную улицу. Красные знамена реяли над демонстрантами, слышались революционные песни. Догорел окружной суд, Литовский замок, десятки полицейских участков. Причудливые ледяные сосульки свешивались из обгорелых рам с растрескавшимися стеклами. В развалинах лежал дворец министра двора графа Фредерикса, уничтоженный народной толпой. Все реже слышались выстрелы. Большинство полицейских попрятались или были пойманы. На перекрестках и на улицах высились фигуры в черных штатских пальто. На левом рукаве у каждого виднелась белая повязка с наведенными наспех красными чернилами буквами Г. М. — городская милиция. Милиционеры вооружены были чаще всего винтовками, но у некоторых на поясах торчали кобуры наганов и маузеров, а иногда и жандармские шашки.

Над Зимним дворцом развевался огромный красный флаг. Золотые двуглавые орлы на воротах Зимнего, на решетках дворцового сквера были задержаны красным

кумачом. По улицам проносились грузовики, полные вооруженных солдат. В разных местах города проходили или стояли на постах броневики запасного автобронедивизиона или автобронемастерских. Ездили на грузовиках матросы крейсера «Аврора», ремонтировавшегося у стенки Франко-русского завода. Они подняли свое восстание утром 28 февраля. Не дымили заводские трубы. Все рабочие по-прежнему находились на улицах. Трамвайные рельсы покрылись свежей ржавчиной, красно-белые вагоны стояли в городских парках. Лишь редкие извозчики отваживались выезжать на улицы. По-прежнему бастовали печатники. Выходили только две газеты: «Известия Петроградского комитета журналистов», субсидировавшиеся Временным комитетом Государственной думы, и «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов». Город наводнили сотнями тысяч листовок, плакатов, воззваний и обращений. Два центра новой власти — Временный комитет Государственной думы и Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов — издавали распоряжения, посылали караулы, наряжали войска, обыскивали, арестовывали, освобождали, благодарили, поощряли.

В Петрограде безраздельно царила победившая революция. Начали открыто действовать революционные партии. Среди них на первом месте были большевики. Больше других отдавшие своих сил подпольной работе, руководству уличной борьбой пролетариата с царской полицией, действиями восставших солдат и рабочих в дни 27—28 февраля, большевики быстро оформляли свои вышедшие из подполья ячейки и комитеты, чтобы с новыми силами бороться за влияние внутри Совета депутатов, руководство которым захватили меньшевики. Важнейшие вопросы революции ждали своего разрешения — нужно было определить свое отношение к вопросу о власти, о судьбе монархии, о дальнейших задачах пролетариата в революции. Уже 1 марта провели первое общерайонное партийное собрание большевики Выборгской стороны. Только они смогли в условиях февральского восстания сохранить подпольный аппарат и районный комитет, который 26—27 февраля выполнял обязанности общегородского большевистского комитета. Поэтому они раньше других смогли оформить и легальную организацию.

Выборгские большевики приняли резолюцию, в которой требовали для победоносного завершения велико-

го дела революции образовать Временное революционное правительство «из недр восставших рабочих и войск». «Возникший Совет рабочих и солдатских депутатов, — говорилось в этом документе, — непрерывно вовлекая новые революционные кадры восстающих народа и армии, должен объявить себя Временным революционным правительством». Он должен немедленно подчинить себе Временный комитет Государственной думы из 12 членов. С самой же Государственной думы необходимо сложить полномочия народного представительства, поскольку она избрана на основе недемократического выборного закона низвергнутого царского режима. Большевики Выборгской стороны предлагали, таким образом, удачное сочетание старых большевистских лозунгов (Временное революционное правительство) с конкретными условиями проведения революции (наличие Петроградского Совета), требовали не упускать из поля зрения восставших солдат гарнизона.

2 марта большевики Петрограда провели общегородское собрание представителей районов для воссоздания Петербургского комитета. На нем присутствовали представители Выборгского, Нарвского, Василеостровского, 2-го Городского района, Латышской и Литовской районных организаций, студенческой организации, солдат, отдельных профсоюзов и предприятий, подпольной Исполнительной комиссии ПК — всего 40 человек, из них 14 снабженных формальными полномочиями для избрания нового ПК. На повестке дня стояло два вопроса: восстановление ПК и отношение к Петроградскому Совету в данный момент. Собрание выбрало временный Петербургский комитет и поручило ему приступить к созданию постоянного ПК. Затем началось обсуждение второго вопроса.

— Товарищи! — говорил один из большевиков, депутатов Совета. — Вы все знаете, что Советом ныне руководят меньшевики-оборонцы! Они получили места в Исполнительном комитете, но не они являются подлинными выразителями большинства сознательной рабочей массы. Посмотрите на «Известия» Совета. Они бедны содержанием и показывают, что Совет не имеет определенной тактической линии. Совет плетется в хвосте думского комитета. Что хочет Временный комитет? Он стремится к соглашению с монархией. Вы слышали, товарищи, что вчера Родзянко собирался ехать в Бологое к царю? Ясно зачем: сговариваться о компромиссе.

И все это дело вскрылось случайно, товарищи! Исполнительный комитет ничего не знал об этом! Родзянко приехал на Николаевский вокзал и стал требовать экстренного поезда, чтобы ехать к царю. Но наши братья железнодорожники не дали ему поезда и сообщили в Петроградский Совет! В момент обнаружения этого факта в Исполкоме товарищ Керенский поспешно заметил, что думский комитет не успел оповестить Совет о желании Родзянко! Куда же смотрел сам товарищ Керенский?! Советом рабочих и солдатских депутатов выражено порицание Керенскому за несвоевременное осведомление по этому вопросу.

— Верно, товарищи! — продолжал другой депутат Совета. — Поступок Родзянко заставляет нас держать в поле зрения вопрос для демократии очень важный, а именно — об отречении Николая II. Думский комитет хочет, чтобы Алексей был провозглашен царем, а Михаил назначен регентом. Это для демократии неприемлемо. Для революционной демократии минимум — это полное отречение Николая II, а максимум — его арест! И потом, где наш Совет заседает? У Государственной думы на задворках, в Таврическом дворце! Помещения отведены нам маленькие, места не хватает, часто скитаемся из зала в зал, большая часть времени уходит на проверку мандатов. Мы предлагали оборонцам перенести заседания в другое место, хоть в городскую думу на Невском. Так нет, куда там. Важно отвечать, что требуется постоянное общение с думским комитетом. А нужно ли оно, это общение? При таком разделении как раз лучше бы силы проявились. И было бы видно, какие войска к Совету пришли, а какие — к Государственной думе, чтобы их комитет приветствовать.

Прения проходили бурно. Однако фамилий своих никто не называл, все еще действовали осторожно, даже клички партийные не зафиксированы в протоколе этого заседания. Но он сохранил наступательный дух питерских большевиков, их стремление развивать революцию дальше. Участники собрания требовали переизбрать тех депутатов и членов Исполнительного комитета, которые не отвечают интересам рабочего класса. Нужно активнее работать членам ПК внутри Совета, тем более что сейчас представительство большевиков и ПК в Совете и Исполкоме очень незначительно. В принятых тезисах говорилось, что, пока не сломлена династия, борьба не кончилась. Выдвигался лозунг созыва Учреди-

тельного собрания. Оно должно решить и вопрос о том, ликвидировать ли войну.

Тут же состоялось первое заседание нового Петербургского комитета РСДРП(б), в который вошли В. В. Шмидт, П. А. Залуцкий, Кирилл Орлов, Н. К. Антипов, К. И. Шутко, В. Я. Пожела. ПК решил немедленно издать программу и устав партии массовым тиражом, переиздать брошюру А. М. Коллонтай «Кому нужна война», издать листовки к солдатам о текущем моменте. Так петроградские большевики, организовав свои силы, готовились к новой борьбе в Петроградском Совете, среди рабочих и солдатских масс.

Только большевистская партия начисто отвергала путь передачи революционной власти буржуазному правительству в момент свержения самодержавия. Большевики согласно принципам, разработанным в предшествующее время, выдвигали лозунг создания Временного революционного правительства как органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Учитывая же факт создания Петроградского Совета, ряд большевиков (в том числе из Выборгского района) считали, что именно Петроградский Совет должен создать или выделить из своей среды Временное революционное правительство. Многие рабочие и солдаты, посылая своих представителей в Петроградский Совет (что видно из мандатов депутатов), полагали, что Совет и станет Временным революционным правительством. В самом Петроградском Совете большевики сразу же выступили против того, чтобы буржуазия образовывала новое правительство. Опираясь на работы В. И. Ленина периода первой русской революции и первой мировой войны, большевики требовали создания Временного революционного правительства без всякого участия буржуазии в лице Временного комитета Государственной думы.

Недовольство думским комитетом и попустительством к нему со стороны Исполнительного комитета Петроградского Совета высказывалось уже на заседании Совета 28 февраля, когда стало известно о приказе Родзянко солдатам. Большевики требовали «диктовать» условия думскому комитету. Некоторые даже предлагали арестовать Родзянко. Керенский, сам входивший в думский комитет, назвал его на этом заседании «шайкой политиканов», что не помешало ему назавтра же действовать заодно с этой «шайкой». Но из-за мало-

численности большевистской части Петроградского Совета и Исполнительного комитета — конечно, сказывалось и отсутствие В. И. Ленина, — а также из-за общего недостаточного уровня сознательности депутатов (подавляющее большинство их были беспартийные и только впервые приобщились к политической деятельности) предложение большевиков о создании Временного революционного правительства и устранении от власти буржуазии не получило поддержки в решающие дни 1—2 марта 1917 года. На общем собрании Совета днем 1 марта член Исполнительного комитета Н. Д. Соколов проповедовал терпимость к партии кадетов «во имя доведения до конца борьбы с царизмом».

Но многие депутаты выступали по-другому. В частности, вольноопределяющийся запасного батальона гвардии Финляндского полка Ф. Ф. Линде говорил:

— Товарищи! Мы добились собственной кровью некоторых свобод. Теперь наша задача — не дать обойти себя буржуазии. Они постараются дать нам минимум политических прав. А мы хотим самого большого!

В заседании Совета 1 марта впервые участвовало много солдатских представителей и было решено пополнить Совет солдатскими депутатами (до этого он назывался Советом рабочих депутатов). В речах «нижних чинов» звучала ненависть к офицерам, ко всему старому строю. В лице солдат Совет рабочих депутатов получал теперь мощную поддержку. Они были силой, силой вооруженной, которая отворачивалась от Временного комитета Государственной думы. Ведь он, как явствовало из приказа, подписанного Родзянко, хотел вновь вернуть их под ярмо офицерского произвола.

Но меньшевистское большинство руководства Исполнительного комитета Петроградского Совета не собиралось захватывать власть в стране, оно хотело лишь поугать буржуазию, добиться уступок от Временного комитета Государственной думы и разрешить им сформировать правительство. Один из ведущих деятелей Исполкома тех дней — меньшевик Н. Н. Суханов так и говорил в своем кругу:

— Не будем отнимать у буржуазии надежду выиграть борьбу с нами, с Советом. Если мы будем выставлять далеко идущие, максималистские требования, то сорвем комбинацию, оттолкнем их от нас, усилим тех, кто ищет союза с царем, а не с революцией. Давайте ограничимся минимумом!

Да и наиболее дальновидные буржуазные политики понимали, что люди, которые руководят сейчас Петроградским Советом, не будут им мешать взять власть в свои руки и создать новое правительство. Ведь по меньшевистской «теории» пролетариат может взять власть в свои руки только тогда, когда станет большинством населения в своей стране. В России же промышленный пролетариат составлял всего 3,5 миллиона человек из 170 миллионов человек населения. Нет, считали меньшевики — и в этом их поддерживали эсеры, — России предстоит еще долгий путь развития под господством капитала, чтобы достичь уровня Англии, Франции или Германии. Поэтому и политическая власть должна согласно данной «теории» перейти в руки буржуазии, а не пролетариата. Эта теоретическая «политика» меньшевиков из Исполнительного комитета была прекрасно известна Милюкову и многим другим лидерам Временного комитета Государственной думы. Поэтому думский комитет не спешил сам вступать в контакты с Советом по вопросу о создании новой власти.

Временный комитет Государственной думы 1 марта сосредоточил свои силы не столько на закреплении политического контроля над государственным аппаратом, сколько на том, чтобы создать центральное правительство. Сорванная Исполкомом Совета поездка Родзянко в Бологое или на станцию Дно к царю усилила позиции Милюкова. Ведь он старался провести в премьеры князя Г. Е. Львова. А Родзянко, попади он 1 марта к Николаю II, был бы назначен новым председателем совета министров еще царским указом. Исполнительный комитет сыграл, таким образом, на руку Милюкову и князю Львову. Насколько велики были шансы Родзянко, показывает разговор генерал-квартирмейстера ставки В. Н. Клембовского и генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта В. Г. Болдырева. Последний записал в своем дневнике:

«Из разговора выяснилось, что ставка при поддержке великого князя Сергея Михайловича уже ставит точки над «и», указывая на Родзянку как на человека, пользующегося доверием и способного стать во главе правительства. Дай бог удачи Родзянке, про него много говорят и в добродушно-шутливом тоне, но судьба его вынесла — и исполать ему!»

Но прогнозам не суждено было сбыться. Утром 1 марта в Петроград из Москвы приехал председатель

Всероссийского земского союза князь Г. Е. Львов. Руководство Прогрессивного блока почувствовало себя «au complet» (в полном составе—*франц.*), по словам Милюкова. После 12 часов в Таврическом дворце состоялось заседание Временного комитета Государственной думы. Милюков предложил выдвинуть на пост главы правительства кандидатуру Львова. Надувшийся Родзянко смолчал, и предложение было принято. Самого Милюкова прочили на пост министра иностранных дел. Он со своей стороны предложил на пост военного министра Гучкова, которого не было на данном заседании. Он как член военной комиссии Временного комитета объезжал войска и вокзалы, готовясь к возможной встрече карательного отряда генерала Иванова.

Кандидаты на другие посты также были давно намечены. Их обсуждали на заседаниях бюро Прогрессивного блока еще с лета 1915 года, на заседаниях ЦК кадетской партии, на разных совещаниях, инициатором которых был тайный «Верховный совет народов России». Фамилии кандидатов мелькали в газетах, чтобы «общественность» привыкла к ним, им создавалась реклама на приемах в союзных посольствах и за границей. Министром торговли и промышленности намечался А. И. Коновалов, земледелия — А. И. Шингарев, путей сообщения — Н. В. Некрасов, обер-прокурором Синода — В. Н. Львов. Министром юстиции долгие годы намечался В. А. Маклаков. Но теперь в связи с расширением блока «налево» решено было им пожертвовать и пригласить на эту должность Керенского. Особенно горячо эту кандидатуру отстаивал Некрасов. Милюков, не зная еще об их тайных связях, согласился с тем, что такой шаг был бы разумным. Наметили создать и новое министерство — министерство труда во главе с Чхеидзе.

Гучков через Некрасова просил назначить министром финансов своего заместителя по ЦВПК Терещенко. Гучков хотел, чтобы все они были представлены и в новом правительстве. В итоге персональный состав правительства был согласован. Обсудили и вопрос о судьбе Николая II. Дольше всех лояльность уже фактически свергнутому революцией императору сохранял Родзянко. Еще 26—28 февраля компромисс между ним и Думой был возможен. Но как только потерпела крах попытка прорваться к царю для встречи на станции Дно, то Родзянко понял, что судьба императора решена бесповоротно.

Ему надлежало безусловно отречься от престола. Но какова будет судьба монархии вообще? Тут большинство членов Временного комитета Государственной думы высказывались за сохранение монархического принципа, за установление в России конституционной монархии наподобие английской.

Об этих планах было сообщено даже иностранным послам, и в первую очередь английскому (король Англии Георг V был двоюродным братом Николая II и, между прочим, походил на него внешне). Посол Джордж Бьюкенен, обдумав полученное известие, передал в Лондон:

— Дума посылает делегатов для предъявления его величеству своих условий. Они предъявляют императору требование отречься от престола в пользу своего сына, а великому князю Михаилу Александровичу принять регентство на время войны. Должно быть назначено ответственное министерство из 12 членов Думы во главе с князем Львовым и с Милюковым в качестве министра иностранных дел.

...А к Таврическому дворцу все продолжалось шествие воинских частей. Гремели оркестры. Вместе с военными маршами музыканты играли только что разученные «Марсельезу» и «Смело, товарищи, в ногу». Утром 1 марта в Таврический дворец из Царского Села явился «Собственный Его Величества конвой» и заявил о переходе на сторону революции. Конвойцы бросили свои посты у Александровского дворца. Туда для охраны, а фактически домашнего ареста царской семьи вошли солдаты местных царскосельских стрелковых гвардейских полков. В 16 часов в Таврический дворец прибыл великий князь Кирилл Владимирович. На его черной морской шинели красовался огромный шелковый алый бант. Вызвав Родзянко в Екатерининский зал, князь как командир гвардейского флотского экипажа заявил, что «отдает» себя и свой экипаж в распоряжение Государственной думы. А ведь совсем недавно Николай II перевел гвардейцев-матросов под Петроград на случай подавления революции. Вместо того чтобы подавлять ее, они теперь вслед за конвойцами, как и уже почти все части петроградского гарнизона и его окрестностей, заявили о своем переходе на сторону революции. Из Ораниенбаума пешком пришли в Петроград 19 тысяч солдат

1-го пулеметного запасного полка с сотнями пулеметов. На ночлег их пришлось разместить в Оперном театре Народного дома имени Николая II на Петроградской стороне.

В Кронштадте 1 марта произошло вооруженное восстание. Был убит комендант крепости адмирал Р. Н. Вирен и несколько высших офицеров. Свыше ста офицеров, вызывавших особую ненависть матросов Минной, Машинной и других школ и учебных частей Кронштадта, были арестованы и посажены на гауптвахту. В 20 часов на Якорной площади состоялся митинг, на котором матросы и солдаты крепостного гарнизона заявили прибывшим депутатам Государственной думы, что переходят на сторону революции. Вместо убитого Вирена комендантом был назначен комиссар Государственной думы В. Н. Пепеляев.

Этим же вечером Исполнительный комитет Петроградского Совета обсудил наконец вопрос об отношении к Временному комитету Государственной думы и попыткам последнего организовать новое правительство. Большинством в 13 голосов против 7 решено было своих представителей в правительство не посылать и участия в нем «не требовать». Предложения большевиков о создании Временного революционного правительства и некоторых правых меньшевиков и эсеров о создании совместного с Думой правительства («коалиционного») были отвергнуты. Затем Исполнительный комитет начал обсуждать условия, которые следовало предъявить думскому комитету в обмен на признание за ним права образования собственного буржуазного правительства.

— Революция, — говорил меньшевик Суханов, — совершена рабочими и солдатами, которые призвали нас к руководству их движением. Вы знаете, что русский рабочий по своей культуре и сознательности далеко уступает среднему западноевропейскому рабочему. Солдаты же — это просто большие дети, политическое развитие которых находится на самом примитивном уровне. Я рад поэтому, что большинство членов Исполнительного комитета решительно отмежевались от экстремистских предложений наших товарищей — большевиков. Увы, линия Ленина потерпела поражение и в первой русской революции. Мы отпугнули от себя буржуазию, которая стала искать союза с самодержавием. И каков результат? Революция была разбита. Не повторим же вновь ошибок 1905 года. Не будем преждевременно

ссориться с нашими временными союзниками, хотя это и буржуазные союзники. Лучше иметь правительство Милюкова, чем вновь получить Протопопова!

— Верно, — сказал Чхеидзе. — В конце концов Милюков не так плох. Пусть себе берет власть, если хочет. Что нам от него надо? Признание политической свободы за рабочим классом и за всем населением России, за всеми народами, населяющими Россию.

— Да, — отвечал Суханов. — Именно политическая свобода, абсолютная свобода и организации и агитации!

Карие глазки этого маленького чернявого человека зажглись, и он вдохновенно продолжал:

— Завоеывая свободу для рабочего класса, мы завоевываем ее и для всех образованных классов населения. Разве не этого ждала и жаждала десятилетиями русская интеллигенция? Абсолютная свобода от чудовищно сильной власти, от произвола начальства, от варварства и издевательств полиции. Настал наш час, товарищи! Сегодня мы диктуем условия. Сегодня буржуазный класс России должен дать свободу русскому интеллигенту! Мы победили царизм...

— Ну, положим, не вы, а наш питерский рабочий. С помощью солдата-крестьянина, — поправил Суханова Шляпников. — Именно им мы должны сказать спасибо, о них думать, их свободу обеспечить в первую голову!

— Конечно, конечно, — спохватился Суханов. — Думая, что Милюков и К° перед лицом общественного мнения страны и всей Европы пойдет на обещание полной политической свободы. Затем необходима амнистия, полная и всесторонняя политическая амнистия.

— Учредительное собрание! — дополнил Залесский. — Это наше коренное требование с 1905 года. А восьмичасовой рабочий день? А земля крестьянам?

— Товарищи большевики потребуют у Милюкова принять всю программу-минимум! — съязвил Чхеидзе. — Не рановато ли, товарищи? Не будем спешить. Предлагаю ограничиться чисто политическими требованиями. Все равно солдаты и вооруженные рабочие на нашей стороне. Пусть только согласятся взять власть, а потом мы им и не такие требования предъявим! Но и программа политических требований, которую предлагает Исполнительный комитет, достаточно обширна.

Смотрите, мы предлагаем распространить на военнотружущих политические права. Это очень много, товарищи! Такого ни в одной воюющей стране нет. Затем мы требуем не выводить из Петрограда полки, принимавшие участие в восстании, чтобы иметь вооруженную силу против контрреволюционных попыток. Ведь в ту минуту, когда мы сейчас с вами обсуждаем этот вопрос, эшелоны генерала Иванова, может быть, уже высаживаются в Царском Селе!

— Ну а династия? — спрашивали большевики. — Что вы тут предлагаете?

— Ни для кого не секрет, — ответил Чхеидзе, — что кадеты и октябристы — монархисты. Я еще в прошлом году информировал представителей всех партий, что Прогрессивный блок в случае переворота предлагает ввести конституционную монархию, добиться отречения Николая II, передать формально трон малолетнему Алексею, а Михаила Александровича провозгласить регентом. Насколько мне и товарищу Керенскому известно, сегодня днем эта формула была подтверждена. И в присутствии Родзянко и князя Львова. Думаю, что на данной стадии не надо выдвигать немедленного требования республики. Если они согласятся на выборы в Учредительное собрание, то, несомненно, народ будет в таком собрании в большинстве. И оно выскажется за республику. А до Учредительного собрания уж пару месяцев потерпим и конституционную монархию. В конце концов была бы свобода агитации.

— Все же я настаиваю на какой-то большей определенности, — сказал меньшевик Ю. М. Стеклов. — Я предлагаю записать в наших условиях, чтобы правительство не предпринимало никаких других шагов, решающих будущую форму правления!

— Ну что же, Юрий Михайлович, думаю никто против не будет, — согласился с этим неопределенным все же требованием Суханов.

К 12 часам ночи текст условий был выработан, и делегация Исполнительного комитета в составе Н. С. Чхеидзе, Н. Д. Соколова, Н. Н. Суханова, Ю. М. Стеклова и В. Н. Филипповского отправилась для переговоров с делегацией Временного комитета Государственной думы. Все члены делегации, за исключением эсера Филипповского, были меньшевиками. Это обстоятельство наложило печать капитулянтства на переговоры. По сути дела, это были не переговоры о вла-

сти, а переговоры о сдаче власти Исполнительным комитетом Петроградского Совета, опиравшимся на большинство вооруженных рабочих и солдат в Петрограде, Временному комитету Государственной думы, у которого таких вооруженных сил не имелось. Боязнь ответственности и самая обыкновенная трусость обусловили то, что меньшевики добровольно сдавали власть лидерам российской буржуазии.

В ходе переговоров активнее всех вели себя Суханов, Соколов и Стеклов, а со стороны Временного комитета — Милюков. Керенский входил и выходил из кабинета. Изредка вставляли свои замечания Шульгин и полковник Энгельгардт. Подавляющее большинство пунктов — их было восемь — требований Исполнительного комитета было принято. Записывал их Милюков под диктовку Суханова. Но имелись и пункты расхождений. Милюков отказывался принять обязательство не предпринимать будущую форму правления. Исполкомовцы уступили и в конце концов сговорились на том, что Учредительное собрание установит форму правления и конституцию страны. Это означало, что вплоть до Учредительного собрания в России останется конституционная монархия. Вторым пунктом расхождений был вопрос о предоставлении прав солдатам. Милюков и тут упрямылся. Когда в 4 часа утра прибыл Гучков и вмешался в ход переговоров, то споры настолько обострились, что решено было переговоры прервать до следующего дня. Что же касается личного состава правительства, то делегация Исполкома заявила, что она обсуждать этот вопрос не будет, так как не претендует на участие в правительстве и предоставляет определение его состава целиком думскому комитету.

Параллельно этим переговорам в самом Петроградском Совете под давлением солдатских депутатов шла подготовка к созданию документа, получившего известность по названию Приказ № 1 по войскам петроградского гарнизона. На общем собрании Петроградского Совета 1 марта значительную часть составили солдатские депутаты. Высказывалось много предложений насчет отношений между солдатами и офицерами. На заседании Исполкома с участием солдатских представителей решено было эти предложения объединить и оформить в виде приказа по гарнизону. Тотчас избирается редакционная комиссия: Баденко, Задорский, Падерин, Борисов, Шапиро, Кудрявцев и Линде. С ними уходит и

представитель Исполнительного комитета Соколов. В соседней комнате он садится за стол и начинает писать приказ. А сидящие вокруг представители солдат, в том числе большевик А. Н. Падерин, формулируют пункты документа. Так в ночь на 2 марта родился Приказ № 1 — «по гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения». Приказ требовал немедленного избрания комитетов из выборных представителей от «нижних чинов» рот, батальонов, полков, парков, батарей, эскадронов и отдельных служб, на судах военного флота. Все роты и другие воинские части, которые еще не выбрали представителей в Совет рабочих депутатов, должны были их избрать, а депутаты — явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам 2 марта 1917 года. Во всех политических выступлениях воинские части должны были подчиняться Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Приказы военной комиссии Государственной думы подлежали исполнению, если они не противоречат приказам и постановлениям Петроградского Совета. Далее следовал важнейший пункт приказа:

«Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее — должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованиям».

Приказ № 1 лишал возможности Временный комитет Государственной думы, опираясь на офицеров, произвести контрреволюционную военную акцию против Совета рабочих и солдатских депутатов. Таково было ближайшее значение передачи контроля над оружием воинским комитетам. На более длительное время этот пункт Приказа № 1 давал Петроградскому Совету реальную военную власть, с которой должны были считаться и Временный комитет Государственной думы, и формирующееся Временное правительство. Но можно ли было знать, выполнят ли солдаты эти распоряжения? Оказывается, можно. Тот же приказ содержал и прямые гарантии выполнения всех его распоряжений. Так, шестой пункт хотя и признавал необходимость соблюдения строжайшей воинской дисциплины в строю и при исполнении служебных обязанностей, но в то же время провозглашал, что вне службы и строя солдаты в своей

политической, общегражданской и частной жизни не могут быть умалены в правах, которыми пользуются прочие граждане. Приказ отменял «вставание во фронт» (стойку «смирно») и обязательное отдавание чести вне службы. Равным образом отменялось титулование офицеров — «ваше превосходительство», «ваше благородие» и т. п. — и заменялось прямым служебным обращением по воинскому званию: «господин полковник», «господин генерал». Воспрещалось грубое обращение с солдатами всяких чинов и обращение к ним на «ты». О всяком нарушении этого постановления нужно было доводить до сведения войсковых комитетов.

Вышеперечисленные пункты приказа наносили смертельный удар по старой, основанной на попрании человеческого достоинства солдата дисциплине, по политической и дисциплинарной власти офицера. Приказ № 1 закреплял уже завоеванную солдатом в ходе февральского восстания политическую свободу, давал революционно-правовую основу для дальнейшего сохранения и отстаивания этой свободы, для борьбы за демократизацию старой армии в самом широком смысле этого слова. В то время как Милюков и Родзянко, Временный комитет Государственной думы призывали солдат идти назад в казармы, повиноваться офицерам, которые «дурному не научат», Петроградский Совет звал солдата верить только ему. Не доверяй офицеру, держи его на мушке, не выдавай ему оружия, помни, что ты такой же гражданин, как и все, как и твой начальник. Не позволяй ему унижать тебя, ты не обязан больше тянуться перед ним, цепенеть, когда встретишь на улице, — вот правила новой революционной морали, которые провозглашал Петроградский Совет.

Солдаты петроградского гарнизона с восторгом встретили Приказ № 1. Страх ответственности за мятеж, страх перед будущей расправой, перед полевым судом и расстрелом больше не мучил солдат. Нет, они не нарушили присяги, они не бунтовщики, они революционеры, они граждане, они герои! У них есть могучий защитник — Петроградский Совет, рабочие столицы. А уж солдаты будут их защищать, станут грудью за революцию. Они будут сражаться вместе, сообща с рабочими за общее дело.

И не только приказ не выдавать оружия офицерам, не только организация солдатских комитетов, но именно уничтожение старой дисциплины разом отдали сол-

датские массы в распоряжение Петроградского Совета. В одну ночь Совет стал обладателем реальной власти в столице. В одну ночь Временный комитет Государственной думы лишился всякой надежды обрести ее. Формально двоевластие началось во второй половине дня 27 февраля 1917 года, когда образовались два центра, два временных комитета, реально — в ночь на 2 марта, когда родилось в ходе переговоров между двумя центрами Временное правительство, когда появился на свет Приказ № 1, передавший контроль над военными силами в Петрограде в руки Исполнительного комитета Петроградского Совета.

Приказ № 1 довели до сведения членов Временного комитета около 4 часов утра 2 марта, когда большинство пунктов будущей правительственной декларации было уже согласовано и обсуждался вопрос о правах солдат. Тут-то и «брошена» была на стол эта козырная карта, сделан этот «стратегический ход», как назвал его вскоре видный деятель Исполнительного комитета М. И. Скобелев. В момент перерыва в переговорах, вызванных упорством Гучкова, дверь в кабинет председателя Государственной думы отворилась, и быстрыми шагами в комнату вошел Соколов.

— Господа, — сказал он, — ознакомьтесь, пожалуйста, с этим приказом Петроградского Совета. В интересах общего дела мы бы хотели, чтобы и будущее Временное правительство присоединилось к нему.

— А вы прочтите его нам, чтоб время зря не тратить, и так устали все, — попросил Львов.

— Охотно, — сказал Соколов.

По мере того как он читал, обстановка накалялась. Гучков все порывался вскочить, Милюков с трудом удерживал его на месте. Милюков и Родзянко корчились как от ударов, слушая слова приказа о лишении офицеров права распоряжаться оружием, об отмене старой дисциплины. Соколов кончил читать и обвел торжествующим взглядом все собрание.

— Вы понимаете, что вы делаете? — сразу же закричал Гучков. — Вы губите русскую армию! Никакая армия не может существовать без дисциплины! А дисциплина держится на власти начальника, на его «самодержавии», если хотите! И вы желаете, чтобы такой документ издало Временное правительство?! Никогда. Да я застрелюсь скорее, чем подпишу такую капитуляцию.

Это прямая измена! Вы отдаете Россию во власть неприятеля. Ибо армия с вашими порядками никогда не сможет не только разбить немцев, но даже и оборону-то сдержать. Извините, но я просто не могу с вами дышать одним воздухом!

Гучков вскочил, хлопнул дверью и, держась за сердце, выбежал из комнаты.

— Александр Иванович во многом прав, — начал Милюков. — Текст, вами прочитанный, во многом неприемлем. Да и юридически он, мягко говоря, хромает. Ваши представители сидят в военной комиссии Государственной думы, а вы призываете к подозрительности по отношению к ее приказам. Вы ставите в совершенно невозможное положение офицеров. А эти комитеты? Назовите мне хоть одну армию, в которой они существовали бы!

— Назову, — с иронией сказал Соколов. — Армия Великой французской революции!

— Ну, знаете! Вот их и били все с их комитетами, правами солдат и выборными начальниками, пока Наполеон не пришел!

— Я прошу вас, Павел Николаевич! Это уже контрреволюция! Уверяю вас всех, что было бы лучше, если бы вы согласились присоединиться к нашему приказу. Послушайте меня. Я тоже интеллигентный человек, тоже кое-что знаю. Но я вот только что видел и слышал представителей этой солдатской массы. То, что я вам читал, написано моей рукой. И это лишь слабое отражение той яростной ненависти ко всему строю, к офицерству как частице этого строя, которая бушует в душах солдат. Это страшно! Честное слово! Мы смягчаем эту бурю, которая без нас разнесла бы весь Таврический дворец в щепки! И вас вместе с ним.

В Соколове заговорил присяжный поверенный. И он сказал целую речь. Но Милюкова не так просто было смутить. Спор грозил затянуться до бесконечности. Наконец Милюков встал и в изнеможении отошел от стола. Тогда вскочил со своего места Львов. Он подошел к Соколову и схватил его за рукав. Выкатив еще больше свои выпуклые глаза, Львов закричал:

— Эта бумага, принесенная вами, есть преступление перед родиной! Она внесет в армию разложение. Россия погибнет от ваших рук!

— Молчите, Владимир Николаевич, молчите!!! —

закричал, подбегая к Львову, Керенский, как бы дремавший до этой минуты в углу. — Ни слова больше! Нельзя так разговаривать с полномочным представителем революции.

Керенский шепнул что-то на ухо Соколову, поднял его с места, взял за руку и вывел из комнаты. Буквально через минуту туда зашел Гучков. Он начал говорить о тех впечатлениях, которые он вынес из своей только что закончившейся поездки по частям гарнизона. Власть офицеров практически исчезла. Они ничего не могут сделать без разрешения солдат. Многие сидят под арестом, высвободить пока их нет никакой возможности. Другие сидят по квартирам и боятся показываться в своих частях. Все это ужасно, ужасно! Автомобиль Гучкова был обстрелян неизвестными лицами. Князь Вяземский, который ехал вместе с Гучковым, убит! Кто виноват, кто стрелял, узнать невозможно. Вот какое положение, господа. И все же подписывать Приказ № 1 — это признать свое полное поражение в борьбе за армию. Это, по словам Гучкова, делать еще все-таки рано...

Но протесты и возражения членов Временного комитета уже ничего не значили. Отныне Совету было обеспечено многократное превосходство в вооруженной силе по сравнению с любой третьей стороной: будь то генерал Иванов с его карательными эшелонами или думский комитет с его офицерами. Кстати, в ночь на 2 марта в Таврическом дворце было уже известно, что экспедиция генерала Иванова не удалась. Он прибыл поздно вечером 1 марта на Царскосельский вокзал. Первым делом отдал приказ перецепить паровоз в хвост поезда. Затем его посетили представители избранного в Царском Селе гарнизонного комитета. Он узнал от них о переходе всех войск на сторону революции, включая и царских конвойцев, о том, что царская семья находится в Александровском дворце фактически под домашним арестом. В это же время добровольные агитаторы из царскосельских стрелков уже разговаривали с георгиевскими кавалерами из эшелонов, с кавалеристами и артиллеристами. Правдивые слова о победе революции в Петрограде и его окрестностях посеяли смущение в рядах карательных войск, а потом и разброд. Большинство сочувственно отнеслось к победе революции. Иванов считал самым благоразумным немедленно отойти от Царского Села и увести войска, чтобы попытаться убе-

речь их от дальнейшего разложения. Его эшелоны отошли по направлению к Вырнице.

С утра 2 марта в Таврическом дворце — двуедином центре революции — по-прежнему было оживленно. Родзянко, потерявший голову от бесконечной вереницы событий, от многотысячных митингов, от десятков речей, попросил Милюкова восстановить контакты с руководителями Петроградского Совета. Те ответили, что сначала должны дать отчет о переговорах на общем собрании Совета, а потом могут и продолжить встречу. Бесперерывно работал телеграф. Родзянко послал генералу Алексееву в Могилев телеграмму, в которой сообщал об образовании Временным комитетом Государственной думы Временного правительства под председательством князя Львова. «Войска подчинились новому правительству, — говорилось в этой телеграмме, — не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть».

Думский комитет решил опубликовать также список членов нового правительства. Он был сдан в типографию и одновременно передан в провинцию по телеграфу. Этот акт знаменовал собою формальное рождение 2 марта 1917 года российского Временного правительства. Еще одна телеграмма содержала призыв к населению: «Тяжелое переходное время кончилось. Временное правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг и перед лицом грозящей родине опасности свергнул старую власть. Новая власть, сознавая свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и к спасению страны от разрухи внешней и внутренней. Неизбежное замешательство, к счастью весьма кратковременное, приходит к концу». Обращение призывало войска и население вернуться к нормальной жизни.

Во Временный комитет Государственной думы прибыли военные агенты и дипломатические представители союзных государств. Несколько воинских частей и три юнкерских училища подходили в течение дня к Таврическому дворцу, и Родзянко вынужден был снова их приветствовать. Раздавались крики «ура!», а председатель Думы с прежним энтузиазмом призывал защищать «матушку-Русь». В одном из кабинетов дворца состоялось собрание офицеров, положение которых после опубликования утром 2 марта Приказа № 1 Петроградско-

го Совета стало очень трудным. Собрание под председательством Родзянко приняло воззвание к солдатам, где уверяло их в своей преданности революции и посылало проклятия на голову «старого самодержавного строя». Офицеры взывали к примирению и объединению во имя окончательной победы над внутренним и внешним врагом и провозглашали здравицу в честь свободной и великой России.

Тем же утром впервые на свое совещание собрались солдатские представители, избранные в Петроградский Совет согласно Приказу № 1. Перед ними выступили Соколов, Мстиславский и Филипповский, рассказавшие, какие права дает солдату-гражданину новый приказ, какое значение для развития революции имеет сам Петроградский Совет. Собрание учредило солдатскую секцию Петроградского Совета, который с этого дня стал официально называться Советом не только рабочих, но и солдатских депутатов. Затем началось общее собрание всех депутатов Совета. На нем с докладом о ходе переговоров с делегацией Временного комитета Государственной думы выступил от имени Исполкома Ю. М. Стеклов. Он явно приукрашивал энергию и настойчивость, с которой действовала меньшевистская делегация. «Одержана огромная победа над буржуазией, которая долго не хотела сдаваться, — говорил он. — Да, кой от чего пришлось отказаться и нам. Но уступки, сделанные думскому комитету, незначительны, в сущности, никакой поддержки правительству не обещано, серьезные обязательства ему не даны». Назвав итоги переговоров «колоссальным историческим завоеванием», которое связало этих людей «торжественной декларацией», Стеклов потом изложил по пунктам текст согласованной будущей правительственной декларации. В частности, он отметил, что думский комитет отклонил требование о введении в армии выборного начала, отвергнуто и требование о провозглашении немедленно России республикой. Форма правления будет установлена Учредительным собранием, созыв которого является ближайшей целью учреждаемого Временного правительства.

Затем Стеклов огласил состав правительства, отметив, что пост министра юстиции пока остается незанятым. От имени Исполнительного комитета предлагалось одобрить декларацию нового правительства и обратиться к населению с призывом поддержать Времен-

ное правительство «постольку, поскольку оно идет по линии осуществления намеченных задач». Стеклов с важностью заявил, что Исполнительный комитет получил приглашение направить двух своих членов: Керенского, Чхеидзе — в состав Временного правительства, но не дал на это согласия.

Но это решение было тут же самым бесцеремонным образом нарушено. Сразу же после окончания доклада Стеклова Керенский попросил слова для чрезвычайного сообщения.

— Товарищи! — начал он, вскочив на стол. — Доверяете ли вы мне?

Раздались крики одобрения, рукоплескания.

— Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно!

Под гул всего зала Керенский схватил отогнутые уголки стоячего крахмального воротника своей рубашки и... оторвал их! Выразив подобным образом свою готовность к немедленной смерти, он продолжал:

— Товарищи, в настоящий момент образовалось Временное правительство, в котором я занял пост министра. Товарищи, я должен был дать ответ в течение пяти минут и потому не имел возможности получить ваш мандат.

Дальше последовали столь же импровизированные по форме, но в действительности весьма продуманные и логичные доводы в пользу вхождения его, Керенского, в правительство. Что в его руках представители старой власти, которых нельзя выпустить, что он уже приказал немедленно освободить всех политических заключенных, вернуть из ссылки с почетом большевиков, членов социал-демократической фракции IV Государственной думы, что пост министра юстиции он занял до Учредительного собрания, чтобы гарантировать свободу агитации за республиканскую форму правления в России. Эти доводы могли бы убедить и более искушенных слушателей. С трагическим пафосом Керенский заявлял, что слагает с себя звание товарища председателя Петроградского Совета, так как принял министерский пост до получения доверия от «вас», простых депутатов Совета.

— Но для меня жизнь без народа немыслима! И я вновь готов принять на себя это звание, если вы признаёте это нужным.

— Просим! Просим, товарищ! — отвечал ему хор восторженных и умиленных голосов из зала.

— Товарищи! Войдя в состав Временного правительства, я остался тем же, кем был, — республиканцем! В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе?

— Верь, верь, товарищ!

— Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне (рыдая!), — убейте меня!

Все это было внове не только для сотен простых солдат и рабочих, собравшихся в зале, но и для опытных социалистов-подпольщиков, годами писавших статьи и листовки, выступавших с «рефератами» в маленьких кружках единомышленников-интеллигентов и «своих» рабочих. Прожженный политикан Керенский от природы обладал возбудимой, эмоциональной натурой, актерскими способностями, умением держать большие массы слушателей в напряжении. Это удавалось ему даже в Государственной думе. Тем более его уловка удалась здесь, перед лицом неопытных и доверчивых представителей простого народа. Догматики из Исполнительного комитета, «запретившие» накануне 2 марта ему вступать в правительство, обосновавшие невозможность вступления членов Совета в «буржуазное» правительство, встали ему поперек дороги. Но они были искусно отброшены в сторону на глазах у изумленных и восторженных депутатов Совета. И меньшевики смолчали, примирившись с той особой ролью в революции, которую в их присутствии завоевывал себе Александр Керенский.

Снова раздались аплодисменты, возгласы: «Да здравствует министр юстиции!» Не дожидаясь формального голосования, Керенский заявил, что возвратится к Временному правительству и объявит ему:

— Я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель! (Бурные аплодисменты, возгласы «Да здравствует Керенский!».)

Все встали, десятки людей бросились к Керенскому, подхватили его на руки и так внесли в кабинет председателя Государственной думы. Кстати, теми же демагогическими эффектными приемами Керенский получил для себя и особые полномочия во Временном правительстве. Таким образом уладились формальности с замещением поста министра юстиции. Довести до сведения народа, по-прежнему десятками тысяч заполнявшего Таврический дворец, решение о создании Времен-

ного правительства и его составе было поручено Милюкову.

Около трех часов дня он вышел в Екатерининский зал и с небольшим листком в руках забрался на помост в центре зала. Со всех сторон плотной толпой его окружили рабочие, солдаты, студенты, курсистки, гимназисты, служащие.

— Мы присутствуем при великой исторической минуте, — говорил Милюков. — Еще три дня назад мы были в скромной оппозиции, а русское правительство казалось всемогущим. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место первого русского общественного кабинета.

Это заявление было встречено шумными аплодисментами. Затем он говорил о грехах старой власти. Что касается новой, то первой задачей Милюков назвал «организацию победы», то есть продолжение империалистической войны вместе с союзниками. Он призывал к единству солдат и офицеров.

— Армия сильна своим внутренним единством, — поучал министр, — потерявшая это единство и раздробленная, она обращается в беспорядочную толпу, и всякая горсть вооруженных, организованных людей может взять ее голыми руками.

Это было отражение споров с членами Исполкома Петроградского Совета. Теперь Милюков торопился взять реванш за Приказ № 1:

— Сохраните же это единство для себя и для нас и покажите, что после того, как мы так легко свергнули всемогущую старую власть, докажете, что первую общественную власть, выдвинутую народом, не так легко будет низвергнуть!

Милюкову опять аплодировали, но стали раздаваться и критические возгласы. «Кто вас выбрал?» — спрашивали из зала. «Нас выбрала русская революция!» — важно восклицал кадетский лидер. Это понравилось, и Милюков поспешил развить успех:

— Так посчастливилось, что в минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно известна народу своим политическим прошлым и против которой не могло быть и тени тех возражений, под ударами которых пала старая власть.

Он только не сказал, как долго ждала эта «кучка»

своего часа, как торговалась со старой властью и униженно ждала получить министерские посты из рук императора. Что пропустить данную минуту для этих людей означало бы навсегда расстаться с мечтами о власти. Далее Милюков огласил список министров. При этом он давал каждому краткую, но выразительную характеристику. Так, князя Львова он назвал главой русской «общественности», на что из зала ему справедливо возразили — «цензовой», то есть буржуазной. Милюков отразил этот удар, сославшись на имя Керенского. Он клялся, что члены Временного правительства «бесконечно рады» отдать ему министерство юстиции, чтобы он обеспечил «справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим штюрмерам и сухомлиновым». Так постепенно Милюков добрался до самого «рогатого» (как он сам называл его) вопроса — о царе и династии.

— Я знаю наперед, — сказал он, — что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я скажу. Старый деспот, доведший Россию до грани гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. (Аплодисменты.) Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу...

Но тут Милюкова прервали. Раздался дикий шум, негодующие возгласы. «Долой династию! — кричали с разных сторон зала. — Да здравствует республика!» Кто-то пробовал хлопать, но жидкие аплодисменты были заглушены новым взрывом негодования. Стараясь перекрыть зал, Милюков продолжал: «Наследником будет Алексей!» Снова раздались крики: «Это старая династия!» Милюков согласился с тем, что это старая династия, которую и он не очень любит, но оставлять без ответа в данный момент вопрос о государственном строе России нельзя.

Прогрессивный блок представляет его себе как конституционную монархию, другие — иначе. Но если спорить об этом сейчас, Россия окажется в состоянии гражданской войны. Поэтому пока будет конституционная монархия, затем и в Учредительном собрании решится вопрос об окончательной форме правления.

Упоминание об Учредительном собрании внесло некоторое успокоение в ряды слушателей. Воспользовавшись этим, сторонники Милюкова пробрались к нему и на руках под аплодисменты вынесли его из зала. Но Милюков вовсе не покинул арену этой политической бит-

вы победителем. Лишь только его вынесли из зала, как начался стихийный митинг. Ораторы-солдаты, сменяя друг друга, говорили: «Это что ж? Мы работали, работали, а он опять на шею нам монархов?!» Волнение охватило всех людей, находившихся в залах и коридорах Таврического дворца. Возмущенные возгласы неслись из разных концов здания. Возбуждение нарастало. Казалось, надо что-то немедленно сделать, чтобы не допустить оставления старой династии на троне пусть даже конституционной России. Многие солдаты стали выбегать из дворца и рассказывать огромной толпе, стоявшей перед Таврическим, что помещики опять хотят посадить царя на шею народу.

— Не позволим!

— Долой!

— За что кровь проливали!

Прозвучало несколько выстрелов в воздух...

И в комнату, где сидели члены Временного правительства и Временного комитета Государственной думы, ворвался с десятков офицеров, некоторые были пьяны.

— Господа! Сделайте что-нибудь! Защитите нас! Они стреляют! Мы не можем вернуться в свои части. Нас убьют! Господин Родзянко! Ваше превосходительство, прикажите Милюкову, пусть откажется от своих слов, пусть скажет, что это еще не решено. Пусть vychивается как хочет!

Побледневший Родзянко, побуждаемый офицерами, подошел к Милюкову.

— Павел Николаевич, вот господа офицеры требуют... Их жизнь в опасности! Как-то у вас там некругло получилось. Уж очень вы их разозлили насчет монархии, насчет царя. Подите и скажите, что это лишь ваше личное мнение, что еще ничего не решено...

Милюков, видя явную трусость Родзянко, животный страх в глазах пьяных офицеров, понял, что отказываться не время. К тому же его быстро окружали и другие ходатаи. Число испуганных лиц из чиновников, «общественных деятелей» и депутатов Думы быстро росло. И все они требовали от Милюкова отречься от своих слов. Но только ли от ЕГО слов? Ставилась под сомнение вся программа Прогрессивного блока, ряда политических кружков, скрупулезно разработанная за много месяцев до Февральской революции. Ведь все они, все, кто сейчас окружил Милюкова и в один голос требовал

от него «разъяснения», все они заявляли, что согласны на конституционную монархию, на Алексея, на Михаила, на регентство, на старую династию. Согласны потому, что если не будет монархии, то вся Россия погибнет! Не только Россия дворянская, но и буржуазная. Спасительный зонтик наследственной монархии с трехсотлетней историей больше не будет защищать «общественный кабинет» от ярости народной. Правительство буржуазии останется с народом один на один и, конечно, проиграет. Неужели эти трусы (или подлецы?) этого не понимают?

Но никто не поддерживал его. Монархист Родзянко, еще два месяца назад протестовавший против самой мысли об отречении Николая II и замене его другим монархом, теперь сам отрекался от всего и от него, Милюкова, требовал того же. Побледнев, Милюков поднялся и сказал, что сделает то, что от него просят. Под извинительные бормотания он вышел из зала. Офицеры плотной толпой окружили его и проводили до Екатерининского зала.

— Тихо! Тихо! — закричали они с внезапной силой. — Сейчас будет важное сообщение министра.

Толпа враждебно затихла.

— Господа! Меня, видимо, неправильно поняли. То, что я говорил вам здесь о конституционной монархии, о регентстве великого князя Михаила Александровича и императоре Алексее, является моим личным мнением, а не решением Временного правительства.

Милюков поклонился и сошел с помоста. Толпа оживленно загудела. Послышались возгласы: «Это другое дело!», «Давно бы так!», «Личное мнение помещика нам не указ!» Солдаты стали расходиться, и вскоре возбуждение в Таврическом и около него улеглось. Офицеры благодарили подобострастно, коллеги по Временному комитету Государственной думы опускали глаза. Инцидент был исчерпан...

Поздно вечером опять сошлись делегации Исполнительного комитета Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы. Делегация Исполкома имела наказ от общего собрания Совета внести в правительственную декларацию некоторые новые пункты. Вообще же надо сказать, что, хотя это собрание и закончилось победой эсеров-меньшевистского руководства Совета, на нем в полный голос прозвучали и слова большевиков с изложением их особой позиции. Делегаты-

большевики в своих выступлениях отвергали всякую возможность контакта с думским комитетом, требовали создания Петроградским Советом Временного революционного правительства. Среди выступавших были Шутко, Молотов, Шляпников. Но оболваненные псевдореволюционной демагогией меньшевиков и эсеров, подавляющее большинство беспартийных депутатов пошли за меньшевистскими лидерами Исполнительного комитета. И все же в постановлении общего собрания появились новые требования:

«1) Временное правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение. 2) Манифест Временного правительства должен быть одновременно за подписью Родзянко и Временного правительства. 3) Включить в программу Временного правительства пункт о предоставлении всем национальностям прав национального и культурного самоопределения. 4) Образовать наблюдательный комитет за действиями Временного правительства из состава Совета солдатских и рабочих представителей».

Кроме наказа, делегация Исполкома имела с собой и дополненный текст обращения Петроградского Совета к населению о поддержке Временного правительства. Это обращение выработано было еще предыдущей ночью Милюковым как бы в ответ на то, что текст правительственной декларации создавался Исполнительным комитетом Совета. Дополнение было написано 2 марта Ю. М. Стекловым и содержало как бы кодекс отношений двоевластия. Оно закрепляло контролирующее положение Совета по отношению к создаваемому Временному правительству. В нем говорилось следующее:

«Новая власть, создающаяся из общественно-умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами. Политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы предлагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной

борьбы со старой властью, — демократия должна оказать ей свою поддержку».

Эти положения были реализацией принятой общим собранием Совета формулы о поддержке Временного правительства «постольку поскільки». Оно в то же время основывалось на резком изменении соотношения сил в пользу Петроградского Совета. Экспедиция генерала Иванова провалилась, Приказ № 1 отдал большинство солдат гарнизона в распоряжение Совета, члены Временного правительства явно напуганы широтой солдатского движения и его антидинастической направленностью — вот факторы, которые вдохновляли Стеклова при сочинении этого воззвания. Но оно маскировало, что сама эта программа, которая здесь изображалась как умеренная и лишь частично достойная поддержки «демократии», сочинена руководителями Исполкома. Тогда, в ночь на 2 марта, и Исполком, и думский комитет выступали как два равноправных партнера. Теперь же Петроградский Совет явно присваивал себе роль контролера.

Все это очень не нравилось Милюкову. Но большинство членов Временного комитета Государственной думы и Временного правительства были настолько напуганы недавним скандалом вокруг вопроса о монархии, что готовы были идти на любые уступки, лишь бы скорее достигнуть успокоения и соглашения с Советом. На переговорах Милюкову удалось вычеркнуть из дополнительных требований Совета лишь пункт о правах национальностей. В программу правительства была внесена оговорка о том, что реформы будут проводиться, несмотря на военное время. Других споров не было, и вскоре переговоры завершились окончательным согласованием текстов декларации Временного правительства и обращения Совета к населению с призывом к условной поддержке правительства. Так состоялось соглашение двух центров Февральской революции. Соглашение, признававшее инициативу в создании правительственной власти за буржуазией и ее лидерами, но сохранившее за Петроградским Советом, обладавшим всей полнотой реальной власти, контрольное положение по отношению к правительству. Двоевластие оформилось окончательно.

Меньшевики и эсеры уже 1—2 марта сыграли роль пособников буржуазии, помогая укрепиться слабой буржуазной власти. Это наглядно видно на примере их от-

ношения к вопросу о монархии. Хотя к вечеру 2 марта достаточно ярко определились антидинастические устремления петроградских рабочих и солдат, меньшевистская делегация Исполкома не только не настояла на ликвидации монархии на втором этапе переговоров, но прямо согласилась на оставление в России государственного строя конституционной монархии вплоть до решения Учредительного собрания.

ОТРЕЧЕНИЕ

За обедом говорили о разных пустяках. Главной темы не касались. Но как только обед кончился, Николай II пригласил к себе генералов Рузского, Данилова, Болдырева, Савича, чтобы выслушать их доклады. Намерения генералы дали быстро понять, что ведение войны наткнулось на внутренний политический кризис. От его немедленного разрешения зависит состояние армии и победа в войне. Николай II слушал и молчал по своему обыкновению. Затем он отпустил всех генералов, кроме Рузского.

Командующий войсками Северного фронта, испросив разрешения, доложил текст полученной им телеграммы Родзянко, переправленной им с дополнениями в ставку. Затем он спросил: какой же будет ответ на эту телеграмму? Об ответственном министерстве? Царь ответил, что он не знает, на что решиться. Рузский заметил, что, как ему известно, не только Родзянко, но и генерал Алексеев и многие командующие просят императора уступить Государственной думе. Надо перейти к формуле «государь царствует, а правительство управляет».

— Не знаю, — отвечал Николай II, — эта формула мне непонятна. Видите ли, надо было бы быть иначе воспитанным, чтобы ее принять. Или переродиться, что ли?

— Да нет, ваше императорское величество, все еще вполне можно принять. И уверяю вас, это был бы самый безболезненный путь. Я даже боюсь, что время упущено отчасти...

— Не приведет ли это к гражданской войне? Это было бы ужасно во время войны внешней! А что скажет юг России? Казачество? Ведь они пойдут войной на Питер и Москву!

— Что вы, государь! Вы знаете, по слухам даже собственный его величества конвой перешел на сторону революции!

— Не может быть!

— Ей-богу! И потом, если уж по совести, то самодержавие при наличии Государственной думы и Государственного совета уже есть фикция. Посмотрите правде в глаза, государь! Пожертвуйте этой фикцией во имя общего блага...

— Послушайте, Николай Владимирович, но ведь все эти люди — милюковы, гучковы, даже сам Родзянко, ведь люди-то они неопытные в делах государственного управления. Болтуны, краснобаи! Получив власть, они с ней не справятся. Погубят Россию. Тут ведь не одни слова нужны, а и дело, стальные руки.

В это время пришла телеграмма от генерала Алексеева, в которой он умолял Николая II для блага родины и династии немедленно объявить о назначении правительства, пользующегося доверием страны. Царь взял телеграфные бланки, долго смотрел на них, читал. Потом перевел взгляд на темное окно, наполовину занавешенное. Рузский ждал.

— Ну, что ж, пожалуй, надо сделать им уступку, — тихим голосом промолвил царь. — Сейчас я напишу ответ.

Рузский вышел. Вскоре ему принесли текст, написанный царем от руки на телеграфном бланке. Но там не было ни слова об ответственности министерства перед Думой. Говорилось, что он «признает за благо» назначить новым главой правительства Родзянко, поручает ему сформировать новый кабинет и выбрать министров, за исключением военного, морского, иностранных дел и двора. Пораженный и возмущенный Рузский снова пришел к царю.

— Как же так, ваше императорское величество? Здесь, в вашем ответе, нет ни слова об ответственности министров перед Думой? Этого совершенно недостаточно.

— Вы думаете? — спросил царь. — Оставьте бумагу, я должен сообразить кое-что. Вам Воейков доставит.

Прошло больше часа, и Рузский был снова вызван к государю. Там были граф Фредерикс и Воейков. Николай II передал Рузскому телеграмму, в которой уже прямо говорилось о даровании ответственного министерства с поручением составить его тому же Родзянко.

Не было в телеграмме и изъятия ряда важных министерских постов. Рузский поблагодарил и вышел. Немедленно телеграмма была сообщена в ставку генералу Алексееву. Там дипломатический агент ставки Н. А. Базили и генерал-квартирмейстер ставки генерал А. С. Лукомский тотчас составили текст соответствующего царского манифеста, который в 23 часа 1 марта был передан из Могилева в Псков. В первом часу ночи его приняли в ставке главнокомандующего войск Северного фронта. В 20 минут первого Николай II телеграфировал генералу Иванову в Царское Село. «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать». Затем он принял графа Д. А. Шереметьева и адъютанта генерала Н. В. Рузского. Графу, как бы между прочим, царь сказал: «Что, кажется, нужно позвать Кривошеина, а?» (А. В. Кривошеин, министр земледелия, летом и осенью 1915 года выступал за соглашение с Прогрессивным блоком Государственной думы.) После принятия решения Николай II немного успокоился и пошел спать. Об отречении его еще не было сказано ни слова.

В Петрограде в эту ночь в кабинете председателя Государственной думы в Таврическом дворце шли переговоры между делегациями Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного комитета Государственной думы. Сам хозяин кабинета в этот момент отсутствовал. В два часа ночи он выехал на автомобиле в Дом военного министра (Мойка, 67), где был прямой провод со ставкой и штабами фронтов. В 3 часа 30 минут ночи начался разговор между Родзянко и Рузским. Последний рассказал председателю Думы о прибытии царя, о разговорах с ним, о принятии решения дать сначала поручение Родзянко сформировать ответственное перед императором правительство. О том, что потом решение это было изменено и уже есть готовый манифест, который можно опубликовать сегодня же, 2 марта, с пометкой «Псков». Родзянко на это ответил:

«Я попрошу вас проект манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что его величество и вы не отдаете себе отчета в том, что здесь происходит. Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так-то легко, — в течение двух с половиной лет я неуклонно при каждом моем всеподданнейшем докладе предупреждал государя императора о на-

двигающейся грозе, — если не будут немедленно сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен вам сообщить, что в самом начале движения власти в лице министров стушевались и не принимали решительно никаких мер предупредительного характера. Немедленно же началось братание войск с народными толпами, войска не стреляли, а ходили по улицам, и толпа им кричала «ура!». Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Государственной думе вообще, а мне в частности оставалось только попытаться взять движение в свои руки и стать во главе для того, чтобы избежать такой анархии при таком расслоении, которое грозило гибелью государства. К сожалению, это мне не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы, не только не слушаются, но убивают своих офицеров, ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов. Вынужден был во избежание кровопролития всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаясь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях. Считаю нужным вас осведомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром. Сомневаюсь, чтобы возможно было с этим справиться».

Однако Рузский посмотрел на события иначе. И первую опасность в распространении революции он увидел в том, что цели войны, в которой потеряно уже столько русских жизней, не будут достигнуты. Надо найти средство для немедленного умиротворения страны! И в этом смысле как же представляется там, в Петрограде, решение «династического вопроса»?

Родзянко отвечал ему «с болью в сердце»: необходимо отречение в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Это стало «грозным требованием народа и войск», которые тем не менее полны решимости довести войну до победного конца и «в руки немцам не даваться». Ведь в то время как раньше народ проливал свою кровь, правительство «положительно издевалось над ним» — освободило военного министра Сухомлинова, подозревавшегося в шпионстве, поощряло деятельность Распутина и его клики, на-

значало Штюрмера, Протопопова, князя Голицына, мешало деловым кругам налаживать военное производство и т. д. А императрица «отвращала государя от народа»! Последней каплей явилось отправление экспедиции генерала Иванова. Родзянко просил немедленно прекратить отправку войск.

Рузский оказался в сложном положении, поскольку все еще боялся предъявить в глаза Николаю II те обвинения, которые Родзянко из революционного Петрограда говорил уже свободно. Он робко возразил, что ошибки эти, конечно, тяжелые, но это ошибки прошлого! Генералу Иванову уже послана телеграмма, чтобы ничего не предпринимал до возвращения царя в Царское Село. Словом, Николай II делает все, чтобы найти соглашение и «остановить пожар». Желательно, чтобы «почин государя» нашел отклик в сердцах деятелей Государственной думы. Затем следовал текст манифеста о даровании ответственного министерства из лиц, пользующихся доверием всей России, с возложением обязанности образования его на Родзянко. «Уповаю, что все верные сыны России, — говорилось далее в манифесте, — тесно объединившись вокруг престола и народного представительства, дружно помогут доблестной нашей армии завершить ее великий подвиг». Об отречении Николая здесь и речи не было. Рузский сообщал, что сделал все, что мог, для выхода из кризиса, и просил теперь Родзянко сделать шаг навстречу царю. Еще раньше он высказывал свое сожаление, что Родзянко не удалось приехать для встречи с императором, что одно обещало быстрый компромисс.

Подобные неуступчивость и непонимание обстановки «взорвали» председателя Государственной думы:

— Вы, Николай Владимирович, истерзали вконец мое и так растерзанное сердце! По тому позднему часу, в который мы ведем разговор, вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа, но, повторяю вам, я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство. К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я горячо просил государя императора; время упущено, и возврата нет. Повторяю еще раз, народные страсти разгорелись в области ненависти и негодования.

Рузский опять сетовал и грозил, что насильственный

переворот, под которым он разумел требуемое отречение Николая II, приведет к анархии в армии, начальники потеряют авторитет власти, война будет проиграна. Цель-то ведь будет достигнута — ответственное министерство дано. Пусть уж царь останется на своем месте. Но Родзянко не соглашался и просил Рузского содействовать «добровольному перевороту», то есть отречению Николая II. Тогда все кончится через несколько дней, и Родзянко ручается, что кровопролитий и ненужных жертв не будет. Все же договорились о том, что этот манифест согласно воле самого императора будет передан в ставку и там опубликован, а разговор должен генералу Алексееву и царю.

Вернувшись в Таврический дворец, Родзянко застал членов Временного комитета Государственной думы, оживленно обсуждающих по предложению Гучкова вопрос об отречении Николая II. Тот заявил, что коль скоро Петроградский Совет не пустил Родзянко к царю, то нужно сделать еще одну попытку. И он, Гучков, как «политический деятель и русский человек», берется про-рваться к императору и привезти отречение!

— Александр Иванович! — умиротворял его Милюков. — Что Николай не может больше царствовать, это настолько бесспорно для всех, что не к чему спешить. Он загнан в мышеловку, он сам нам пришлет это отречение.

— Нет и нет, Павел Николаевич! Вы забываете про Совет депутатов, про этих мерзавцев, которые только что показали нам, как они собираются уничтожить нашу русскую армию. Для меня совершенно ясно, что если в ближайшие же часы Николай II не отречется, то он будет насильственно низложен Советом рабочих и солдатских депутатов. И тогда начнется такая анархия, что власть будет переходить от одного полка петроградского гарнизона к другому, от одного демагога к следующему.

— Что вы, Александр Иванович! Да преувеличиваете вы все. Однако разумное зерно в вашем предложении есть. Мы, право, все и не подумали, как практически осуществить отречение. Ехать-то, конечно, надо. Господа, я думаю, никто возражать не будет, если член Государственного совета и нашей военной комиссии Гучков поедет к государю императору за отречением?

Никто не возразил Милюкову, но решено было послать с ним еще одного члена Государственной думы и

Временного комитета. Выбор пал на Шульгина. Родзянко и Милюков обещали, что помогут посланцам думского комитета найти поезд, чтобы выбраться из столицы.

Утром 2 марта Шульгин и Аджемов написали проект манифеста об отречении Николая II, где говорилось, что царь не имеет сил вывести империю из тяжелой смуты и поэтому отрекается от престола, а до совершеннолетия Алексея назначает регентом «брата нашего Михаила Александровича». Ни о конституции, ни об ответственном министерстве в этом документе не говорилось. Сев в середине дня на автомобиль, Гучков и Шульгин заехали в Дом военного министра и сообщили генералу Рузскому, что выезжают в Псков по «важному делу». В три часа дня от Варшавского вокзала отошел экстренный поезд, состоявший из одного вагона и паровоза. В вагоне были только два пассажира: Гучков и Шульгин. В других купе разместились пять солдат охраны. На их шинелях красовались алые банты...

В Пскове же после завершения разговора с Родзянко генерал Рузский в 4 часа утра 2 марта дал поручение генералу Болдыреву совместно с адъютантом штаба Северного фронта Ползиковым составить краткое изложение переговоров с председателем Государственной думы. Получив его, Рузский вычеркнул все, что касается регентства Михаила. «Подумают еще, что я был посредником между Родзянко и царем по этому вопросу», — сказал он. Затем телеграмма тотчас была передана в ставку генералу Алексееву. Тот приказал передать суть требований Временного комитета Государственной думы главнокомандующим армий Западного фронта (А. Е. Эверту), Юго-Западного фронта (А. А. Брусилову), румынского фронта (В. В. Сахарову) и Кавказского фронта (великому князю Николаю Николаевичу). Затем генерал-квартирмейстер ставки вызвал к аппарату прямой связи генерала Ю. Н. Данилова. Лукомский требовал, чтобы Рузский немедленно разбудил Николая II и сообщил ему суть требований Родзянко:

— Генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как важна каждая минута и всякие этикеты должны быть отброшены. Добавлю от себя, что выбора нет и отречение должно состояться!

Но Данилов сомневался, что Рузскому удастся добиться отречения царя. Ведь весь вечер до поздней ночи прошел в убеждениях поступиться хоть долей власти в пользу ответственного министерства. Одним словом,

в штабе Северного фронта решили не будить царя и отложить тяжелый разговор, выпадающий на долю Рузского по приказанию генерала Алексеева. Около 8 утра 2 марта Рузский встал, и генерал Данилов доложил ему последние известия из ставки. А вскоре пришла телеграмма от главнокомандующего армий румынского фронта генерала В. В. Сахарова. Эта телеграмма была поразительна. «Верный подданный его Величества», как он сам себя торжественно именовал, генерал Сахаров начинал «во здравие», а кончал «за упокой». В начале телеграммы говорилось: «Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ председателя Государственной думы на высокомилоостивое решение государя императора даровать стране ответственное министерство и пригласил главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о положении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения... Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной думой». После таких гневных слов в адрес разбойной кучки генерал Сахаров приходил к мысли, что наиболее безболезненным выходом для страны является решение пойти навстречу «уже высказанным условиям», чтобы не поставили еще более «гнуснейших».

Рузский, прочитав телеграмму Сахарова, тем не менее облегченно вздохнул. Теперь он был не один, есть еще один голос, кроме Родзянко. Забрав тексты телеграфных переговоров с председателем Государственной думы, резюме разговора, сделанное Болдыревым и телеграмму генерала Сахарова, Рузский в половине десятого утра 2 марта пришел на доклад к царю. Он зачитал слово в слово свой разговор с Родзянко. Царь находился как бы в оцепенении. Не говорил ни слова, а во время чтения даже заскучал (разговор этот он в своем дневнике назвал «длиннейшим»). Рузский подавал дело так, что одно ответственное министерство при Николае на троне не в силах будет справиться с положением. В ход был пущен и довод о Петроградском Совете. Он, руководимый социал-демократической партией, борется с думским комитетом и, того гляди, упрячет Родзянко в Петропавловскую крепость. Только немедленное и добровольное отречение царя даст оружие в руки Временного комитета Государственной думы и позволит совладать с народным движением. Рузский сообщил и то,

что разговор с Родзянко передан им генералом Алексеевым. А уж генерал-адъютант Алексеев лично распорядился передать этот материал командующим. Ответом на это является и телеграмма генерала Сахарова...

Николай слушал с непроницаемым выражением лица и ничего не говорил. Когда Рузский доложил, что хотел, царь отпустил его, сказав, что обдумает все и просит явиться в два часа дня. Рузский ушел ни с чем. За это время прибыли новые известия из Петрограда. В частности, пришло подтверждение о переходе на сторону революции царского конвоя, гвардейского флотского экипажа с великим князем Кириллом Владимировичем во главе. В начале третьего часа пришла большая телеграмма от Алексеева из Могилева, содержащая ответы всех главнокомандующих (кроме Сахарова) и собственное мнение начальника штаба верховного главнокомандующего. Со всеми этими материалами Рузский и пришел в царский поезд. Приближался решительный момент — генерал твердо решил склонить царя к отречению. В том, что это единственный путь к «успокоению» теперь, после того как это мнение высказали все высшие военные начальники армии, и у Рузского не было сомнения. Он пригласил с собой генералов Данилова и Савича.

В царском вагоне он застал Николая II и находившегося у него графа Фредерикса. Царь стал читать все телеграммы. Николай Николаевич, его собственный дядя, непреклонно молил, «осенив себя крестным знаменем», передать престол наследнику. Генерал Брусилов признавал единственный выход в том, чтобы «отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича». Генерал Эверт умолял принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, переданным генерал-адъютанту Рузскому. Сам Алексеев, призывая к патриотизму и полагаясь на господу бога, советовал жестким тоном: «Соблаговолите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося, более чем тяжкого положения». Почтительные по форме телеграммы требовали в один голос: «Отрекитесь!» В них чувствовался страх перед революцией, перед движением, которое может охватить действующую армию и привести весь русско-германский фронт к катастрофе. Телеграммы угрожали, предупреждали о том, что завтра будет еще хуже. Царь

всегда прислушивался к голосам военных больше, чем к мнениям штатских. Сам он и по воспитанию, и по страстям тоже был человеком военным. Теперь совет давала не кучка политиканов, не дилетанты, а люди, «от нас поставленные», которым царь доверял ранее, которых он хорошо знал. И все же, даже прочитав все эти телеграммы, Николай II медлил и молчал. Тогда Рузский вывел «из укрытия» свой резерв.

— Ваше величество, — сказал он, — чувствую я, что вы мне не доверяете. Позвольте пригласить сюда генералов Данилова и Савича. Пусть они выскажут вам свое непредвзятое мнение.

— Да, конечно. Однако позвольте сказать вам, что я все еще в сильном колебании. Боюсь, что юг России не примет моего решения и не простит его. Он будет бороться. Казаки еще, как я вам говорил. Да, и забыл вам сказать о старообрядцах. Они не простят мне, что я изменил своей клятве в деле священного коронования. И ведь, заметьте, я верховный главнокомандующий! Люди будут говорить, что я дезертир, что я бросил фронт!

— Все это, может быть, и так, государь. Но поймите, что, если вы не сделаете этого сейчас, завтра и мы будем не в силах защитить вашу жизнь. Явятся орды вооруженных солдат и будут требовать вашей головы. Уж простите меня великодушно за эти слова, но вспомните историю английской и французской революций. А Родзянко говорит, что наша-то еще и пострашней будет! Так позвольте дать слово генералу Данилову?

— Хорошо, послушаем его.

И генерал Данилов в своей пространной речи, и Савич, высказавшийся покороче, оба призывали в один голос императора отречься от престола. Затем наступило тягостное молчание. Потом император подошел к столу, машинально взглянул несколько раз в окно вагона, губы его дернулись, резким движением он повернулся к трем генералам и сказал:

— Я решил отказаться от престола в пользу своего сына Алексея...

Перекрестившись широким крестом, он вновь обратился к военным:

— Благодарю вас всех за доблестную и верную службу. Надеюсь, она будет продолжаться и при моем сыне.

Николай обнял генерала Рузского, пожал руки Данилову и Савичу. Потом прошел из салон-вагона в свой собственный, попросил генералов подождать. В три часа дня он вернулся в салон и передал генералу Рузскому для немедленной отправки в ставку собственноручно написанную телеграмму:

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки-России. Посему я готов отречься от престола, с тем чтобы оставался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего Великого князя Михаила Александровича. Николай».

— Эту телеграмму, Николай Владимирович, надлежит из ставки отправить его превосходительству господину председателю Государственной думы. Другую же — генерал-адъютанту Алексею.

«Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу сына моего. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».

— Слушаюсь, ваше величество, — ответил Рузский.

Телеграмма для начальника штаба была немедленно послана на телеграф, но, когда Рузский хотел сообщить Родзянко эту волнующую весть, ему доложили, что получена телеграмма из Петрограда от Гучкова. Та самая, в которой сообщалось, что он с Шульгиным в 15 часов 35 минут выезжает из Петрограда в Псков по важному делу. Тогда Рузский решил телеграммы Родзянко не посылать, а выждать приезда Гучкова и Шульгина, чтобы выяснить, соответствует ли принятое решение действительному мнению Думы и Временного правительства. И хотя в ставке Базили и Лукомский срочно переделали составленный ими ранее текст манифеста (в 19 часов 40 минут 2 марта он был уже получен в Пскове), но во всем деле с отречением произошла глубокая пауза.

Заминка эта, абсолютно несущественная в обычное время, тем не менее отразилась на судьбе всей романовской династии и привела к тому, что события в ночь на 3 марта и весь этот день развивались в еще более бурном и молниеносном темпе. О решении Николая II отречься в пользу сына, принятом уже в 15 часов, так никто и не узнал, кроме узкого круга лиц в Пскове и Могилеве. В Петрограде ничего еще не было известно. А там, как уже знает читатель, в Таврическом дворце разыгралась настоящая буря, когда Милюков сообщил

о планах сохранения монархии. В итоге большинство членов Временного комитета Государственной думы стали сомневаться в том, удастся ли сохранить на троне даже Алексея. Они боялись теперь и перспективы низложения Николая II Петроградским Советом. Поэтому известие о состоявшемся уже отречении царя могло разрядить обстановку и поставить Петроградский Совет и думский комитет перед свершившимся фактом. Пока же Милюков надеялся только на Гучкова с Шульгиным, на то, смогут ли они убедить государя отречься в пользу Алексея при назначении Михаила регентом. Милюков, Родзянко и прочие члены думского комитета все еще ничего не знали и о позиции высшего командного состава действующей армии. Ничего не знал об этом и Гучков, полагавший, что ему предстоит вся тяжесть убеждения императора в принятии столь важного решения, а следовательно, и вся причитающаяся слава. Вот какие последствия имел поступок Рузского в самое ближайшее время после 15 часов 2 марта.

Николаю же это решение дало неожиданную передышку, возможность здраво оценить создавшуюся обстановку и попытаться найти какую-то лазейку. О том, что сюда едут Гучков с Шульгиным, царю немедленно доложили. Он был неприятно поражен тем, что приедет ненавистный ему Гучков. И вскоре к Рузскому явился флигель-адъютант с просьбой от Николая вернуть последнему текст телеграммы об отречении на имя председателя Государственной думы. Рузский телеграммы не отдал, а пошел сам к царю. Там он сказал, что чувствует, что царь не доверяет ему, но обещает сослужить последнюю службу ему и по прибытии Гучкова и Шульгина предварительно переговорить с ними и выяснить обстановку. Николай II ответил:

— Хорошо, пусть останется, как было решено.

Тем не менее он вызвал к себе лейб-медика Федорова и попросил ему высказать свое объективное мнение о состоянии здоровья наследника. Дело в том, что Алексей был болен гемофилией (несвертываемостью крови), что делало для него любую царапину опасной для жизни. Этот недуг поражал многих представителей мужской линии Гессенского дома, из которого происходила и Алиса Гессенская, ставшая после замужества императрицей Александрой Федоровной. Болезнь эта передается по наследству по материнской линии, но поражает только мужских потомков. Федоров от-

ветил, что, по его мнению, Алексей вряд ли доживет до 16 лет, так как болезнь эта неизлечима.

— Как же так? — спросил Николай. — Ведь Григорий Ефимыч (Распутин. — В. С.) всегда говорил нам, что к 14 годам болезнь пройдет.

— Ну, ваше величество, если вы предпочитаете верить ему, а не медицинской науке, тогда незачем меня спрашивать.

— Что вы, я просто хотел точно знать. Так это правда?

— Другого пока наука ответить не может.

— Ну, спасибо.

Отталкиваясь от этого разговора, царь и решил изменить свое решение: отречься не только за себя, но и за сына. Передать трон непосредственно Михаилу уже не в качестве регента, но императора. Подобное решение срывало планы лидеров Прогрессивного блока. Те выдвигали фигуру больного и пока ни в чем не повинного Алексея как символ власти, надеясь на симпатии, монархические традиции наиболее отсталой части городского и крестьянского населения России. Михаил же в качестве императора, а не регента был уже менее приемлем. Было еще одно соображение. Манифест императора Павла I о порядке престолонаследия, можно сказать, единственный закон, который обязан был исполнять российский самодержец, запрещал подобную практику. За сына отречься было нельзя! И Николай II прекрасно знал это. Прикрывшись болезнью сына, он полагал, что эта уловка сделает незаметным нарушение закона о престолонаследии. А впоследствии, когда все успокоится и наступит подходящая минута, можно было объявить манифест о его отречении недействительным с самого начала, свергнуть Михаила и вернуть на трон Алексея Романова. Вот каковы были расчеты Николая II.

Для этого царь и просил вернуть свою телеграмму, чтобы аннулировать принятое уже им ранее решение. Поздно вечером он еще раз потребовал возвратить ее, но Рузский крепко держал ее во внутреннем кармане. Однако он пропустил момент, когда Гучков и Шульгин прибыли на Псковский вокзал. Флигель-адъютант сразу же перехватил их и проводил в царский поезд, в салон-вагон. Вскоре туда прибыл Рузский. Был приглашен и генерал К. А. Нарышкин, начальник военно-походной канцелярии царя, которому надо было вести протокол,

присутствовал и министр императорского двора граф Фредерикс. Первым начал говорить Гучков, с которым Рузский не успел переброситься даже словом. Он начал с изложения событий революции в Петрограде, жаловался на деятельность Петроградского Совета, желающего смести «умеренных» и провозгласить «социальную республику».

— Ваше величество, — сказал далее Гучков, — в народе глубокое сознание, что положение создалось ошибками власти, и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на народное сознание. Единственный путь — это передать бремя верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию. Если вы, ваше величество, объявите, что передаете свою власть вашему маленькому сыну, если вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу и если от вашего имени или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россия.

— Это уже дело решенное! — поспешил сказать на ухо Гучкову генерал Рузский и с этими словами вынул из кармана телеграфный бланк, сложенный вдвое.

Он передал его Николаю, а тот с улыбкой сложил листочек еще раз вдвое и спрятал себе в карман. После этого он сказал:

— Господа, ранее вашего приезда и после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы Родзянко я думал в течение всего утра и решил во имя блага, спокойствия и спасения России отречься от престола в пользу сына. Но теперь, еще раз обдумав все положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности я вынужден отречься и за себя, и за сына. Судя по всему, я должен буду уехать из России, раз я оставляю верховную власть. Но покинуть в России сына на полную неизвестность, сына, которого я очень люблю, я не могу. Вот почему я решил передать престол брату моему, Михаилу Александровичу.

Представители Думы не ожидали такого оборота событий и просили царя еще раз обдумать положение. Опять начался долгий разговор. Николай вспомнил юг России и казаков. Но Гучков и Шульгин горячо убеждали, что никто за него не вступится, а вот если Совет с ходу объявит республику, вот тогда начнется меж-

доусобица! Гучков и Шульгин быстро сообразили, что предложенный вариант резко расходится с планами Милюкова и Родзянко. Им следовало бы снести с Петроградом или «надавить» на Николая. Но все это означало задержку, а может быть, и возвращение в Петроград «ни с чем». Этого Гучков, который считал присутствие при отречении Николая II венцом своей политической карьеры, своего рода взятием реванша за те комки грязи, которые кидала в него с 1911 года за критику Распутина императрица, никак допустить не мог. Он должен лично привезти царское отречение! Поэтому после небольшого совещания между собой посланцы Временного комитета Государственной думы согласились принять вариант отречения, предложенный царем. Затем Николай II вышел. Текст манифеста, полученный еще в 19 часов 40 минут, был исправлен и в 23 часа 40 минут 2 марта принесен делегатам. Там отмечалось, что решение об отречении принято «в согласии с Государственной думой», быть в единении с ней обязывался и Михаил. Формула передачи власти не упоминала слова «конституция» и гласила:

«Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех же началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу горячо любимой Родине».

Одновременно царь подписал указы о назначении князя Львова председателем совета министров, а великого князя Николая Николаевича — верховным главнокомандующим. Несколько ранее по телеграфной просьбе Родзянко главнокомандующим войск Петроградского военного округа назначался генерал Л. Г. Корнилов. Указы по просьбе Гучкова были помечены 14 часами, а само отречение — 15 часами 2 марта. Немедленно отбили телеграмму в Петроград, извещающую думский комитет о принятых решениях, изготовили и подписали дубликат отречения, оставленный на хранение в штабе Северного фронта. И Гучков и Шульгин с текстом манифеста об отречении и указами сели в поезд для обратной дороги...

Около трех часов ночи в Таврическом дворце была получена телеграмма из Пскова. Она вызвала панику. Если члены Временного комитета Государственной думы, напуганные антимонархическим взрывом 2 марта, полагали все же, что, может быть, удастся отстоять ма-

лолетнего Алексея на троне с регентом Михаилом, то бороться за провозглашение Михаила полноправным императором они просто боялись. Вопрос о судьбе монархии оставался открытым... Родзянко и князь Львов помчались в Дом военного министра, откуда они говорили по прямому проводу с генералом Рузским. Они слезно просили не публиковать пока манифест об отречении. Родзянко решительно высказался против провозглашения Михаила императором, считая, что это вызовет новую вспышку революционного движения.

В это же время в Таврическом дворце разыгрывалась своя драма. Новониспеченные министры и члены Временного комитета Государственной думы ожесточенно спорили о судьбе монархии. Большинство высказывалось за то, чтобы просить Михаила Александровича не принимать верховную власть. Воспользовавшись ситуацией, Керенский и Некрасов попытались заставить Милюкова присоединиться к набросанному ими манифесту, где от имени Временного правительства в России провозглашалась республика. Милюков отверг эту попытку и заявил, что будет защищать монархию до конца.

Вскоре, утром 3 марта, на квартиру князя Путятина, на Миллионной улице, 12, где остановился великий князь Михаил Александрович, явились члены Временного правительства и думского комитета. Милюков и прибывший сюда с Варшавского вокзала Гучков убеждали Михаила принять корону, а все остальные, включая и Родзянко, — отказаться. После недолгого размышления великий князь присоединился к мнению большинства. Был немедленно составлен акт об отказе от принятия верховной власти великим князем Михаилом Александровичем. В нем население России призывалось повиноваться Временному правительству, «по почину Государственной думы назначенному» вплоть до Учредительного собрания. Если же это собрание решит, что государственным строем в России должна стать конституционная монархия, то Михаил обещал принять тогда царскую корону.

Переговоры шли, но революционные массы уже сделали дело. Дни 2—3 марта 1917 года стали концом монархии в нашей стране. Буржуазно-демократическая революция победила. Днем 3 марта были опубликованы декларация, список министров правительства и воззвание Петроградского Совета об условной поддержке новой власти.

ПРИЗЫВ ИЗ ЦЮРИХА

Утром 2 марта 1917 года Владимир Ильич, как всегда, пошел в Цюрихскую городскую библиотеку, помещавшуюся в здании бывшей церкви Вассеркирхе. Там было особенно богатое собрание произведений Маркса и Энгельса, которые Ленин изучал заново для задуманной им работы об отношении рабочего класса к государству. Настроение его было неважным. Тревожило полное отсутствие вестей из России. Даже газеты нового ничего не сообщали. Позавчера он написал Инессе Арманд: «Из России нет ничего, даже писем!! Налаживаем через Скандинавию». А между тем обстановка на родине, насколько можно было судить по последним сообщениям, тревожная. Что-то там происходило в связи с открытием Думы, да и представители союзников не зря собирались для последней конференции именно в Петрограде...

Заняв свое место, он вскоре увлекся работой, переписывая в обычную школьную тетрадку в синей обложке цитаты из Энгельса на немецком языке.

После обеда в дверь их маленькой комнаты в квартире сапожника Каммерера по Шпигельгассе, в доме № 14, энергично постучали. В комнату буквально ворвался польский социал-демократ Бронский.

— Вы ничего не знаете?! В России революция! Все у озера. Там под навесом вывешены и «Цюрхер пост», и «Нойе цюрхер цайтунг». И в обеих написано, что 14-го марта, то есть по вашему старому стилю 1-го, победила революция в Петербурге. У власти двенадцать членов Государственной думы, а министры все арестованы.

...Вскоре они сами у озера читали дорогие телеграфные сообщения. Стояла огромная толпа, в основном из русских политических эмигрантов, а также поляков, евреев, украинцев. Все говорили, перебивая друг друга, кричали, смеялись, некоторые обнимались. Поодаль стояли чинные швейцарцы, дивясь столь непосредственному выражению радости. Прочитав несколько раз телеграммы, Владимир Ильич отошел в сторону. Беспорядочно шумящая толпа мешала ему сосредоточиться. С трудом он овладел собой и сказал: «Надя, я все же схожу в библиотеку. Мне надо побыть одному, подумать...»

Мысли переполняли его. С собой был текст листовки «Против лжи о защите отечества», который Ленин написал от имени швейцарских левых социалистов. Он еще

раньше решил послать его для ознакомления Инессе Арманд. Сейчас он зашел на почту, вложил листок в конверт и написал на отдельном кусочке почтовой бумаги о полученных сведениях. «Мы сегодня в Цюрихе в ажитации...» — так начиналось это место. Изложив новости, Владимир Ильич написал дальше: «Коли не врут немцы, так правда. Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно. Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!» (т. 49, с. 399).

Отправив письмо, он зашагал к Вассеркирхе. Занял свое место, начал писать. Но увлечись работой так и не смог — ведь это же действительно радость, это событие мирового значения. Мировой фронт прорван! В одной из воюющих стран, как он давно предсказывал, — революция. И какое счастье, что именно у нас, в России! После более чем девяти лет затишья, после страшных лет реакции, после медленно шедших лет постепенного нового революционного подъема, после войны, которая вначале похоронила все надежды на скорую революцию в России, — и вот наконец!

Он поставил книги на место, быстро вышел из библиотеки на улицу и заспешил домой. Необходим был собеседник, вернее, слушатель! Этим слушателем всегда была Надя. Придя домой, Владимир Ильич заговорил, сначала негромко, потом, увлекшись, во весь голос. Через некоторое время Владимир Ильич снова пошел на почту, вызвал из Берна телеграммой Григория (Г. Е. Зиновьева), другого члена Заграничной части ЦК РСДРП(б), чтобы немедленно обменяться мнениями и выработать новую тактическую линию.

Утром 3 марта Ленин не пошел в библиотеку, а с нетерпением дежурил у Цюрихского озера вместе со всеми, ожидая последних известий. Узнав их, пришел домой и начал писать письмо Александре Михайловне Коллонтай в Христианию (Осло), столицу Норвегии:

«Дорогая А. М.! Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1 (14). III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону...

Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты

отечества, против империалистской бойни, руководимой Шингаревым + Керенским и К°.

Все наши лозунги те же. В последнем № «Социал-Демократа» мы говорили прямо о возможности правительства «Милюкова с Гучковым, если не Милюкова с Керенским». Оказалось и — и: все трое вместе. Премило! Посмотрим, как-то партия народной свободы (ведь она в большинстве в новом министерстве, ибо Коновалов чуть даже не «полевее», а Керенский прямо левее!) даст народу свободу, хлеб, мир... Посмотрим!» (т. 49, с. 399—400).

Далее Ленин пишет, что главное теперь — постановка рабочей легальной печати, организация рабочих в революционную социал-демократическую партию. Вождь большевиков предупреждал против всякого объединения с меньшевиками, с Чхеидзе в рамках одной легальной рабочей партии, разрешенной правительством. «Но этому не бывать», — твердо заявляет Ленин. Ни за что не создавать партию по типу партий II Интернационала, ни за что с Каутским! Непременно проводить более революционную программу и тактику. Указания Ленина:

«Республиканская пропаганда, борьба против империализма, *по-прежнему* революционная пропаганда, агитация и борьба с целью *международной* пролетарской революции и завоевания власти «Советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)» (т. 49, с. 400). Так, уже на второй день после получения известия о победе буржуазно-демократической революции Ленин формулирует главную задачу российского пролетариата и его авангарда, партии большевиков, — проведение самостоятельной политической линии, борьба за переход революции ко второму этапу, борьба за социалистическую революцию в России и во всем мире, завоевание власти Советами. Это написано было 3 марта 1917 года, за месяц до Апрельских тезисов, когда лозунг «Вся власть Советам!» впервые прозвучит на питерской земле.

В конце своего письма Ленин просит А. М. Коллонтай переслать данное письмо в Стокгольм другой большевичке — Л. Н. Сталь для ориентировки. Он предлагает: если депутаты IV Государственной думы будут амнистированы правительством и возвращены в Петроград, пригласить кого-либо в Скандинавию на несколько недель, чтобы проинструктировать и определить линию партии в России, еще не зная того, что в этот день в Петрограде уже вывешена декларация Временного правительства,

первый пункт которой гласит: «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.». Не знает он также и о том, что скоро ему предстоит путь на родину.

Четвертого марта Владимир Ильич получает телеграмму от Александры Михайловны Коллонтай, написанную независимо от его письма (оно только что отправлено), где она просит дать срочные директивы для передачи большевиками в Россию через Швецию и Финляндию.

«Дорогая А. М.! — отвечал Владимир Ильич. — Сейчас получили Вашу телеграмму, формулированную так, что почти звучит иронией (извольте-ка думать о «директивах» отсюда, когда известия архискудны, а в Питере, вероятно, есть не только фактически руководящие товарищи нашей партии, но и формально уполномоченные представители Центрального Комитета!)... Мы начали выработку тезисов, которые, может быть, сегодня вечером кончим и тогда, разумеется, тотчас пошлем Вам. Если можно, подождите тезисов, которые исправляют (или отменяют) то, что я пишу сейчас от своего пока только имени» (т. 49, с. 401).

В начале этих тезисов Ленин строит предположения относительно возможного поворота событий. Он не знал еще, что царь отрекся уже от престола и Михаил отказался от верховной власти, что Совет, напротив, имеет в своих руках реальную власть. Поэтому он рассуждает о возможных действиях царя по организации контрреволюции, борьбы с петроградским правительством Гучкова и Милюкова. Все вскоре разъяснилось, и не это главное в «Наброске тезисов 4(17) марта 1917 года». Главное было в определении классовой природы Временного правительства. «Новое правительство, — отмечалось в тезисах, — состоит из заведомых сторонников и защитников империалистской войны с Германией, т. е. войны в союзе с империалистскими правительствами Англии и Франции, войны ради грабежа и завоевания чужих стран, Армении, Галиции, Константинополя и т. д.» (т. 31, с. 2). Здесь повторялась мысль, которая прозвучала и в письме Ленина А. М. Коллонтай от 3(16) марта о том, что новое правительство не может дать ни народам России, ни тем народам, с которыми связала нас война, ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, и потому

рабочий класс должен продолжить свою борьбу «за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и разъяснить его для самых широких народных масс» (т. 31, с. 2). Далее в тезисах развивалось каждое из этих положений и утверждалось, что дать народу мир, хлеб и свободу способно только правительство рабочего класса, опирающееся на беднейшую массу деревенского населения и союз с революционными рабочими всех воюющих стран.

Ленин хотел, как это видно из его письма Коллонтай, и тут написать прямо слова «правительство Советов», но Зиновьев отговаривал его от этого, указывая, что неизвестно еще, какие Советы созданы в России, говорил, что само это слово будет непонятно западным рабочим. Поэтому в наброске тезисов появилось выражение «рабочее правительство», повторенное трижды. Это не очень понравилось Ленину. Когда вскоре он прочел, что Троцкий выдвинул тезис «без царя, а правительство рабочее», Ленин решительно отказался от этого термина, продолжавшего ошибочное мнение, что буржуазно-демократический этап революции пройден и революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства уже изжила себя. Как бы предчувствуя эти осложнения, Ленин при формулировке задач рабочего класса в революции на первое место выдвигает «организацию Советов рабочих депутатов и вооружение рабочих». Затем он говорит о создании партийных организаций в армии, о работе партии в деревне. Широкая пропаганда и разъяснение задач рабочего класса обеспечат победу следующего этапа революции. Самая первая задача для этого — идейная и организационная самостоятельность партии революционного пролетариата, большевиков. Никакие блоки, союзы или объединения с меньшевиками недопустимы. Как только набросок тезисов был закончен, В. И. Ленин продолжил письмо к А. М. Коллонтай:

«Сейчас удалось составить, вместе с Зиновьевым, первый набросок тезисов, *черновой*, очень неудовлетворительный редакционно (мы, конечно, *так* его не напечатает), но дающий, надеюсь, представление об основном» (т. 49, с. 402).

Владимир Ильич торопится разъяснить, что кажется ему не совсем точным в написанных уже тезисах. «Сейчас на очереди — уширение работы, организация масс, пробуждение новых слоев, отсталых, сельских, прислуги,

ячейки в войске для систематической, обстоятельной *Entlarvung* * нового правительства и подготовки завоевания власти *Советами рабочих депутатов*. Только такая власть *может* дать хлеб, мир и свободу» (т. 49, с. 402). Ленин определяет предстоящий период как «*вооруженное выжидание*», никакой поддержки и доверия новому правительству, «*вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа*» революции.

И чтобы не осталось ни тени сомнения в том, что под «рабочим правительством» он понимает правительство Советов, он пишет в самом конце данного письма: «Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что мир даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть» (т. 49, с. 403).

Так всего за три дня Владимир Ильич определил суть новых взглядов на задачи партии в революции после свержения самодержавия. Они расширялись, пополнялись новыми аргументами и доводами, но в целом остались неизменными и после возвращения В. И. Ленина в Россию: борьба за переход революции ко второму этапу, расширение работы во всех слоях общества, полная самостоятельность тактической линии, борьба против империалистической войны, вооружение рабочих, подготовка к завоеванию власти Советами рабочих и солдатских депутатов.

Новые идеи были высказаны им в докладе перед швейцарскими социал-демократами и местной большевистской группой в небольшом городке Ла-Шо-де-Фоне. Ленин еще в конце 1916 года обещал приехать туда с рефератом в годовщину Парижской коммуны, 18 марта 1917 года (5 марта по старому стилю). По дороге Ленин прочел и об амнистии, объявленной Временным правительством. Уезжая после прочитанного доклада, где он говорил и о значении русской революции, Ленин написал с дороги открытку Инессе Арманд:

«Дорогой друг! Пишу в дороге: ездил на реферат. Вчера (субботу) прочел об амнистии. Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать. Жму руку. Ваш В. У.» (т. 49, с. 403).

Мысли Ленина уже прикованы к возвращению на

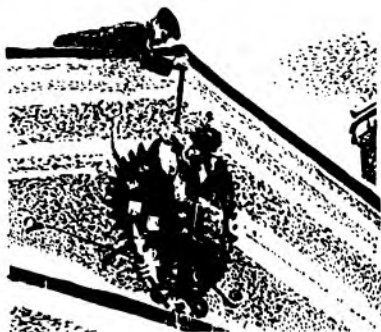
* Разоблачение. — Ред.

родину. Возможности для этого скоро открылись, хотя и связанные с риском. Пока же шли эти поиски, Ленин все силы отдает тому, чтобы его призывы, обращенные к российским большевикам, дошли побыстрее до адресатов. Не довольствуясь отправкой в адрес А. М. Коллонтай двух писем и наброска тезисов от 4 марта, Владимир Ильич 6 марта 1917 года (19-го по новому стилю) отправляет на французском языке в Стокгольм в адрес шведского социал-демократа Лундстрема телеграмму для большевиков, которые из Христиании и Стокгольма смогут скорее всех вернуться в революционную Россию:

«Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград. *Ульянов*» (т. 31, с. 7).

В «Письмах из далека», написанных с 7 по 12 марта 1917 года, В. И. Ленин дал оценку движущих сил, характера и направления революции в России, ответил на сложнейшие вопросы теории революции, государства, на вопросы тактики партии.

Призыв из Цюриха, директивы вождя революции были получены в революционном Петрограде. А вскоре и самого Ленина с восторгом встречал рабочий и солдатский Петроград на Финляндском вокзале. Революция продолжалась!

Эпилог

Вечером 3 апреля 1917 года небольшая площадь перед Финляндским вокзалом в Петрограде была заполнена тысячами рабочих и солдат. Колыхались красные знамена. Площадь освещали прожекторы военных противоаэропланов команд. Над людскими головами высились броневики с красными надписями «РСДРП». Это большевики подготовили встречу Владимиру Ильичу Ленину, возвращавшемуся с первой группой эмигрантов из Швейцарии в революционный Петроград.

23 часа 10 минут. Курьерский из Гельсингфорса подходит к перрону. Грянул оркестр матросов гвардейского экипажа, звуки «Марсельезы» раздалась над площадью. Ленин, улыбаясь, выходит из вагона, окруженный членами Центрального и Петербургского комитетов партии большевиков. Офицер, начальник почетного караула, берет под козырек и рапортует Ленину.

Председатель Петроградского Совета меньшевик Чхеидзе произносит в бывшем царском павильоне вокзала речь, где выражает надежду, что Ленин поддержит политику Совета и будет работать вместе с его президиумом. Но Ленин хмурится. Нет, он не будет поддерживать политику соглашательства с буржуазией, политику продолжения империалистической войны. Скорее на площадь — к рабочим и солдатам!

Людское море волнуется, рабочие и солдаты просят выступить Владимира Ильича. Стоя на броневом автомо-

биле, Ленин приветствует революционный русский пролетариат и революционную армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе.

— Товарищи! — говорит Ленин — Пролетариат всего мира с надеждой смотрит на смелые шаги русского пролетариата! Да здравствует социалистическая революция во всем мире!

С приездом В. И. Ленина в Петроград начался новый этап в развитии революционных событий в 1917 году. Владимир Ильич доказал, что буржуазная революция кончилась. Теперь пролетариат и его партия за переход к революции социалистической. Установившееся же в России двоевластие, наличие реальной власти в руках Петроградского Совета дает редкую в истории возможность начать эту борьбу в мирных условиях.

На VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) большевистская партия сплотилась вокруг ленинского плана борьбы за социалистическую революцию, повела решительную и терпеливую борьбу за массы. Через политические кризисы, потрясавшие страну в апреле, июне, июле и августе, большевистская партия вела народные массы к осознанию необходимости свержения буржуазной власти. Борьба закончилась победоносным Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде. В России победила социалистическая революция, прологом которой была Февральская революция. 27 февраля открыло дорогу 25 октября!

Список литературы и источников

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Поражение России и революционный кризис. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 26—30.

Несколько тезисов. *От редакции.* — Полн. собр. соч., т. 27, с. 48—51.

Военная программа пролетарской революции. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 131—143.

О сепаратном мире. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 184—192.

Фракция Чхеидзе и ее роль. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 234—237.

Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 239—260.

Доклад о революции 1905 года. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328.

Поворот в мировой политике. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 339—348.

Набросок тезисов 4(17) марта. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 1—6.

Телеграмма большевикам, отъезжающим в Россию. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 7.

Письма из далека. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 9—59.

О задачах РСДРП в русской революции. *Автореферат.* — Полн. собр. соч., т. 31, с. 72—78.

Прощальное письмо к швейцарским рабочим. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 87—94.

Речь на площади Финляндского вокзала к рабочим, солдатам и матросам 3(16) апреля 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 98.

О задачах пролетариата в данной революции. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—118.

Письма о тактике. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 131—144.

О двоевластии. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 145—148.

Письмо И. Ф. Арманд от 15 марта 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 398—399.

Письмо А. М. Коллонтай от 16 марта 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 399—401.

Письмо А. М. Коллонтай от 17 марта 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 49, с. 401—403.

Уроки революции. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 53—69.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966, т. 3, ч. М., 1967.

История гражданской войны в СССР. М., 1935, т. 1.

Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966.

Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 1.

Блок А. А. Последние дни императорской власти. Пг., 1921.

Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1967.

Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978.

Иоффе Г. З. Февральская революция в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970.

Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. (Из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967.

Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 — март 1917 г.). М., 1979.

Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977.

Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1967.

Ознобишин Д. В. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство. — Исторические записки. Т. 75. М., 1965.

Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года в России. М., 1982.

Салов В. И. Германская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1960.

Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973.

Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970 годы. Л., 1979.

Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 г. М., 1978.

Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л. 1976.

Чаадаева О. Армия накануне Февральской революции. М., 1935.

Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд. М., 1970.

Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. Пособие для учителей. 3-е изд. М., 1974.

Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

Шестаков С. В. Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977.

Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.

ОСНОВНЫЕ СОВЕТСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг. Т. II. 1907—1917. Л., 1939.

Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957.

Архив А. М. Горького. М., 1966, т. IX.

Буржуазия накануне Февральской революции. М. — Л., 1927.

Доклады М. В. Родзянко Николаю II. — Исторические записки. М., 1965, т. 75.

Монархия перед крушением. Бумаги Николая II и другие документы. М. — Л., 1927.

Падение царского режима. М. — Л., 1924—1927, т. I—VII.

Переписка Николая и Александры Романовых. М. — Л., 1927, т. V.

Разложение армии в 1917 году. М. — Л., 1925.

Отречение Николая II. Л., 1927.

Содержание

ОТ АВТОРА	4
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРИИ	
Поезд в Могилев	11
Буржуазия торгуется с царем...	29
...И крадется к власти	44
Революционеры	62
РЕВОЛЮЦИЯ	
Три первых красных дня	99
Стрельба	122
Восстание началось!	138
Успех	152
ПОБЕДА	
В Петрограде	171
В ставке	186
Двоевластие	198
Отречение	226
Призыв из Цюриха	242
ЭПИЛОГ	249
Список литературы и источников	251

Старцев В. И.

С 77 27 февраля 1917. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 255 с., ил. — (Памятные даты истории).

В пер.: 80 к. 75 000 экз.

Книга известного советского историка посвящена Февральской буржуазно-демократической революции. Автор, используя обширные исторические материалы, рассказывает о нарастании революционного подъема в России в первые месяцы 1917 года о ходе революции, свергнувшей самодержавие, и ее историческом значении. Издание, иллюстрированное фотографиями, рассчитано на молодого читателя.

С 0505030101 — 326 013 — 84
078(02) — 84

5БК 63.3(2)524
99(С)176

27
ФЕВРАЛЯ
1917

ИБ № 3821

Виталий Иванович Старцев

27 ФЕВРАЛЯ 1917

Рецензенты **А. Грунт, Г. Иоффе**
Редакторы **А. Афанасьев, Е. Малькова**
Художник **В. Боковня**
Художественный редактор **В. Кухарук**
Технический редактор **Н. Якубова**
Корректоры **Т. Крысанова, В. Авдеева**

Сдано в набор 14.03.84. Подписано в печать 20.11.84. А08230. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,44 + 1,68. Учетно-изд. л. 16. Усл. кр.-отт. 15,54 вкл. Тираж 75 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 2290.

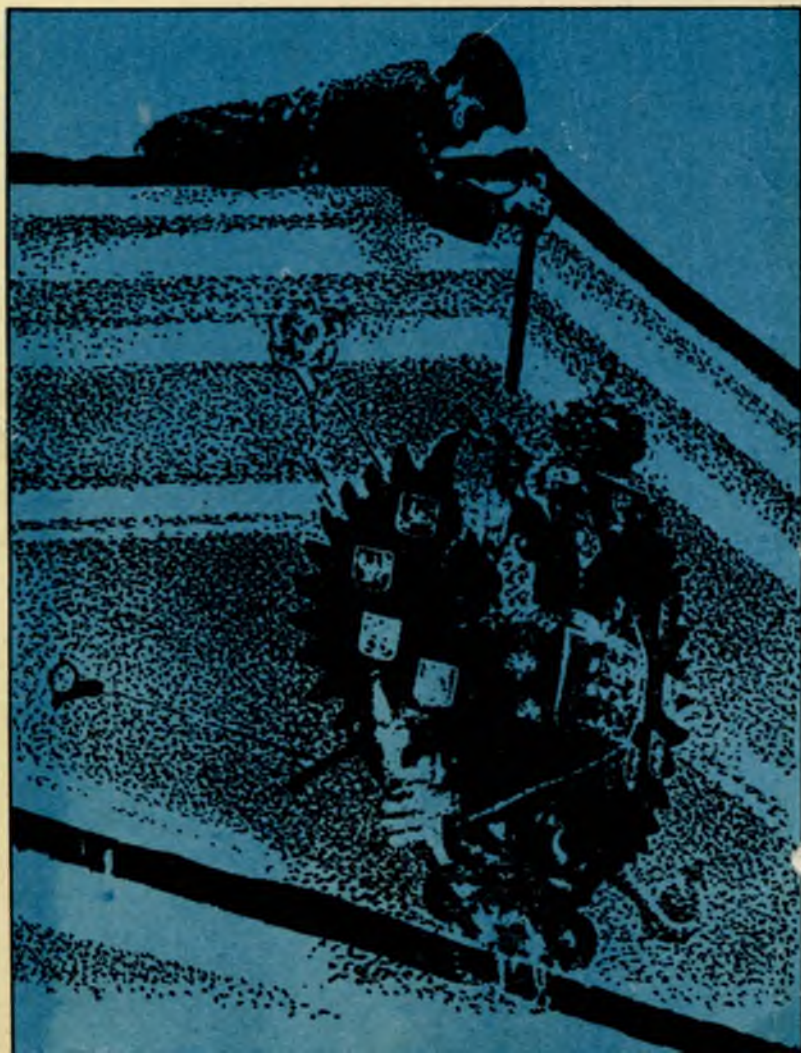
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суховская, 21.

80 коп.

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

27
ФЕВРАЛЯ
1917

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ

В. Старцев | 27 ФЕВРАЛЯ 1917